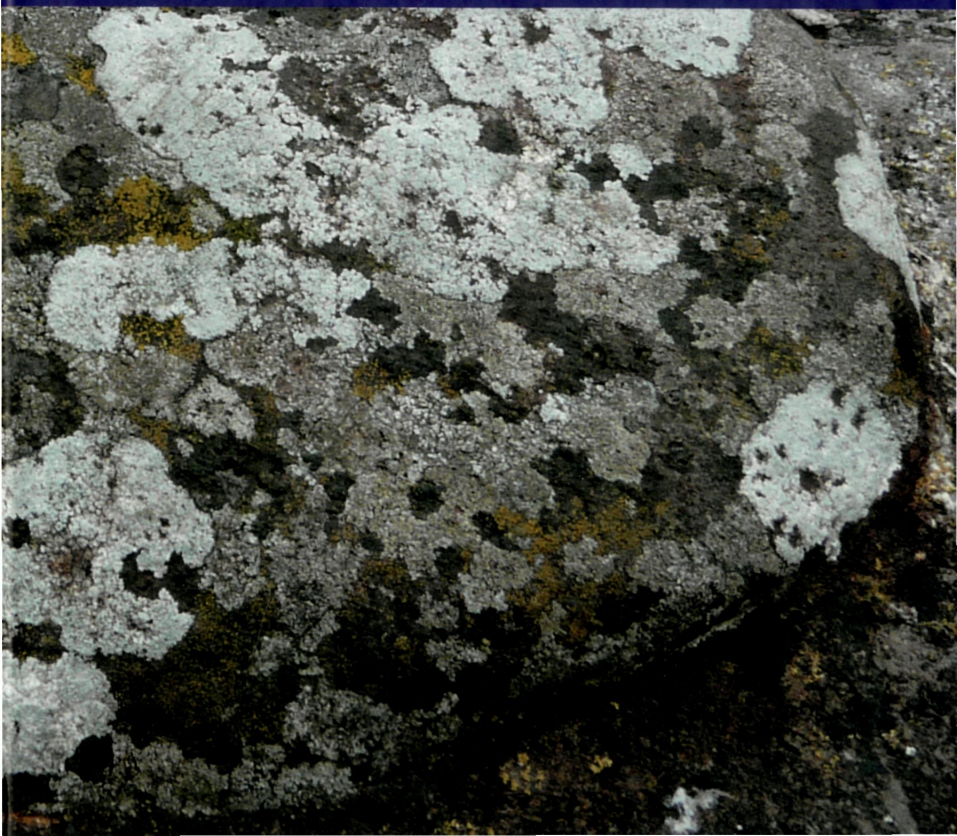

ВОЛШЕБНАЯ КНИЖЕЧКА

кельтское наследие, бретонские легенды

Волшебная книжечка
Кельтское наследие
Бретонские легенды

В переводе Анны Мурадовой

Москва
Форум
2011

УДК 242
ББК 86.37
Б87

Переводы, комментарии и составление
А. Р. Мурадовой

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований
ОИФН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой:
уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»

Б87 Волшебная книжечка. Кельтское наследие. Бретонские легенды / Пер. с бретонск., коммент. и сост. А. Р. Мурадовой. — М. : Форум, 2011. — 272 с.

ISBN 978-5-91134-484-9

Сборник переводов бретонских легенд и сказок, собранных и обработанных в конце XIX — начале XX века. Книга предназначена как любителям мистики и приключений, так и специалистам — филологам, этнографам, фольклористам. Тексты сопровождаются примечаниями; в приложении вы сможете узнать о собирателях бретонского фольклора и их информантах, об особенностях бретонской сказки и о корнях некоторых сказочных мотивов.

УДК 242
ББК 86.37

ISBN 978-5-91134-484-9

© Мурадова А. Р., переводы, комментарии,
составление, 2011
© Издательство «Форум», 2011

Предисловие ко второму изданию

Книга «Бретонские легенды», к радости составителя и переводчика, вызвала большой интерес у читателей. Филологи получили возможность ознакомиться с бретонскими текстами, до того не переводившимися на русский язык и поэтому недоступными тем, кто не владеет бретонским. Любители сказок смогли соприкоснуться с фольклорной традицией, пока что мало знакомой российским читателям. Поклонники мрачных новелл нашли в этой книге тексты, поражающие воображение и ledenящие душу: то ли жуткие истории, достойные пера Говарда Лавкрафта, то ли завораживавшие нас в детстве «Вечера на хуторе близ Диканьки» (с неподражаемым бретонским колоритом, разумеется). Те же читатели, кто прежде всего интересуется литературой кельтских народов, смогли расширить свой кругозор: благодаря плодотворной работе моих старших коллег-кельтологов ирландские саги (или, если быть точнее, повести) стали известны широкому кругу читателей, но бретонская литература до последнего времени оставалась в тени.

Причин тому немало: во-первых, ни по количеству произведений, ни по древности бретонская литература не может сравниться с ирландской или валлийской. Во-вторых, как это ни парадоксально, даже в самой Бретани отношение к собственному литературному наследию и современному фольклору неоднозначное. Как это часто бывает с представителями малых народов, бретонцы порой обесценивают и свой родной язык, и свою культуру. Во время опроса в ходе моих исследований часто выяснялось, что подобное пренебрежение к собственной

культуре происходит оттого, что устная народная литература ассоциируется с не самыми уважаемыми — хотим мы того или нет — в современном обществе крестьянами. Разумеется, на бретонском языке существует и вполне современная «городская» литература, да вот беда: очень мало кто с ней знаком, кроме тех, кому довелось учить бретонский язык в школе и университете (а таких людей в Бретани, увы, не очень много). Один тамошний журналист печально пошутил, что количество бретонских читателей примерно равняется количеству бретонских писателей. Это некоторое преувеличение, но мы все знаем, что в каждой шутке есть доля не самой приятной правды.

К тому же сказки и легенды в нынешнем мире считаются «детским», «несерьезным» литературным жанром, интересующим в лучшем случае младших школьников. И чтобы признаться во всеуслышание в чтении на сон грядущий народных сказок или легенд, нужно обладать либо немалой смелостью, либо дипломом филолога.

И наконец, в-третьих, широкой читающей публике известны в основном те образцы бретонской народной литературы, которые были опубликованы на французском языке. Квалифицированных переводчиков с бретонского можно пересчитать по пальцам: как правило, это или выходцы из смешанных семей, где один из родителей владеет бретонским, а другой, к примеру, английским, или иностранцы, обучившиеся бретонскому языку (как и ваша покорная слуга, переводчик и составитель этого сборника).

Удивительно, но многие из публикующихся в этом сборнике текстов, насколько известно, до сего времени не были переведены даже на французский язык, так что вполне возможно, что русские читатели первыми смогли познакомиться с такими необычными произведениями, как «Собака мертвой головы» или «Мальчик с кожаной плеткой». Впрочем, это не случайно. Интерес к кельтским народам в нашей стране уже вышел за рамки поверхностного увлечения и немало удивляет самих кельтов, которых волей случая заносит в Россию на парад в честь святого Патрика или на один из концертов кельтской музыки.

Неожиданно для переводчика один из самых ярких персонажей бретонского фольклора, Анку, шагнул со страниц этой

книги на сцену: в апреле 2009 года в Санкт-Петербурге состоялась премьера музыкального спектакля по сказке «Женитьба Анку» в исполнении студии Persona viva. Молодые актеры мастерски оживили сказку Эрве ар Моалля, который вряд ли мог предположить, что его творчество вызовет такой отклик на берегах Невы.

Несмотря на то что книга нашла своих читателей и, хочется верить, полюбилась им или как минимум оказалась полезной и познавательной, издателем и переводчиком было решено внести существенные изменения при ее переиздании. Второе издание снабжено подробными комментариями, адресованными прежде всего филологам, но, возможно, полезными и для любителей. Приложение было существенно расширено: читатели имеют возможность составить представление об истории бретонской литературы и ее особенностях. К тому же сами тексты предваряет небольшой исторический и этнографический очерк, позволяющий составить представление о бретонцах как о народе.

Приятного чтения!

*Анна Мурадова,
кандидат филологических наук*

Бретань, бретонцы и их язык

Бретань, в настоящее время являющаяся одним из регионов Франции, расположена на Армориканском полуострове, с трех сторон омываемом водами Атлантического океана. Восточная часть полуострова называется Верхней Бретанью, Западная — Нижней.

История Бретани и бретонского языка начинается с того времени, когда под давлением англо- и саксов часть бриттов переселилась с острова на континент. Остров тогда назывался Британией, а полуостров — Арморикой. Название Арморике дали галлы, близкие родственники бриттов; его можно перевести как «Приморье». Прибывшие бритты, как это часто бывает у переселенцев, решили дать полуострову новое название в честь покинутой родины. С тех пор остров стали называть Большой Британией, а полуостров — Малой Британией.

Не следует думать, что переселение было однократным или равномерным: бритты пересекали Ла-Манш и прибывали на полуостров группами, одна за другой. Во главе каждой из групп, как правило, стоял военный предводитель и священник либо монах, становившийся духовным лидером, а позже — главой церковной организации переселенцев. Основные волны миграций пришлись на V—VII века. Плотнее всего они заселили Нижнюю Бретань, в Верхней же местное население, галло-римляне, было многочисленнее.

Первое время Бретань представляла собой несколько враждующих между собой королевств. Позже они объединились; расцвет бретонского государства пришелся на время правле-

ния Номиное (800—851) и его сына Эриспое (?—857). При них граница Бретани максимально переместилась к Востоку. Однако набеги викингов, опустошившие полуостров, особенно его прибрежную часть в IX—XI веках, ослабили Бретань, чем не преминули воспользоваться воинственные восточные соседи — франки. С этого времени начинается долгая история постепенного подчинения Бретани (ставшей уже не королевством, а герцогством) и присоединения ее к Франции.

Одним из важных моментов стал перенос столицы, а заодно и герцогского двора в город Нант, находящийся на самом востоке Бретани. Это означало попадание не только под политическое, но и под культурное влияние Франции. К тому же именно с этого времени бретонская знать постепенно оставляет бретонский язык и переходит на французский. Здесь следует пояснить, что бретонский язык был распространен в Нижней Бретани; в Верхней Бретани он не закрепился даже во времена расцвета бретонского государства, и тамошнее население продолжало пользоваться романскими говорами, из которых позже сформировался местный диалект французского языка, называемый «галло».

Большой урон Бретани нанесла Столетняя война. Кроме того что в силу географического положения Бретань оказалась между воюющими сторонами, Англией и Францией, как между молотом и наковальней, внутри самой Бретани образовались две политические коалиции — профранцузская и проанглийская, боровшиеся за право наследования герцогского престола. Разумеется, внутренние распри лишь расшатывали и без того не самое прочное положение герцогства.

Окончательное присоединение Бретани к Франции произошло в 1532 году; этому предшествовала изнурительная война и брак герцогини Анны Бретонской с королем Франции, установивший эту войну и позволивший Бретани сохранить хотя бы часть свобод и относительную автономию. Став французской провинцией, Бретань потеряла не только политическую независимость, но и культурный престиж. Бретонский язык постепенно начал выходить из употребления среди представителей власти, чтобы спустя несколько столетий превратиться в язык повседневного общения в деревнях и небольших городках Нижней Бретани.

Особенно сложным стал для Бретани период Французской революции. Бретонцы, консервативные сторонники королевской власти и католической религии, оказали сопротивление новым идеям и новой власти, за что подверглись жестоким репрессиям. К тому же провозглашение революционным правительством идеи «Одна нация — один язык» подразумевало наряду с безусловно здравыми мерами, направленными на повышение грамотности говорящих по-французски, борьбу за искоренение региональных языков. Впрочем, технические средства того времени не позволяли, изгнав бретонский язык из школ, уничтожить его полностью. Тем не менее многим поколениям бретонскоговорящих школа прививала нелюбовь к порицаемому языку.

К началу XX века Бретань стала не самым благополучным (или, как тогда было принято говорить, отсталым) регионом. Основным занятием жителей было сельское хозяйство и рыбная ловля, а также мелкое полукустарное производство. Многим приходилось уезжать в Париж и другие крупные города на заработки. Традиционный уклад сельской жизни постепенно вступал в противоречие со стремительно менявшимися отношениями в обществе, неоднократно подвергавшимися существенным изменениям после двух мировых войн, «молодежной революции» 1968 года и технических новшеств.

Народная культура стала, с одной стороны, восприниматься как забавный анахронизм, а с другой — как источник вдохновения для творческой интеллигенции, обращавшейся к этнической тематике. Движение за возрождение бретонского языка и культуры, зародившееся в начале XX века, достигло апогея в 1960—1970-е и по сей день является силой, препятствующей исчезновению бретонского языка.

И все же традиционной бретонской культуре было нелегко приспособиться к современному миру. Телевидение, распространившееся в Бретани к 1970-м годам и ставшее, как и во всем мире, главным, если не единственным развлечением в сельской местности, нанесло, пожалуй, основной удар по традиции устной передачи текстов. Телевещание до сих пор ведется преимущественно на французском языке: бретонскому отводится ограниченное время на одном из местных телеканалов (около полчаса в день по будням, чуть больше — в выходные),

причем это время постоянно меняется, увы, не всегда в сторону увеличения.

Лишь бережное отношение бретоноговорящей интеллигенции к языковому и культурному наследию позволяет сохранить интерес к народной литературе. В последнее время интерес к своему языку среди молодежи заметно возрос. Немалую роль в распространении бретонского языка играет Интернет: электронные периодические издания не требуют особенных денежных вложений и доступны прежде всего молодежной аудитории. К тому же возможность выкладывать новости или злободневные репортажи в виде видеороликов или аудиозаписей делает энтузиастов независимыми от региональных СМИ. Люди всех возрастов получили возможность общаться в чатах и на форумах на родном языке, не испытывая чувства неловкости, нередко сопровождающего несетевое общение (в особенности это касается представителей старшего поколения, обучавшихся в то время, когда за разговоры на бретонском языке в школе наказывали).

Точное количество говорящих по-бретонски на данный момент неизвестно, так как во Франции во время переписи населения не указывается пункт о владении региональными языками. Бретонский журналист и филолог Фанш Брудик провел исследование, согласно результатам которого в конце 1990-х 20 процентов опрошенных понимали бретонский язык, но говорили на нем только 15,5 процентов, или 240 000 человек. Большинство говорящих по-бретонски на момент опроса были старше 60 лет.

В настоящее время число тех, кто выучил бретонский в детстве от родителей снижается из-за естественной убыли населения, но растет число тех, кто выучивает бретонский в школах. В Бретани существуют как двуязычные школы, так и школы Diwan, где обучение ведется полностью на бретонском языке.

Сказочник Гонто

Предисловие

*Раз сказочка, два сказочка,
Упала моя лошадочка.
Дергай за уши, дергай за хвост,
Встанет лошадочка в полный рост!*

Может быть, вы тоже знали Гонто: это был высокий худой человек, седые волосы падали ему на лоб, он всегда носил широкополюю шляпу, в руке держал дубовый посох, а во рту — трубку, да такую короткую, что она прокоптила ему нос, который стал похожим на каминную трубу.

У Пьера Гонто не было ни отца, ни матери, ни брата — никого. Ремесла у него тоже не было, но он никогда не голодал, и вот почему: Гонто был прекрасным рассказчиком. На плече у него вечно висела торба для хлеба, но кроме нее была у Гонто торба, полная сказок. Когда Гонто подавали кусок хлеба, он вытаскивал из второй торбы сказку и после этого никогда уже не убирал ее обратно: Гонто не любил дважды разогретую еду.

Если бы вы только видели его и слышали! Зимой, когда уже приближались сумерки, Гонто приходил к какому-нибудь хорошему дому, ведь нюх у него был отменный.

— А вот и Гонто пришел!

И вот уже все собаки лают, а дети кричат:

— Мам, сегодня я спать не пойду!

— Идите наверх, — говорят Гонто и усаживают его около самого очага, подают миску горячего супа и чашку сидра.

— Дяденька Гонто, — говорит какой-нибудь карапуз, — а расскажите нам сказку!

— Подожди, — одергивает его мать, — пусть он сначала съест свой ужин... И не забудь, Гонто, что ты сегодня ночуешь у нас.

— Хорошо, хорошо, — отвечает Гонто.

Тут приходит хозяин дома и его родня:

— А, ты пришел, Гонто? Прекрасно, прекрасно!

И вот ужин съеден, посуда помыта, подброшены поленья в очаг, мужчины закурили трубки, женщины взяли в руки веретена, дети собрались вокруг Гонто и вытаращили на него глаза.

— Да будет славен Господь и Богородица! — говорит Гонто, а потом начинает сказку. — Сегодня, если Богу угодно, я вам расскажу...

Женщины поднимают головы, смачивают во рту пальцы, дети разевают рты, а мужчины придвигаются поближе к огню.

Собака мертвой головы

У одного старика было два сына. Старшего звали Эрри, а младшего — Шарлез. Когда-то старик был богат, но добра своего не берег и разорился. Немного денег, однако, у него осталось, а сверх того — собака и лошадь, вот и все. Собаку называли Лихо, а коня — Горе, и когда вспоминали былое время, то старик говорил, что от хороших дней остались у него только Горе да Лихо.

Как-то заболел старик, и чувствуя, что приближается смерть, позвал своих сыновей и сказал им:

— Вот видите, теперь отец ваш навсегда расстанется с земными благами. Но кое-что я вам все-таки оставляю: Эрри получит дом и коня, Шарлезу остается собака и все деньги. Да хранит вас Бог!

Вздохнул старик и покинул наш мир. Оставил он своим сыновьям Горе да Лихо.

Похоронив отца, Эрри тут же продал дом, а потом сказал брату:

— Если хочешь, садись со мной на коня, он двоих выдержит. Поездим вместе по белу свету.

Шарлез согласился. Оседлали они оба Горе и — в путь, а Лихо сзади бежит. Но все дело в том, что Эрри был таким же

братом, как злодей Каин. Как только отъехали они далеко от дома и устроили привал, он сказал Шарлезу:

— Хватит глупостей, давай сюда деньги и собаку, а иначе — смерть.

Хотел он все деньги себе забрать, чтобы хватило их на дорожную одежду, думалось ему выглядеть как богатый господин и, может быть, в люди выбиться.

Шарлез просто онемел, когда это услышал. Эрри схватил его за волосы, выхватил нож и перерезал ему горло. Тело он выбросил в канаву, а деньги забрал себе.

Снова вскочил он на коня и позвал собаку:

— Эй, Лихо, Лихо!

Но пес не отходил от тела младшего брата. Сначала он не понимал, что случилось с хозяином, но, когда увидел, как течет кровь из его горла, начал его тормошить, как будто хотел разбудить. А когда понял, что хозяин не проснется, то завыл так, что по всей округе было слышно.

Те, кто жил неподалеку, выбежали из домов на жуткий вой, но, когда увидели огромную собаку, не решились подходить к ней близко. Тогда пес сам пошел к ним и привел к канаве, где лежал мертвый Шарлез.

Никто не знал убитого. Но, несмотря на страх, добрые люди сплели носилки из веток и отнесли Шарлеза в церковь. Там и похоронили. Никто не шел за гробом, разве что одна или две старушки проводили Шарлеза в последний путь. Так и осталась его могила безымянной.

Восемь дней пес поминал хозяина, днем и ночью бродил по кладбищу, и никто не мог его оттуда выманить. Но прошло восемь дней, и пес сам ушел с кладбища, потом — из деревни, а куда — никто не знал. Когда он добрался до того места, где был убит Шарлез, глаза у него налились кровью, шерсть встала дыбом, и он принялся разыскивать след, бороздя носом дорогу. Тут же он нашел то, что искал, и помчался так, будто гнался за волком. Но догнать убийцу хозяина он уже не мог.

За восемь дней до этого Эрри скакал так долго, что чуть не загнал лошадь. А через неделю он был уже за пятьсот лье от той

дороги. Куда он приехал, в какую страну — Эрри не знал. Люди здесь одевались по-другому, и обычаи у них были незнакомые. Язык их Эрри понимал с трудом, но денег у него было много, а язык золотых монет понимают в любой стране.

Солнце клонилось к закату, и его косые лучи освещали склон холма далеко впереди, и где-то совсем вдалеке, в лесу у подножия холма что-то светилось ровным светом, будто застывшее пламя.

— Ну что, Горе мое, — сказал Эрри коню, — поедем-ка до этого леса, а если не найдем там никакого жилья, то жалеть не будем! Заночуем прямо на земле, будет нам и мягкая трава, и деревья над головой.

У опушки леса Эрри увидел домик, а в дверях — женщину, которая возилась с ужином и что-то напевала. Эрри спешился и, держа коня под уздцы, подошел к женщине и попросил у нее чего-нибудь поесть. Когда он наконец с трудом смог объяснить ей, чего ему хотелось, женщина принесла ему в узелке хлеба и мяса. Остаться в доме на ночь Эрри не стал: слишком тихо и спокойно было вокруг, слишком счастливой казалась женщина. Гораздо больше нравились ему крики диких зверей в глубине леса. Указав на странный огонь вдалеке, Эрри спросил у хозяйки, что бы это могло быть.

Женщина побледнела и стала объяснять чужестранцу — часть словами, а часть — жестами, — что к этому месту приближаться ни в коем случае нельзя и что тот свет, который виден издали, — это свет башни ужасного замка, который называют Замком Зеркал. Замок этот, как говорят, весь сверху донизу из стали и стекла, и каждый вечер, на закате, на десять лье кругом видно, как среди леса пылает он кровавым пожаром. Кто там живет — никому не ведомо, а те, кто уходил к этому замку из любопытства, назад никогда не возвращались. Рассказывая все это, женщина дрожала. Эрри поблагодарил ее и направился к лесу, ведя лошадь на поводу.

По дороге он думал — дойти ли до замка этим вечером или подождать до следующего дня. Однако он устал, да к тому же замок был еще далеко. У дороги стоял большой дуплистый дуб, и Эрри решил, что лучшего места для ночлега не найти: в дупло кто-то уже натаскал сена, а рядом с пустым деревом бил род-

ник, вокруг которого росла густая трава — отличное пастбище для коня.

Эрри привязал Горе к кустам, а сам забрался в дупло, пожевал хлеба и подумал о том, куда ему двигаться дальше. Запив хлеб водой из источника, он собрал хвороста и разжег огонь, чтобы согреться, а заодно отпугнуть диких зверей.

Спустилась ночь, темнота сгустилась в лесу, затянули свою песню волки: одни воют, другие отвечают. Лошадь наострила уши, да и Эрри стало не по себе: он один в огромном лесу, где бродит смерть и ищет его. Он вспомнил убитого брата, и тревога его усилилась. Чтобы стряхнуть ее с себя, Эрри забрался в дупло, устроился на сене и заснул. На всякий случай он вытащил меч и положил его возле себя, чтобы оружие было под рукой. Он ненадолго закрыл глаза, стараясь не замечать звериного воя, но заснуть как следует ему не удалось: он то и дело просыпался от страха, выглядывал из дупла и смотрел в темноту между деревьев. Огонь освещал небольшое пространство, но дальше ничего нельзя было разглядеть: кругом было темно, как в мешке. В голове усталого Эрри мелькали странные мысли: ему казалось, что он зря раздул огонь и решил бороться с темнотой, потому что темнота все равно затопчет его костер, а после — задавит и его самого. Он встал и подбросил веток в костер, потом вернулся в дупло и наконец-то заснул как следует.

Но спал он беспокойно: недобрые сны приходили к нему. Ему почудилось, что он видит брата, который держит в одной руке собственную голову, а другую руку протягивает ему навстречу. Холодный пот прошиб Эрри, волосы у него встали дыбом; и он проснулся от того, что сам завыл, как дикий зверь. Он открыл глаза и застыл на месте: и правда, какой-то человек с огромной собакой — или с волком? — стоял возле дупла, и на плечах у этого человека не было головы. Эрри потерял сознание.

Когда он пришел в себя, солнце было уже высоко. Эрри вложил меч в ножны и пошел к источнику смыть с себя остатки сна. Увидев свое отражение в воде, он заметил, что волосы его стали совсем седыми — а еще вечером они были черными! Возле его коня сидела собака, вытаращив на него красные глаза. Эрри узнал Лихо.

— Так что же, это правда, то, что я ночью видел? Ну и ладно, даже хорошо, что братец пришел меня проведать. В другой раз я не стану его бояться. Пока я буду жив, пока скачет подо мной Горе, мне наплевать на всякие там привидения. Вот только собаку надо бы отправить вслед за хозяином. А ну-ка, Лихо, иди ко мне!

Собака оскалила зубы, как будто поняла все, что он сказал. Эрри вскочил на коня и поскакал по узенькой тропинке, которая уводила в глубь леса. Лихо тут же поднялся с места и побежал вперед.

Прошло немного времени, и Эрри понял, что не знает дороги. Он спешился и залез на дерево, чтобы, может быть, увидеть замок, но, насколько хватало его взгляда, он видел лишь листья деревьев, шумящие на ветру как зеленые морские волны.

Замок — по крайней мере, так ему казалось — был к западу от дороги, и до сих пор Эрри ехал именно в ту сторону. Может быть, если и дальше ехать на закат, дорога приведет к замку.

Когда Эрри спустился с дерева, пес уже поджидал его, сидя в десяти шагах на дороге. Эрри взял коня за узду, и пес снова побежал вперед. Эрри поскакал по тропинке. Когда он останавливался, чтобы оглядеться, пес оборачивался и недовольно лаял. Может быть, подумал Эрри, Лихо чувствует что-то и лучше будет ехать за ним.

Через два или три часа пути пес остановился как вкопанный. Лес еще больше помрачнел, деревья здесь были еще выше и красивее, но не было слышно ни единого шороха: наверное, даже птицы сюда не залетали. Эрри привязал лошадь к какому-то пню, выгасил меч и стал озираться. Пес вывел его на широкую дорогу, скрытую за деревьями. В конце дороги стояли две скалы, между которыми вилась ниточкой маленькая тропинка.

Чтобы посмотреть, куда она вела, Эрри снова залез на дерево и увидел, к своему удивлению, замок из стали и стекла, Замок Зеркал, в половине лье от себя. Замок был такой большой и высокий, что, казалось, до него рукой подать.

Эрри спустился на землю и пошел к скалам, ведя коня за собой. Чем ближе он к ним подходил, тем страннее становилась

дорога: по обеим ее сторонам земля была темно-красная, цвета запекшейся крови. На самой дороге было много мусора — словно какие-то белые палки повсюду разбросали. Пес начал завывать, и Эрри в ужасе понял, что дорога была полита кровью и усыпана костями. Но почему?

Он подобрал с дороги камень и кинул его в проем между двух скал. И тут же быстро, словно молния, скалы сомкнулись, так же как смыкаются зубы, и смяли камень так, что от него, будто от куска хлеба, остались одни крошки. И в тот же миг скалы встали на место. Пес выл все громче и громче, и Эрри стал испуганно озираться, боясь, как бы кто-нибудь не толкнул его между двух страшных скал. Думал он только об одном — как бы убежать отсюда.

Откуда-то из-под камней раздался голос:

— Тебе надо пройти здесь, ты слишком много видел, чтобы повернуться вспять, и есть только одна дорога, чтобы пройти туда, куда ты хочешь пройти. Через кровавые ворота должен пройти каждый, прежде чем попасть в Замок Зеркал.

Эрри даже и не пытался повернуть назад.

— Так что же, — спросил он, — это значит, надо умереть, прежде чем пройти в замок?

Голос ответил ему:

— Умереть — это слишком легко. Нужно пройти туда живым. Кровь на моих губах, кости, скрипящие на моих зубах, — это кровь и кости людей, которые пришли сюда и которых я убила. А тот, кто хочет пройти живым, должен отправить впереди себя другого, чтобы тот умер вместо него. Жизнь человека — вот плата за право пройти в Замок Зеркал, и нужно заплатить ее мне.

— О Господи! — воскликнул Эрри — Значит, мне придется умереть!

В слезах он пошел навстречу к скале-убийце. Он шел, и какая-то сила его подгоняла, так что он против воли ступал по узкой дороге, покрытой кровью и костями, и думал: «Вот и пришло мне время заплатить долг брату. Только вот мне придется быть размолотым скалой...»

Он плакал и от горя, и от злости.

Вот он уже подошел к самому концу дороги. Ему показалось, что он уже слышит, как с хрустом ломаются его кости между зубами скалы, что он одной ногой уже в могиле, что еще немного — и он будет размолот, как зерно между жерновами. Он закрыл глаза и подумал, что уже умер. Но нет! Он прошел между скалами целым и невредимым.

За ним пробежал Лихо, и конь тоже пробрался за ними. Эрри не знал, что и думать, когда снова услышал голос, который доносился из скалы:

— Иди же вперед: кровь твоего брата была платой за вход!

И Эрри медленно побрел по дороге в сторону замка, оглядываясь по сторонам. Лихо, как и раньше, бежал впереди. Эрри уже и не думал о том, что ему пришлось испытать и какую цену он заплатил, чтобы остаться в живых: ему не терпелось увидеть Замок Зеркал своими глазами.

За деревьями был виден яркий свет, свет замка из стали и стекла, который со всех сторон сиял, отражая солнечные лучи. Эрри подошел к воротам замка, и первое, что он увидел в великолепном дворе, были две огромные статуи: одна — стальная, а вторая — стеклянная. Завидев его, статуи принялись петь. Эрри остановился, восхищенный, и вслушался в песни.

Занятное дело — только губы статуй шевелились, когда они пели по очереди. И песня одной статуи была благозвучной, а голос был звонкий, как стекло. У другой статуи голос был такой, будто звенела бронзовая сковорода или стальной меч.

Вот что пела первая статуя:

К нам, чужестранец, подходи,
И в зеркале себя найди,
В зеркале своей души
Все увидишь, поспеши!

И вторая пела на тот же мотив:

К нам, чужестранец, подойди,
Судью ты в зеркале найди,
В зеркале твоей души
Хуже смерти страх лежит

Такие песни не порадовали Эрри: он-то думал, что после того ужаса, который ему пришлось пережить у страшной скалы, ему остались только одни удовольствия. Но теперь он начал

понимать, что, наверное, ошибся, и снова вспомнил о брате. Но долго раздумывать он не мог. Как только статуи перестали петь, ворота замка распахнулись. И хотя Эрри уже не так хотел проникнуть в замок, ему пришлось войти в эти ворота, которые тут же за ним захлопнулись. Эрри оказался наконец в самом замке посреди двора, который не был похож ни на один двор из тех, что ему когда-либо доводилось видеть.

Двор был гораздо больше в длину, чем в ширину, но при этом узким его назвать было нельзя.

Эрри стал было искать кого-нибудь, кто смог бы указать ему, куда идти дальше и куда отвести коня и собаку. Долго ждать ему не пришлось. Неожиданно к нему подошли три человека в синей одежде и красных шляпах. Один взял его лошадь, другой — собаку, а третий взял за руку самого Эрри. При этом ни один из них не проронил ни слова. Вслед за человеком в красной шляпе Эрри дошел до конца двора, где были еще одни ворота. Там слуга надел на него такую же красную шляпу, которая была у него в кармане, и молча втолкнул Эрри в ворота, выходящие на другой двор.

— Эй, друг, а как же моя шляпа? — закричал Эрри, но дверь оказалась заперта, а человек вместе со шляпой Эрри остался за ней.

Но и тут он не успел оглянуться, как какой-то человек снова взял его за руку. Этот был одет во все красное, а шляпа у него была синяя, но и он, казалось, ничего не слышал и ничего не мог сказать. Эрри пересек и этот двор. Когда он дошел до третьих ворот, человек в красном сорвал с него куртку и штаны.

— Эй, полегче! — возмутился Эрри.

Но человек бросил на него такой злобный взгляд, что Эрри тут же успокоился и стал послушным, как баран, которого стригут. Теперь он был одет во все красное. Ворота открылись, и удивленный Эрри оказался в другом дворе. И тут случилось то же самое, но на этот раз ему дали красные башмаки, красные перчатки, а на шею надели стеклянные бусы и стальную цепочку.

И вот Эрри, разодетый, как настоящий принц, прошел в последний двор, который вел прямо в замок. Чтобы войти внутрь, нужно было подняться по широкой лестнице, которая

вела к трем дверям, две из которых — по бокам — были стальные, а третья — в середине — стеклянная.

Как только Эрри поднялся по лестнице, средняя дверь запахнулась, и, дрожа, путник вошел в замок. И справа от себя, и слева, он видел множество женщин и мужчин, но все они застыли в одной позе и молчали, словно все были немymi статуями. Перепуганный Эрри заметил, что все они скованы цепями. Казалось, что его уже ждали: какая-то прекрасная дама приняла его как дорогого гостя. Это хоть немного порадовало Эрри, особенно когда дама сказала ему:

— Идите сюда, друг мой. Вы ведь проделали долгий путь. Теперь вам надо бы поесть и отдохнуть как следует.

Откуда ни возьмись появилась целая стайка пажей и придворных барышень: смеясь и что-то напевая, они побежали вслед за дамой и ее гостем в большую залу, где был накрыт великолепный стол. Во главе стола было три почетных места.

Интересно, кто же третий? Дама осталась стоять, а Эрри тем временем думал: «Наверное, она ждет своего мужа».

И тут в залу вошло странное существо. Эрри вскрикнул, а дама засмеялась. У того, кто шел прямо к столу, не было головы на плечах. Незнакомец опустился на стул рядом с Эрри, дама тоже села к столу, и трапеза началась. Никто не обратил внимания на странный страх, который охватил Эрри настолько, что слышно было, как у него стучали зубы. «Это мой брат, мой брат, он опять ходит за мной по пятам и портит мне все удовольствие!»

Человек без головы, конечно же, не мог участвовать в трапезе. Да и Эрри тоже не мог ни есть, ни пить. Волосы у него на голове вставляли дыбом всякий раз, когда брат передавал ему какое-нибудь кушанье. Бежать, однако, Эрри не решался, тем более что ни госпожа, ни ее пажи не видели ничего страшного в том, что происходило. Тогда Эрри сказал себе, чтобы успокоить страх: «Ну, значит, и я тоже привыкну к этому». Но все же он едва смог дождаться окончания ужина. Когда хозяйка замка встала с места, человек без головы, одетый во все красное, будто весь облитый кровью, тоже поднялся, подал ей руку, и дама с улыбкой взяла его ледяную руку в свою.

Эрри отвернулся и зажмурил глаза. Когда он смог их открыть, около него были только госпожа и ее пажи.

— Друг мой, — сказала хозяйка замка, — вы очень устали; вам, очевидно, следует отойти ко сну.

Слуга повел Эрри в комнату, где ему предстояло провести ночь, через длинный-длинный коридор со множеством дверей. Время от времени убийца оборачивался, опасаясь увидеть Чело-века без головы, но чем дальше уходил он от той залы, где прошел ужасный ужин, тем легче становилось у него на душе. Когда слуга довел его до двери, находившейся где-то в дальнем конце замка, Эрри спросил своего провожатого:

— А кто-нибудь еще будет ночевать в этой комнате?

Слуга отвечал ему:

— В этой части замка у нас поселяют только приезжих. Сейчас их только двое — вы да еще один. Что ж, спокойной вам ночи!

Говоря это, слуга ухмыльнулся и поспешно ушел.

Эрри снова растерялся:

— Кто, интересно, тот другой?

Ему захотелось позвать слугу, чтобы тот вернулся, но было уже поздно. Приходилось рассчитывать на себя одного... Дверь комнаты была перед ним, но открыть ее он не решался. Что там, за ней? А вдруг там снова его брат?

И тут Эрри разозлился сам не зная на что и закричал что было сил:

— Ну и пусть он там! Я убью его второй раз!

С этими словами Эрри распахнул дверь и одним прыжком оказался в комнате. Он сжал кулаки и сам весь сжался в комок от страха и злости.

Свет сразу же погас, и комната растворилась в темноте. Эрри наткнулся на что-то, а на что — понять не смог, вцепился в это «что-то» и начал раскачивать. Какой-то тяжелый предмет рухнул на пол с ужасным грохотом, и вконец обессиленный Эрри тоже опустился на пол ни жив ни мертв. «Надо бы зажечь огонь», — думал он. После долгих поисков впотьмах он нашарил спичку, потом — свечу, наконец, зажег свет. На дощатом полу комнаты лежал платяной шкаф — с ним-то Эрри и сражался.

Несмотря на смертельную усталость, Эрри не хотелось ложиться. Он подошел к двери, думая о том, как бы найти коня и ускакать из проклятого замка, но дверь оказалась заперта снаружи. А была она стальной, как и все двери в этом замке. Трясти ее и пытаться выломать было напрасно. Никаких окон в комнате тоже не было: лунный свет падал сверху — крыша в замке была стеклянная.

Ему оставалось только смириться, остаться в комнате и лечь в кровать¹. Эрри подошел со свечой в руке к темной широкой кровати: ни шороха, ни вдоха. Он разделся, немного успокаиваясь. Как только он собрался лечь, свет погас сам собой. И тут Эрри почувствовал, как его тело касается чего-то холодного, будто в постели рядом с ним положили труп. Эрри вскрикнул и выпрыгнул из постели, но холодные и твердые как сталь руки схватили его шею, обвили тело. Голова Эрри оказалась прижата к чьей-то груди. Эрри поднял руки, чтобы вцепиться противнику в горло, но не нашел ни шеи, ни головы. Его сердце похолодело, и он застыл, словно связанный руками Человека без головы.

Солнце давно уже освещало комнату Эрри, когда сознание вернулось к нему. Свет падал через стеклянную крышу и освещал каждый уголок. Птицы с задорным криком пронеслись над головой. Когда Эрри вспомнил все, что с ним случилось предыдущим днем и что произошло ночью, ему показалось, что все это — только страшный сон.

Он быстро оделся и подошел к двери. На сей раз дверь была не заперта. В коридоре уже стоял слуга, который вежливо поздоровался с постояльцем.

— Приведи мне коня и собаку, — сказал ему Эрри. — Я прощаюсь с хозяйкой замка, мне пора уезжать.

— Вы останетесь здесь самое меньшее на три дня.

— Да я и трех часов у вас не останусь! Слуга снова ухмыльнулся:

— Слово нашей хозяйки здесь — закон.

— Ну хорошо, отведи меня к хозяйке, я с ней поговорю.

— Она уже ждет вас...

¹ В старые времена в Бретани на постоялых дворах и на фермах в одной кровати ночевало несколько человек.

Эрри прошел вслед за слугой в залу, где вчера ужинал. Хозяйка замка была уже там; вокруг толпились ее пажы и молоденькие барышни, а на стуле рядом с ней сидел Человек без головы. Госпожа спросила Эрри, подавая руку для поцелуя, как ему спалось этой ночью. Человек без головы сидел не шевелясь и не подавая признаков жизни.

— Госпожа, — Эрри краешком глаза посмотрел на привидение. — Если уж говорить начистоту, я не смог уснуть в той комнате.

— Вот как?

— Я не знаю... Мне всю ночь снились кошмары, — пробормотал Эрри.

— Хорошо, — ответила госпожа, — следующую ночь вы будете спать в другой комнате.

— Как я вас благодарю! — воскликнул Эрри, не решаясь заикнуться о том, что ему хотелось как можно скорее ускакать из замка.

И снова началась трапеза. Но Эрри опять кусок в горло не шел, как ни упрашивала его госпожа отведать изысканных блюд.

После обеда хозяйка предложила прогуляться по саду. Сад в замке был великолепный, тут росли и ароматные цветы, и высокие деревья, но... Эрри шел под руку с госпожой, а с другой стороны ее вел под руку его брат — Человек без головы.

Когда они втроем проходили мимо каких-то фруктовых деревьев, дама стала срывать плоды и предлагать Эрри на стальном подносе груши, яблоки и другие лакомства, такие сочные и спелые, что Эрри не смог удержаться и съел несколько яблок и груш.

Прогулка окончилась ближе к ужину, и Эрри снова почувствовал себя не в своей тарелке: яблоки и груши, которые он съел с таким удовольствием, оставили у него на губах такой горький вкус и такую боль, что, казалось, еще немного — и он расстанется с жизнью. Госпожа, видя, что гостю стало не по себе, принесла ему какой-то желтоватой воды. Эрри выпил эту странную жидкость и ничего больше не чувствовал.

Но если б он знал, что его ждет дальше, то, наверное, предпочел бы умереть от ядовитых яблок и груш.

После ужина госпожа позвала слугу и что-то ему шепнула. Потом она попрощалась с Эрри и пожелала ему провести ночь лучше, чем накануне.

— Куда ты меня сегодня отведешь? — спросил Эрри у слуги.

— Туда, где вам уж точно будет хорошо, — отвечал тот, — в Комнату Зеркал.

— Каких еще зеркал? — испуганно спросил Эрри, перебирая в уме, что еще за шутку с ним могут сыграть.

— Сейчас, еще немножечко, и мы придем, — проворчал слуга, — и вы до самого утра сможете на себя в зеркало любоваться...

Они подошли к стальной двери на одной из лестничных площадок.

— Вот здесь, — сказал слуга, — ваша спальня.

Он слегка дотронулся рукой до двери, и она открылась.

— До свидания! — с этими словами слуга втокнул Эрри в комнату, как втолкивают осужденного в тюремную камеру.

Эрри услышал, как у него за спиной в замке поворачивается ключ. Сперва Эрри как следует огляделся по сторонам — нет ли и здесь его брата. Но то, что он увидел, тоже его не обрадовало. Вся комната сверху донизу была увешана зеркалами; потолок был весь зеркальный, пол — тоже. Эрри так и застыл со свечой в руке: куда бы он ни посмотрел, везде видел свое отражение. На свет свечи зеркала отвечали десятками бликов.

— Это что-то новенькое, — подумал Эрри вслух. — Осталось только разобраться, а где же у них тут кровать?

Но кровати в этой комнате не было. Эрри удивился еще больше.

— Наверное, этот слуга просто ошибся комнатой и привел меня не туда, ведь здесь негде ночевать. Надо будет сказать об этом госпоже.

Мало того что в комнате не было никакой мебели, ни шкафа, ни кровати, там и камина не было. С четырех сторон — ничего, кроме зеркал, которые светились вверху, внизу, слева, справа... Эрри не знал, куда смотреть. «Надо выбраться отсюда», — подумал он.

Дверь была крепко заперта, с внутренней стороны на ней не было ни замочной скважины, ни ручки, за которую можно было бы ухватиться. Эрри обошел всю комнату со свечой в руке, но не нашел ничего — ни дверцы, ни отверстия. Зеркала были во всю стену — даже щели найти было нельзя. Пришлось Эрри сесть прямо на пол и поставить свечу рядом с собой. Он не стал терять голову, а попытался позвать кого-нибудь, кто бы мог хотя бы постелить ему здесь постель.

Десять раз ему ответило эхо, как будто бы он разговаривал с собственными отражениями. Звук его голоса утих, и снова все стало по-прежнему: как ни кричал Эрри, никого он не дозвался.

— Ну ладно, — сказал он себе. — Они, видно, опять из меня дурака делают. Ну и пусть! А я все-таки выберусь отсюда, в дырочку пролезу, даже если эту дырочку мне самому придется расковыривать!

Подсвечник, как и все в этом замке, был стальной. Эрри снял с него свечу и со всей силы ударил им по зеркалу. Подсвечник отскочил, а зеркало не только не разбилось, но даже и не треснуло. Эрри рассвирепел и начал колотить по полу, по стенам, налево, направо, но все напрасно. Эрри бил по стеклу, как кузнец бьет по наковальне, да так, что подсвечник в конце концов сломался, а зеркала даже не поцарапались. Со слезами на глазах Эрри сел на пол. Свеча догорела, а значит, ему предстояло провести ночь на полу, да еще и в темноте.

Но как только огонь погас, комната осветилась другим светом, который, как казалось, исходил из зеркал, и насмерть перепуганный Эри услышал голоса, которые что-то напевали. Пели одновременно два голоса: один — звонкий и приятный, а другой — звучный и громкий, но пели они одно и то же:

Странник, взор свой подними,
В зеркало мое взгляни!
В зеркале твоей души
Хуже смерти страх лежит.

Эрри вскочил на ноги и вспомнил о двух статуях — стеклянной и стальной, которые встретили его у входа в замок. Статуи оказались возле него, не переставая петь. Каким образом они очутились в комнате и из чего на самом деле были сделаны,

ведь выглядели эти статуи как живые? Стальная статуя подняла руку и положила ладонь на сердце Эрри. Стеклянная прочертила неведомый знак перед его глазами, и Эрри почувствовал новые силы, ему больше не хотелось спать, но какая-то смутная тревога охватила все его тело: он чувствовал, что снова придется мучиться.

А свет все разгорался и отражался в зеркалах. И вдруг Эрри увидел в одном из зеркал дорогу, а на дороге — собаку и коня с двумя седоками. Седоки спешили у опушки какого-то леса, как будто решили отдохнуть, и вдруг один из них выхватил нож и перерезал горло второму. Собака жутко завyla. Кровь, хлынувшая из горла убитого, залила сначала всю дорогу, потом Эрри увидел, что кровавая река растет, выходит из берегов, и отрезанная голова брата плывет по ней, уставившись прямо на него. Эрри похолодел, увидев, что кровь будто бы выливается прямо в комнату, грозит потопить его, заливает со всех сторон — сверху, справа, слева, а когда мертвая голова снова глянула ему в глаза, Эрри попытался отвернуться и отвести взгляд. Но рука стеклянной статуи помешала ему; закрыть глаза Эрри не смог и смотрел не отрываясь на поток крови и на плывущую в нем голову. Эрри хотелось умереть на месте или хотя бы потерять сознание, чтобы хоть немного забыться. Но на его сердце лежала рука стальной статуи, и сердце все так же мерно билось в его груди, несмотря на страх и волнение. Такой пытки Эрри до сих пор не испытывал — ему казалось, что он живьем попал в Ад. Но и это еще было не все.

Стальная статуя протянула руку и положила ее на плечо Эрри. Ему пришлось встать. Сначала он услышал топот копыт, будто лошадь несется галопом, но ничего не смог увидеть. Внезапно конь появился из темноты и оказался прямо перед Эрри. Видны были очертания двух седоков, но на двоих у них была только одна голова, и Эрри узнал в этом видении себя и тело своего брата. Его собственная тень на спине лошади пыталась освободиться от объятий мертвеца, но это никак ей не удавалось. Лошадь скакала бешеным галопом, но мертвец даже не покачивался в седле.

Эрри понял: это — картина его будущего, а только что перед тем он видел свое прошлое. Такая жизнь будет не лучше адских

мук, и так продлится до самой смерти — такое наказание выпало ему в этой жизни за содеянное.

Трудно описать, что творилось в душе Эрри в ту ночь. Когда настало утро, статуи исчезли, и все вокруг стихло. Зеркала отражали только дневной свет, но Эрри никак не мог прийти в себя. Когда он увидел в зеркальной стене свое осунувшееся зеленоватое лицо с ввалившимися глазами, то испугался своего отражения не меньше, чем если бы перед ним снова начали проплывать страшные картины ночи. Он принялся бродить взад и вперед по комнате, как зверь в клетке, ожидая, когда ему откроют дверь. Наконец явился слуга.

— Ну как, — спросил он, — почивать изволили?

Эрри ответил ему взглядом, способным убить кого угодно, но слуга и бровью не повел:

— Так как же вам, господин, ночью спалось?

Эрри закричал не своим голосом и вместо ответа вцепился слуге в горло. Тот не успел и слова сказать, как расстался с жизнью.

Только после этого Эрри наконец-то пришел в себя. Он некоторое время стоял над телом слуги и думал: «Может статься, он и не виноват, что со мной здесь такие шутки шутят.. Но клянусь чем угодно, что до завтрашнего дня все, кто надо мной издевался, заплатят мне по заслугам!» С такими мыслями он перетащил тело слуги в Комнату Зеркал, а сам пошел в сад. Ему хотелось как следует осмотреть замок, отыскать какую-нибудь лазейку, чтобы убежать, а заодно отомстить за все то зло, которое ему причинили.

— Для начала, — сказал он сам себе, — надо бы узнать, где держат моего коня.

Он пошел через сад, надеясь найти где-нибудь конюшню, и по дороге наткнулся на старушку, которая, стоя на коленях, пропалывала грядки, выбирая сорную траву. «Наверное, — рассудил Эрри, — она знает, где конюшня?»

— Эй, бабуля, — крикнул он, — руки не замерзли?

Старушка подняла голову. Если бы Эрри смыслил в колдовстве, он бы понял, что под сморщенной кожей и под бедной одеждой скрывается молодая хозяйка Замка Зеркал.

— Что тебе, сынок? — спросила она.

— Да вот, бабуля, я слышал, что здесь кони красивые, хотелось бы на них посмотреть.

— Ах вот оно что! Твоя собака и твоя лошадь вон в той конюшне. Но тебе незачем туда идти, ничего из этой затеи не выйдет, только хуже будет.

— Да ну? — Эрри так и подскочил на месте.

— Ведь всем в замке уже известно, что это ты убил слугу.

— Господи!

— Но если хочешь, я расскажу тебе, как отсюда убежать. Для этого нужно поджечь замок.

— Поджечь стальной замок? Этот как же?

— А я тебе расскажу как. Возьми кровь того человека, которого ты убил, окрась ею окно или дверь и подожги. Но сначала скинь с себя всю одежду, ведь все, что принадлежит замку, должно сгореть.

Рассказывая об этом, старушка посмеивалась. Во рту у нее был только один зуб, который шатался при каждом движении. Эрри испуганно смотрел на старуху и не смог проронить ни слова, прежде чем она скрылась из виду. Пока же Эрри приходил в себя, старуха пошла к конюшне, отвязала Горе и Лихо и пинками прогнала их прочь. Потом она схватила палку, стоявшую за дверью, и побрела к лесу.

Эрри тем временем вернулся в замок, сжимая в руке нож. Он был готов перерезать глотку любому, кто попадется ему на пути. Навстречу ему выбежал маленький паж, но, едва увидав разъяренного постояльца, с визгом понесся в замок. Эрри пустился вслед за ним. «Наверное, — думал он, — тело слуги уже унесли из Комнаты Зеркал».

Вслед за пажом Эрри вбежал в комнату, где три плотника строгают доски и сколачивали гроб для погибшего слуги. Сам мертвый слуга лежал в соседней комнате неподалеку от них. Эрри оставил в покое маленького пажа и тихонько прокрался в комнату мертвеца. Никто не услышал, как он вошел, да и сами плотники так стучали молотками, что ни на что не обращали внимания. Но и тут Эрри ужасно не повезло: он взял мертвеца за руку и ударил по ней ножом, но кровь долго не вытекала. Наконец, Эрри смог вымазать обе руки в крови и перепачкать ей

стены комнаты, потом схватил факел и поднес его к окровавленной стене. Стальная стена затрещала, задымилась и загорелась. Эрри понес факел дальше, по пути обмазывая стену кровью и поджигая ее. Сталь и стекло трещали, как поленья, горели, плавились, закипали. Эрри сорвал с себя одежду и понесся по замку полураздетым.

В замке поднялся шум, крики: «Пожар! Горим!» А Эрри все бежал и бежал. Он уже был далеко от замка, когда обернулся и увидел ужасное зрелище: пламя вдруг стало огромным, а замок сторал как спичка. Со всех сторон слышался треск: лопалось стекло и сталь. Языки пламени поднимались до самого неба, и люди даже в отдаленных селениях были перепуганы в то утро: огонь был кроваво-красным, а расплавленные сталь и стекло текли, как поток крови из раненого сердца. Из пламени поднимались крики, от которых даже дикие звери приходили в ужас. Но Эрри не стал долго смотреть на свою работу, его самого трясло от страха. Он выкинул красный нож, который до сих пор зачем-то сжимал в руке. А когда он ушел так далеко, что больше не видел и не слышал ничего, в его жестоком сердце снова зародилась радость: «А ведь и мой брат, — подумал он, — остался там!»

Эрри недобро рассмеялся. Однако скоро ему пришлось задуматься, как же продолжать путь босому, полураздетому, без лошади. Но скоро он увидел на дороге и лошадь, и собаку — они будто нарочно его поджидали. Вот тогда Эрри уже действительно обрадовался. Мало того, и его одежда, и меч, и башмаки, и даже деньги — все это оказалось приторочено к седлу коня. «Да, бабуля, помогла ты мне, — подумал он, — да хранит тебя за это Бог... или дьявол!» Одевшись, Эрри вскочил на коня. Пес снова затрусил впереди, принюхиваясь к невидимому следу, а конь ступал прямо за ним, никуда не сворачивая.

Эрри был настолько рад, что уехал из проклятого леса, что скакал, не задумываясь, туда, куда вели его Горе да Лихо. Конь шел за псом, как будто бы они оба стоворились отвести куда-то своего хозяина.

Проезжая по заветным лесным дорожкам и тропинкам, Эрри мечтал о том, что он сделает, как только выберется из леса:

— Ну все, теперь ничто меня не связывает, могу идти себе, куда хочу. Брат мой остался в замке и больше не будет ходить за мной по пятам. Еще неделю назад он мне всю жизнь отравлял воспоминаниями, а теперь — где эти воспоминания? Нет их, умерли вместе с ним! Эй, Горе, шагай, дружок, шагай! Скорее, а то мне не терпится выбраться из этого проклятущего леса и побыть среди людей в свое удовольствие.

Но коня и не нужно было подгонять, он молнией несся между кустов и деревьев вслед за собакой. Эрри не обращал на них внимания, все мечтая о том, как бы получше потратить деньги и получить при этом побольше наслаждения.

Так ехал Эрри пять дней. За это время он успел проехать много городов и замков, и все время его лошадь неслась галопом, так хотелось Эрри встряхнуться после того, как несколько дней он был почти что погребен заживо. Ехал он без особой цели, поэтому и направлялся туда, куда уводили его конь и пес, не оглядываясь на дорогу. Ведь с его-то деньгами он был уверен, что всегда придет туда, куда нужно.

И вот к концу седьмого дня Эрри приехал в какой-то маленький городок. Ему показалось, что он уже здесь когда-то побывал. Эрри остановился на самом лучшем постоялом дворе и, когда его лошадь отвели в конюшню, весело заказал ужин и кровать. А пока ужин готовили, Эрри уселся на кухне, принялся болтать с хозяином и расспрашивать его о городке.

— Эх, господин хороший, — закричал хозяин, — у нас ничего интересного не найдешь, никаких удовольствий не получишь!

— Это почему же? — удивился Эрри. — По-моему, чудесный уголок, красиво тут...

— Красиво-то красиво, — вздохнул хозяин. — Да только четыре месяца назад тут случилось такое, что все до сих пор в себя не придут от страха и от горя. Тут нашли мертвого человека — совсем молодого, — ему горло перерезали. А рядом с ним сидела огромная собака и выла. Похоронили человека, и вот теперь каждую ночь, вот в это самое время, его голова сама катится от кладбища до того самого места, где она была от тела отрезана...

Тут хозяин постоялого двора перекрестился и прослезился от страха.

— Есть люди, которые сами это видели и находили эту голову. И вот теперь никто по той дороге ходить не хочет. Все у нас перепуганы, кое-кто вообще из города уехал, кому по этой дороге ходить было надо. Но страшнее всего то, что... — хозяин даже позеленел от страха, — что когда эту голову увидели, через три дня после убийства, то наш священник решил ее похоронить, отрыл могилу, открыл гроб... А в гробу-то ничего не было! Покойник, стало быть, сбежал... без головы...

Дальше рассказывать хозяин не мог. Да и Эрри после всего, что услышал, готов был рухнуть на пол. «Так вот почему, — думал он, — мне дали уйти из замка, вот почему мой конь так сюда спешил! Ну ничего, если даже мне нужно будет в третий раз его убить, убью его, и пусть он меня оставит в покое».

Эрри выскочил на улицу, так что хозяин подумал, что у постояльца не все в порядке с головой. А Эрри тем временем вскочил на коня и со злости всадил ему шпоры в бока, разодрав кожу до крови. Конь перемахнул через стену, окружавшую двор, как обычно, вслед за собакой, так что хозяин только и смог увидеть, как они молнией умчались со двора. Одна из служанок узнала собаку и закричала на весь постоялый двор:

— Да это же собака мертвой головы! Собака мертвой головы!

Все, кто был во дворе, вбежали в дом, ожидая чего-то необычного.

Эрри с горящими глазами во весь опор мчался по дороге, а собака и конь делали все так, как приказала им хозяйка Замка Зеркал, и примчали Эрри прямо к мертвой голове. Пес остановился как вкопанный и начал жалобно завывать. Конь тоже застыл на месте, ноги у него задрожали: по дороге перед ним катилась мертвая голова, перепачканная грязью и пылью.

Эрри разъярился, будто в него вселился бес, спрыгнул с коня, подобрал с придорожной насыпи камень, который едва могли поднять двое здоровых мужчин.

— Ну что, мертвая голова? Теперь, в третий раз, я тебя прикончу!

Он подошел к голове, поднял камень на вытянутых руках, а мертвая голова по-прежнему все катилась по дороге. Эрри подошел к ней ближе, и вдруг пес залаял и, широко раскрыв пасть, бросился на хозяина и вцепился ему в горло. Эрри выпустил из рук камень, который сломал собаке хребет, но и сам не смог устоять на ногах и упал замертво: пес успел сомкнуть челюсти. Кровь Эрри ручьем потекла на дорогу, и мертвая голова поплыла по этому ручью, но больше она уже не двигалась и не каталась по земле: она была действительно мертвой и унесла с собой в иной мир своего убийцу и верного пса. А конь ускакал прочь, как безумный, с растрепанной гривой, с уздечкой, закинутой на голову.

Долго еще рассказывали в том городе о собаке мертвой головы. Я сам слышал эту историю и теперь вам ее пересказываю.

И если хотите получить хороший урок, то подумайте, что преступник никогда не сможет быть счастливым, ведь мысль о преступлении всегда преследует его. А его сердце становится зеркалом, в котором и днем и ночью будет отражаться содеянное — такое преступнику наказание.

Кабачок с хорошим сидром

Давным-давно на морском побережье в Трегьерской области жил одинокий человек, который держал кабак. Помогала ему старая служанка, которая осталась с ним после смерти его родителей.

Кабачок был небольшой — дом, крытый соломой, с выцветшими стенами, стоял на перекрестке. Но, как хорошо он ни был расположен, хозяину много прибыли не приносил: еды там подавали мало, а из питья был только сидр, молоко и вода, а других напитков тогда еще не знали. Так что люди проходили мимо перед самой дверью Арнуса — так звали хозяина этого заведения, — не обращая внимания ни на него, ни на его старую служанку.

Если уж говорить начистоту, домик у Арнуса был неказистый, сам хозяин — неприветливый. Никто никогда не слышал от него слова правды или более-менее вежливых речей. Старая

служанка, Кривая Йонан — так ее прозвали потому, что у нее был только один глаз и четыре зуба, — была грязнулей, каких мало. Поэтому неудивительно, что люди проходили мимо кабака Арнуса, как ни хорошо он был расположен.

Арнус ругался, старой служанке тоже доставалось, она-де виновата в том, что люди не заходят в кабак, и, мол, скоро придется бедному Арнусу просить подавание.

— Но в тот день, — говорил он, — когда я пойду по миру, я сверну тебе шею, чертова старуха!

И так повторялось каждую неделю, в базарный день. В этот день со всех четырех дорог шли люди, и Арнус из себя выходил, когда видел, как они проходят мимо его двери, будто насмеются над ним.

И вот один раз в среду вечером — как раз в базарный день — Арнус снова стал допекать бедную Йонан и уже собирался было чем-то ее огреть, когда услышал, как кто-то скачет к перекрестку по одной из четырех дорог.

Арнус подошел к окну и увидел красивого коня и всадника, остановившегося на дворе прямо перед домом. Уже смеркалось, но путешественник смог разглядеть вывеску над дверью. Он спешился, громко позвал хозяина. Арнус тут же выбежал на порог.

— Это твой кабак? — спросил путешественник.

— Да, господин, — ответил Арнус.

— Тогда возьми мою лошадь, поставь ее в конюшню, покорми, да только как следует. Она устала, да и я тоже. Приготовь мне ужин и кровать. Я здесь ночевать буду.

Арнус отвел лошадь в конюшню.

— А что, — спросил приезжий, — у тебя разве нет слуги?

— Нет, к сожалению, — отвечал Арнус, — проходите в дом, пожалуйста.

Приглашая господина зайти в дом, Арнус забеспокоился: в доме было грязно, повсюду валялись всякие вещи, а Йонан сидела и всхлипывала у очага. Но, оказывается, Йонан тоже успела посмотреть в окно и, как только увидела, что приезжий собирается войти в дом, схватила метлу, что, надо заметить, с ней приключалось очень редко, и кое-как навела порядок в доме. Однако зажечь свет она позабыла, и путешественник споткнулся о порог, когда входил в дом, грязно выругался и — удивительное

дело! — его нога задымилась, как дымится в воде раскаленное железо.

Йонан была привычна к любым ругательствам, поэтому не обратила на это внимания, только подумала, что сейчас ей как следует влетит от Арнуса, и поэтому стала спешно нашаривать спичку. Но вслед за дымом от ноги приезжего пошел ужасный запах, от которого у Йонан захватило дух.

— Господи! Ну и запашок! — сказала она.

— Если уж от кого и пахнет, так это от тебя, старуха, — ответил постоялец. — Чего ты там ищешь?

— Боже, господин, а вы уже здесь? Я-то думала, это Арнус...

— Подожди-ка, я зажгу твой светильник...

Приезжий господин подошел к очагу, прикоснулся пальцем к фитилю, и светильник тут же зажегся. Йонан показалось, что странный господин зажег светильник спичкой.

В это время в дом вошел Арнус.

— Садитесь, пожалуйста, господин, — сказал он, — и не обращайте внимания на весь этот беспорядок: служанка у меня старая... Чего изволите заказать на ужин?

— Принеси-ка мне, — ответил приезжий, — чашку сидра, самого лучшего, да жарь полфунта мяса, которое у тебя вон там на стене подвешено.

Йонан разожгла огонь, порезала мясо, а Арнус пошел за сидром. Когда все было готово, путешественник сел за стол и принялся за еду.

— И мясо хорошее, и хлеб, — заметил он, — а вот сидр никуда не годится.

И выпил одним глотком полчашки.

— Из чего ты делаешь сидр? — спросил он после этого.

— Из отборных яблок, — отвечал Арнус. — У меня там под прессом новая порция¹.

— Совсем безвкусный сидр! — снова произнес постоялец, еще одним глотком осушив чашку. После этого он сказал Арнусу: «Я научу тебя делать хороший сидр. Принеси-ка мне еще две чашки».

¹ Чтобы приготовить сидр, яблоки сначала измельчают, а потом выжимают сок с помощью специального пресса.

Арнус принес еще сидра. Но и этих двух чашек ненадолго хватило. Арнус принес еще две. Приезжий господин давно уже доел мясо, но пить не прекращал. К полуночи, когда Арнус совсем выбился из сил — столько раз ему пришлось бегать в погреб и обратно, господин приказал ему:

— Покажи мне, где я буду спать.

Он встал из-за стола и пошел, даже не пошатываясь, а ведь он только что выпил двадцать семь чашек сидра! Арнус просто оторопел.

Когда заезжий господин отправился спать, Арнус вернулся в дом и все протирал глаза, чтобы проверить, не приснилось ли ему все. Йонан похрапывала у очага, под самым светильником. Арнус отослал ее спать, а сам сел на ее место и тут же погрузился в сон. Вдруг дверь открылась, и в дом вошел приезжий.

Огонь в очаге потух, а светильник все еще горел.

Арнусу что-то снилось, и он бормотал:

— И это называется плохой сидр? Кто сказал, что у меня плохой сидр?... Выпил, понимаете ли, двадцать семь чашек!... Двадцать семь чашек, чашек, чашек!

А Дьявол — вы уж, наверное, давно его узнали — захохотал так, что дом затрепал.

Арнус так и подскочил на месте, однако не проснулся, а продолжал цедить сквозь зубы:

— Хороший сидр! Двадцать семь чашек, чашек, чашек!

Дьявол был не один: вслед за ним шагал на ремне черный козел. Лукавый подошел к Арнусу и простер руку над его головой, потом подошел к кровати, где спала Йонан, и сделал то же самое. Арнус тотчас же встал, а Йонан оделась, и вот они двое, не просыпаясь, вышли из дома вслед за Дьяволом.

Дьявол отвел хозяина и служанку в подвал, где находился пресс, из-под которого капля по капле вытекал яблочный сок. Рядом стояла ручная мельница для шинковки яблок, а рядом — горой сваленные яблоки. Огня в сарае не было, но его освещал красноватый свет — будто кто раскалил железо: это горели глаза Дьявола.

— Ну, что, давай, Арнус, — крикнул Дьявол, — Я научу тебя делать хороший сидр! Кидай яблоки в мельницу... Хорошо!.. А теперь крути колесо!

Арнус и Йонан, продолжая спать, схватили ручки, которыми раскручивалось колесо мельницы, и со всей силы принялись его крутить. Дьявол вскочил на воронку и стал забрасывать в мельницу яблоки и покрикивать. Йонан скоро устал, и нечистый начал понукать ее ударами палки.

— Гоп, Йонан! Гоп, Арнус! — погонял он их, словно лошадей.

Потом Дьявол схватил за задние ноги козла и кинул его в железную воронку. Раздался истошный вой и страшный хруст.

— Гоп, Йонан! Гоп, Арнус! Ну-ка, давай, поднажми!

Но Йонан не выдержала и свалилась на пол. Тогда Лукавый сам схватился за ручку колеса, и кости козла захрустели под железными зубьями.

Йонан кое-как поднялась на ноги, и мельница снова стала перемалывать яблоки. Иногда, правда, из нее раздавался странный звук, совсем не похожий на кряхтение перемалываемых яблок. Тогда Арнус и Йонан вздыхали: Дьявол забрасывал в воронку к яблокам свои снадобья.

Но наконец-то запасы Дьявола иссякли; кончились и яблоки. Пришла пора выжимать сок из яблок. Арнус и Йонан снова принялись за дело, так и не проснувшись. Впрочем, работали они не хуже, а даже лучше, чем днем. Старую яблочную кашлицу вынули из-под пресса, а на ее место заложили новую. Теперь нужно было как следует опустить пресс и выжать сок из яблок, черного козла и всего прочего, что накидал Дьявол.

Тут Лукавый помог Арнусу и Йонан. И минуты не прошло, как весь сок оказался внизу, а выжимки стали сухими, как пакля. Сидр густой струей стекал по желобку, черный, как ежевичное вино. Дьявол макнул палец в сидр и облизнул его, будто на пальце был мед.

— А теперь, — приказал он Арнусу, — давай тащи сюда бочку и слей в нее весь напиток до последней капли. До чего ж хорошо получилось! Я туда положил самое лучшее, что у меня есть: цвет и силу адского огня и привкус семи смертных грехов. Это будет волшебный напиток, лекарство ото всех болезней: тот,

кто будет частенько его попивать, станет похож на меня самого. С того самого времени, когда Ева попробовала яблоко в Райском саду, я ничего лучше не смог придумать для блага людского... А тебя, Арнус, этот напиток сделает богатым, если ты захочешь. Для этого тебе придется каждый день опорожнять бочку. Если каждый вечер бочка будет пустой, то на следующее утро она каждый раз снова окажется полной.

Сказав это, Дьявол рассмеялся и убежал. Арнус и Йонан вернулись в дом и, смертельно уставшие, рухнули у очага.

На следующий день никто не слышал ни малейшего шума и не видел никого в кабаке Арнуса. Прохожие удивлялись:

— Как вы думаете, Арнус сбежал из дому?

Но и Арнус и Йонан были дома и крепко спали.

Они проспали еще целый день и целую ночь, так они устали.

Первым проснулся Арнус и еле-еле встал — так у него ломило все тело.

— Как же это я ухитрился заснуть прямо около очага? — проворчал он.

Тут он увидел Йонан:

— Да со мной и старая неряха! Наверное, я хлебнул лишнего вчера вечером, а она со злости меня отлупила, вот у меня все тело и болит. Ну погоди, я тебя сейчас так разбуджу!

Тут он схватил палку. Первого удара Йонан даже и не заметила, от второго застонала, после третьего подняла голову, после четвертого вскочила и поспешила унести ноги, не дождавшись пятого. Арнус вышел во двор вслед за ней, со двора пошел на площадку перед домом, а оттуда — в сарай, где делался сидр. Там уже стояла в задумчивости Йонан перед бочкой, от которой исходил какой-то странный запах.

Наверное, этот запах напомнил Арнусу все, что с ним случилось накануне. Так это было или нет, но Арнус оставил в покое служанку и со всех ног бросился в комнату постояльца. В комнате не было никого. Кровать даже не была помята. В конюшне тоже не было ни коня, ни его хозяина. Но не это пугало Арнуса, а то, что он потихоньку стал припоминать все, что будто бы приключилось ему ночью.

— Йонан, — крикнул он, — поди-ка сюда! Мне вот приснилось, будто я всю ночь делаа сидр вместе с Дьяволом, а ты мне помогала.

— И мне, — испуганно пробормотала Йонан, — то же самое приснилось...

— Так, значит, это мы залили сидра вон в ту бочку?

Йонан прослезилась от страха, но ничего не ответила.

— А Дьявол, стало быть, — рассуждал Арнус, — оставил нам сидр и сам таков? Только вот остается припомнить, — он постучал себе по голове, — что же он нам сказал делать с этим сидром.

Но прошло немного времени, и Арнус вспомнил все, что сказал ему странный гость. Глаза Арнуса заблестели, и он сказал Йонан:

— Пойдем, спрячем как следует эту бочку, как золото прячут!

С великим трудом они оттащили бочку в подвал. Арнус, хоть и тяжело ему было тащить бочку вдвоем с Йонан, не хотел, чтобы кто-нибудь посторонний пришел им помогать.

— Никто, — говорил он, — никогда не захочет пробовать мой сидр, если узнает, что у него такой ужасный запах.

Арнус перенес в подвал свою кровать и засыпал каждую ночь под ворчание бродящего сидра. По мере того как сидр настаивался, у него менялся и цвет, и запах. Все было точно так, как говорил Дьявол: цвет сидра приближался к огненному, а запах, хоть и оставался сильным, уже нельзя было назвать неприятным.

Однажды ночью Арнус решил попробовать новый напиток. Йонан спустилась вместе с ним в подвал со свечой и стаканом. Нацедили полстакана.

Йонан понюхала новый напиток, и ее так и передернуло. Арнус посмеялся над ней и сказал, что запах очень даже хороший.

— Поднеси свечу, — приказал он, — я посмотрю, какого цвета наш напиток!

Но как только Йонан поднесла свечу к стакану, напиток загорелся, и синеватое пламя осветило подвал. Йонан перепуга-

лась, уронила свечу и побежала прочь. Арнус попытался загасить огонь, но вдруг замер. Посреди синего пламени показалась голова человека, того самого постояльца: у него были те же красные глаза, черная борода, тот же злобный смех в уголках губ.

— Ха-ха, Арнус, — произнес он, — Дьявол сидит в твоей бочке. Еще немного, и ты бы меня проглотил! Ха-ха-ха! Я пришел благословить свой новый напиток: он будет зваться огненной водой, то есть напитком смелости, водой жизни. И я проклинаю всех, кто назовет его по-другому или станет добавлять в него воду! Ха-ха-ха! Вот что теперь тебе надо сделать: в первое же воскресенье объяви, что открываешь новую площадь перед домом, и пригласи к себе побольше народу. Бочка твоя никогда не опустеет, если каждый день ты будешь продавать все ее содержимое. Это будет нетрудно, ведь другие трактирщики станут просить у тебя продать им этот напиток. И через год, не будь я Люцифер, твою бочку можно будет наполнить золотом.

С этими словами голова Дьявола испустила страшный крик и пропала. Огонь погас, а Арнус, которого прошиб холодный пот, вздохнул, как будто очнулся ото сна. Он оставил стакан в подвале и отправился спать в дом.

Во сне он увидел целое море огненной воды. Он захотел отпить глоток, но свалился туда с головой. А Дьявол со смехом кинул в середину моря зажженную спичку. Тут же вокруг бедного Арнуса запылало пламя. Арнус чувствовал страшную боль, но не стонал, и видел над своей головой черные буквы:

«Ад. Для пьяниц».

На этом месте он проснулся, скрежеща зубами. В его душу закрался страх, но перед тем как отправиться в плавание по огненному морю на том свете, на этом свете он ожидал увидеть море золота, и его блеск прогнал страх и заставил подумать об удовольствии.

На следующий день с раннего утра Арнус пошел хлопотать, чтобы обустроить новую площадь перед домом. Он послал Йонан за лошадью и телегой, чтобы привезти камней и глины. Потом пошел в ближайший городок и попросил пономаря объявить про новую площадь, где каждый получит подарок: девушки — ленты, мужчины — табак, и каждый сможет отведать хорошего сидра... Люди смеялись, слушая об этом, ведь говорить о

хорошем сидре в доме Арнуса было так же нелепо, как искать святую воду в геенне огненной.

Но что с того! Всем хотелось посмотреть, что же состряпают Арнус и Йонан, и в воскресенье на новую площадь явилось столько же народа, сколько собиралось обычно к обедне.

И вот что произошло: те, кто первыми попробовали сидра, вернулись домой пьяными еще до полудня. Но таких пьяных никто еще прежде не видел. В тот день женщины не отваживались бродить по дорогам, а те, кто заглянули на новую площадь, торопились домой. А мужчины, наоборот, толпой валили в кабачок Арнуса. Арнус поставил столы на площади, в сарае, где стоял пресс, в самом доме, и все равно большинство посетителей пили стоя, пока, разумеется, могли держаться на ногах. Кривая Йонан совсем света белого не увидела: так ей в тот день пришлось поработать. Ей помогали пятеро молодых, которые приносили и приносили огненной воды. Никогда еще не бывало такой попойки.

Случилось то, что не могло не случиться: к вечеру все кружки были перебиты, а те, кто только еще приходил попробовать, пили из горшков, пока не плюхались па пол. Крики, вопли, несусветный ор раздавались на три лье вокруг, а после такого концерта началась драка. Йонан спряталась на чердаке, зарывшись в сено. Пятеро или шестеро посетителей схватили вилы и пошли извлекать ее на свет божий, клянясь, что она их отравила. Арнус вскарабкался на липу, что росла позади его дома. Там его оставили в покое, потому что никто уже был не в состоянии лазать по деревьям.

Оттуда он глядел, как буяны крушат столы, вдребезги разбивают горшки, слушал, как выбивают днища бочек в подвале... Потом между погромщиками вспыхнула ссора, и хотя они уже едва держались на ногах, кто-то из них охромел, кто-то окосел, а сколько пинков и тумачков они друг другу раздавали — не сосчитать. Те, кого лупили палкой, падали на землю и не могли встать, да так и храпели на мокрой утрамбованной земле. Ближе к ночи пришли женщины за своими мужьями и братьями. Но почти никто из мужчин не мог передвигать ноги. Тогда пришлось пригнать телеги и на глазах у Арнуса грузить пьяных на возы целыми кучами, словно мертвецов. Женщины плакали, проклинали

Арнуса на чем свет стоит, а одна, обнаружив своего муженька валяющимся в коровнике, в самой грязи, пригрозила сжечь Арнуса заживо в его же собственном доме.

Не надо и говорить, в каком расположении духа находился кабатчик после их ухода.

И только когда не осталось никого ни в доме, ни в хлеву, ни во дворе, Арнус осмелел и спустился с дерева. На площади перед домом уже почти не осталось глины: всю ее унесли на своей одежде любители огненной воды. Арнус побежал в подвал, беспokoясь о судьбе чудесной бочки. Бочка стояла на месте и была снова полна до краев.

Успокоившись, Арнус пошел в дом. Йонан, только что спустившаяся с чердака, держала в руках сумку с деньгами.

— Ну и денек! — причитала она.

— Давай-ка посчитаем! — сказал ей Арнус. Он закрыл дверь, взял свечу, высыпал деньги на стол и ахнул. Двести экию! Арнус не сразу пришел в себя от такой удачи.

Весть о новой площади Арнуса быстро разнеслась в округе. Везде — и в полях, и в окрестных деревеньках — только и разговору было, что о его сидре. К Арнусу стали приходить другие кабатчики, спрашивали, как он смог его приготовить, и просили попробовать. Все они возвращались от Арнуса пьяными. Он продавал им бутылки своего сидра, чтобы о нем узнали люди из дальних поселков.

Со всех сторон к нему сходились любители выпить, и в воскресные дни, и в будни. Арнусу пришлось нанять еще двух молоденьких служанок да кухарку, чтобы они помогали Йонан. Весь день им только и приходилось таскать из погреба и разливать по кружкам огненную воду. Возле дверей выстраивалась целая вереница телег. Арнус расширил свой двор, чтобы посетители могли играть там в шары и кегли; пришлось выстроить большую конюшню да позаботиться о том, чтобы разместить всех путешественников, которые съезжались к нему бог весть откуда, будто на запах.

Некоторые из них старались разгадать секрет Арнуса и приходили ему помочь: каждый день находилось порядочно люби-

телей задаром покрутить ручку у яблочной мельницы, подавить яблоки, помыть бочки, принести воды... А один раз какой-то богатый господин предложил Арнусу целый миллион только за то, чтобы тот открыл ему секрет своего сидра.

Арнус оставил этого господина у себя в доме на неделю и требовал с него по двадцать реалов¹ в день за право крутить ручку мельницы. Когда заезжий господин вернулся к себе, он заставил своего работника перемолоть шесть или семь тысяч яблок да еще заплатил ему сорок франков за работу. Он и вправду верил, что разгадал секрет Арнуса, потому что Арнус как-то насыпал в первую порцию яблок фунт соли и полфунта перца.

Никто, кроме Арнуса и Йонан, не знал, как появился новый сидр, и никто не мог догадаться, как это кабачок Арнуса смог превратиться в настоящий вертеп, где сам Дьявол был за хозяином. И очень скоро все, кто дорожил своим добрым именем, стали, как и прежде, обходить это питейное заведение за версту.

Ведь весть о безобразиях, которые там творились, бежала по пятам за славой нового сидра. Мудрые люди говорили, что этот напиток — корень всех бед для людей и для всей страны. Но кое-кто уже к этому напитку пристрастился. И когда мэр или священник начинали поносить новый сидр, Арнус и в ус не дул: он не сомневался в том, что каждый день будет продавать целую бочку своего напитка, если не больше.

А из вредности, чтобы досадить борцам за трезвость, Арнус начал потихоньку продавать свой напиток бочками другим трактирщикам. Люди удивлялись — откуда у него столько огненной воды: еще немного, и он бы прослыл колдуном.

Да что там! Однажды Арнусу взбрело в голову сделаться мэром своего прихода: ведь он сделался богачом и все его уважали. И снова он устроил попойку — всем бесплатно наливал своего напитка! За неделю весь приход побывал у Арнуса, и вскоре Арнус сделался мэром.

Что еще вам о нем рассказать? Для Арнуса никакая почесть не была слишком почетной и никакая должность не казалась

¹ В Бретани еще в начале XX века реалом называли монету достоинством двадцать пять сантимов. Двадцать реалов — это пять франков, довольно значительная сумма для крестьянина того времени.

слишком высокой. Президент Республики, или, может, тогда еще король — когда все это случилось, история умалчивает, — наградил его каким-то почетным крестом, чтобы отблагодарить за присланный в подарок бочонок напитка пятилетней выдержки.

Короче говоря, через десять лет после того, как началась наша история, Арнус продавал свой напиток по всему миру, и всем огненная вода быстро вскружила голову. Он стал богачом: на месте своего кабака построил дворец получше королевского, вокруг него разбил сад на полприхода.

Перед входом Арнус приказал соорудить фонтан: семь безобразных зверей изрыгали из своих пастей огненную воду, и всякий прохожий мог пить вволю, не платя за это ни гроша. Фонтан питала стоящая в подвале в полулье оттуда неиссякаемая бочка Дьявола, а сама бочка, как мы знаем, питалась из источников Ада.

Но Арнус достаточно вкусил за это время удовольствий и богатства. Видя все безобразия, которые по его милости творились теперь во всей стране, Дьявол хохотал, а Господь Бог сердчал. И вот пришел день расплаты.

К тому времени Арнус был женат на богатой женщине, у него родились дети — три сына и три дочери. И вдруг они все один за другим умерли. Остался Арнус один: жена ушла в могилу вслед за детьми. Только Йонан была с ним рядом: она управляла целым штатом слуг и служанок. А сам Арнус только и успевал заниматься своим горячительным напитком: продавал, считал бочки и помечал их номерами. Каждый день к нему приходили торговцы и трактирщики, у которых кончился напиток. Арнус торговал, получая несметные количества денег, и скоро просто перестал обращать на них внимание. С тех пор как умерли его жена и дети, ничто в этом мире не могло его порадовать. Деньги его больше не веселили, а вот от беспорядков и ото всего того зла, которым он засорил мир, сердце Арнуса так и сжималось. Его огненная вода была хуже меча, хуже чумы, хуже войны. Эти беды хотя бы убивают человека целиком — и тело, и душу, и ум. А после огненной воды, как после пожара, не остается ничего,

кроме пепла. Целые дома рушатся и сгорают, от них остается одно воспоминание... И когда Арнус видел человека, плетущегося по дороге на подгибающихся ногах, с горящими глазами, в которых не светится ни капли разума, с опухшим и посиневшим лицом, он с радостью думал:

— Вот осталась от человека одна тень! Вот она, моя работа!

Но одно при этом тревожило Арнуса. «Рано или поздно, — думал он, — надо будет передать мое искусство кому-нибудь, а иначе секрет огненной воды потеряется».

Что делать, он не знал, но однажды ночью во сне он услышал голос своего дружка — Дьявола, который говорил ему:

— Я хочу, чтобы все люди вслед за тобой смогли стать счастливыми и нажить богатство, которое приносит мой напиток. Возьми по зернышку от каждого растения из тех, которые все хорошо знают и которые легко можно раздобыть. Пусть они год замачиваются в моем напитке, а на следующий год ты посеешь их на полях. И из всего того, что из этих зерен вырастет, можно будет делать огненную воду, и всякий сможет, как и ты, нажить богатство и получить удовольствие, которые я принес на землю.

Арнус поспешил последовать совету хозяина. Вместо того чтобы торговать огненной водой, он стал продавать семена и рассказывать покупателям, как готовить из них крепкий напиток. Очень скоро, к его удовольствию, огненная вода прославилась всюду и везде, и все пьяницы по всему миру славил и почитали его имя от восхода солнца до самого заката.

На этом его работа и закончилась. Больше Арнус не был нужен Дьяволу, и тот решил отозвать его в мир иной.

Однажды Арнус приболел и слег в постель среди бела дня. Йонан принесла ему лекарство, которое помогало заснуть — ведь болезнь Арнуса называлась бессонницей: восемь дней он не мог сомкнуть глаз.

Вдруг к Йонан подошел слуга и сказал, что пришел какой-то человек и желает видеть господина Арнуса.

— Поди скажи ему, что господин Арнус болен, — ответила Йонан.

— Не пойду ни за что, — отрезал слуга, — я его боюсь.

— Боишься? — удивилась Йонан, пожала плечами и спустилась вниз к приезжему. Когда она увидела, кто пришел к Арну-

су, ей стало дурно и она вытаращила глаза. Это был все тот же незнакомец, который двадцать лет назад остановился на одну ночь у Арнуса.

— О Боже! — вскрикнула Йонан, — Дьявол!

Дьявол вскрикнул, как от боли.

— Гром и молния! — воскликнул он, — не надо произносить это Имя вместе с моим, это меня просто обжигает. И вообще, не произноси этого Имени, пока я в доме! Где Арнус?

— В постели, господин, он ведь болеет.

— Ну ничего, я его вылечу, да и ты тоже. Скажи ему, пусть спускается в подвал.

Йонан пошла за Арнусом, дрожа и оглядываясь назад.

А Дьявол, оставшись один, вытащил нож и отрезал кусочек от своего хвоста, который он прятал под штанами от посторонних глаз. Потом потер этот кусочек пальцем, и шерсть запылала. С этим факелом Дьявол спустился в подвал, где его уже ждал Арнус.

— Добрый день, старина, — усмеялся Дьявол, — а ведь день-то этот для тебя последний.

Арнус потерял дар речи и рухнул на колени. А Дьявол захохотал и поднес свой хвост к бочке. Бочка затрещала, и пламя залило подвал. Все бочки занялись и запылхали. Вскоре пламя охватило Арнуса, залилось ему в рот. Одежда Арнуса вспыхнула на нем, но снаружи его тело не загоралось: оно тлело изнутри, и огонь пробивался наружу, прожигая Арнуса насквозь со всех сторон, будто мученика в Аду. Дьявол взял его за руку и пустился с ним в пляс. Пламя взметнулось вверх и охватило весь замок. Те, кто смог спастись, говорили, что слышали, как из подвала доносились жуткие крики, и думали, что Арнус — ведь он же был болен — случайно поджег замок и сам сторел заживо. Кое-кто винил в случившемся того господина, который пришел к Арнусу, но полиция не нашла никаких следов. Никто не смог отыскать Йонан, и некому было рассказать, что же случилось на самом деле.

От замка осталась только кучка пепла, а от того места, где был подвал, — одна глубокая черная дыра. И никто никогда не мог засыпать ту дыру или закрыть ее чем-нибудь. Некоторые

поговаривали, что через эту дыру Арнус вместе с Дьяволом провалился в Ад.

Вот и вся история того, как появились крепкие напитки. А судьба Арнуса похожа на судьбу любого пьяницы. Арнус сторел заживо — вот пример любому пьянчуге, который при жизни прожигает себя спиртным и осужден вечно гореть на том свете.

Женитьба Анку

Жил на свете молодой человек, звали его Пьер, и была у него сестра.

Родители их умерли, и девушка вышла замуж. О ее свадьбе много говорили в округе, потому что муж ее жил не как все люди, был нелюдимый и ни с кем не знался.

Пьер остался жить с сестрой и зятем, помогал им в работе. Жили они неплохо, хоть и был Пьер парень без царя в голове, чихал и на Бога, и на Дьявола. Бедняков он не жаловал, а если и помогал им чем-нибудь, то просовывал подаяние под дверь, да и подаяние его было скупое — только заплесневелый хлеб.

Сестра была набожнее брата и с ужасом думала о том, какую неправедную жизнь он ведет.

— Господи Иисусе! — говорила она. — Никак не могу понять тебя... Смотри, как бы не случилось с тобой чего плохого!

Однажды Пьер не выдержал:

— Надоела ты мне, только и делаешь, что пилишь меня без конца! Отцепись от меня, не дразни гусей! Ты бы лучше к своему мужику приставала, а меня в покое оставила. Он, между прочим, неизвестно где целый день болтается.

— А это, — рассердилась сестра, — не твое дело!

— Да ну? Еще какое мое! Это значит, он будет где-то шляться, а я за него работать? Скажите пожалуйста! Я тебе не слуга, а твой благоверный мне не хозяин, и если уж на то пошло, пусть только попробует еще раз куда-нибудь умотать — я за ним пойду. Ведь говорят же: куда хозяин — туда и слуга, что, неправда?

— Ну уж это твое дело, только смотри, как бы не случилось с тобой чего!

— Вот еще! Стану я бояться твоего оболтуса!

На следующий день рано утром Пьер уже был на ногах — он твердо решил пойти вслед за зятем, куда бы тот ни направился.

Сестра, как и накануне, посоветовала поберечься. Но Пьер рассердился и прикрикнул:

— Конечно, если я дома буду пахать как лошадь ломовая, нашему барину приятнее будет прогуливаться. Дудки! Он пойдет гулять, и я пойду.

И Пьер, увидев, как его зять берет в дорогу посох и хлеб, завязанный в платочек, тоже отправился вслед за ним с топором в руке, как будто шел работать.

Чем дальше он шел, тем больше ему хотелось увидеть, куда же каждый день уходит его зять и как там проводит время. Ведь он никогда не рассказывал об этом, а Пьер его немножечко побаивался, что бы он ни говорил сестре, и спрашивать не решался. В то утро, как и всегда, странный человек не обратил внимания ни на Пьера, ни на собственную жену, ни слова им не сказал. А Пьер шагал все дальше и дальше, и, когда ему пришли на ум слова сестры «как бы не случилось с тобой чего», ему стало не так уж и хорошо.

А погода была славная, прохладная, солнце только-только поднималось. Чтобы развеять страх, Пьер глазел по сторонам и думал о том, что ему еще надо было покидать навоз, накосить травы, натаскать воды на луг...

А впереди него медленно шагал зять, с посохом и хлебом в руках, повесив голову. Пьер сказал про себя, глядя на него:

— И о чем это он все время думает? Уж конечно не о навозе и не о скотине. И где только моя сестрица откопала себе этого буку? Э, да не все ли равно! Сегодня я все о нем узнаю, или я ничего не стою!

А время шло. Пьер уже порядком напрыгался через заборы, придорожные насыпи, ему уже надоели нехоженые тропинки, а странный человек все шел и шел вперед. Пьер заскучал. «И куда это он хочет меня привести?» — подумал он. Но приходилось идти дальше, даже передохнуть было некогда.

Скоро они вышли на плохую дорогу. Пьер побоялся идти лесом, где он мог зашуметь и выдать себя, и пошел по дороге

дальше, а зять зашагал прямо через поле. Вскоре они столкнулись нос к носу на той стороне поля.

Пьер похолодел от страха, как мертвец.

— Зачем ты пошел за мной? — спросил его зять.

Это был первый раз, когда он заговорил с Пьером. Глаза странного человека были полумертвые, лицо — бесцветное, и Пьеру показалось, что его зять — точь-в-точь сам Анку, о котором он часто слышал в детстве. Сперва он подумал убежать, но зять замахнулся на него своим посохом:

— Отвечай! — произнес он голосом мертвеца.

— Да, черт возьми, я шел за тобой, чтобы помочь тебе в твоей работе.

— Ты врешь!.. Да и потом, моя работа тебе не по силам.

— Почему? — спросил Пьер. — Я ж тебе в любой работе помогу: дрова рубить, вязанки вязать или картошку копать...

— Иди домой, земляной червяк, или берегись!

Тут Пьер еще больше перепугался. Никогда еще ему не приходилось видеть таких людей. Не говоря ни слова, он помчался домой, шлепая по лужам так, что брызги взлетали выше его головы.

И только добравшись до дома, снова почувствовал, что силы вернулись к нему, и пошел в поле работать, будто с утра там был.

— Хорош гусь этот мой зять! — говорил он сам себе. — И как это только у него вышло сестру мою приворожить, чтобы она такого бирюка полюбить смогла? Ну и ладно! Сегодня мне ничего разузнать не удалось, а завтра мы еще посмотрим!

Вечером Пьер и его зять вернулись домой почти в одно и то же время. Пьер косо посмотрел на зятя, но тот и бровью не повел. Свой посох он оставил внизу, устроился у огня, положив голову на руки, и, ни слова не говоря, стал дожидаться, пока жена подаст ему ужин.

— Ладно, ладно, молчун, я тебя заставаю поговорить, — проворчал Пьер.

На следующее утро еще до восхода Пьер вскочил с постели, взял большой ломоть хлеба, дубовый посох, твердый как камень,

и пошел на дорогу поджидать зятя. А сестре сказал еще с вечера, что рано утром на работу пойдет.

Ждать ему пришлось недолго: вскоре послышался шум шагов на тропинке, и Пьер увидел, как мимо насыпи, где он прятался, прошел его зять — на вид то ли полусонный, то ли полумертвый, так что Пьер, хоть и был у него в руках посох, невольно струхнул. Но все-таки решил пойти за зятем.

Пьер узнавал дорогу, по которой шел вчера, и клялся, что уж сегодня-то его не удастся объегорить. И все-таки с ним случился промах: когда он перемахивал через придорожную насыпь, посох запутался между ног, и Пьер со всего размаху рухнул в канаву, полную воды. Попался! Зять услышал шум и оглянулся, но даже и бровью не повел, а Пьер, выбравшись из канавы, как ни в чем ни бывало снова пошел следом за ним.

Вскоре они добрались до какой-то равнины, посредине которой стоял маленький домик, крытый соломой. Зять Пьера зашел туда. Пьер не решился входить вслед за ним и оглядывался по сторонам, пока зять не вышел из домика и не сказал:

— Посмотри, что там, на той стороне равнины!

Пьер посмотрел туда, но ничего не увидел. Он стал вглядываться пристальнее и уже хотел было заговорить с зятем, когда заметил, что того уже и след простыл.

Пьер удивился так, что выронил из рук свой посох.

— Может, он снова зашел в дом?

Но в домике никого не было.

Ну что тут еще скажешь? Пьер вернулся домой, и о чем только он не успел по дороге передумать! Как и в прошлый раз, он пошел в поле работать и до самого вечера повторял себе:

— Ничего! Все равно мне надо разузнать, кто он такой!

На следующее утро Пьер снова схватил посох и пошел ждать зятя на тропинке. На этот раз он решил во что бы то ни стало выведать все о своем зяте, так он был озадачен тем, что успел увидеть и услышать.

И вот, с посохом в руках, Пьер прошел весь путь вслед за зятем, до самого того домика с соломенной крышей. Тут зять снова захотел одурачить Пьера, но на этот раз провести его не удалось. Тогда зять пожал плечами.

— Если ты хочешь пойти со мной, — сказал он, — иди. Только сначала прочитай «Отче наш» и помолись об отпущении грехов, если хочешь, чтобы они тебе простились.

Пьер не испугался таких слов и подумал: «Наверное, он меня побаивается», а вслух сказал:

— За кого ты меня принимаешь, скажи на милость? Я не маленький, меня волками и домовыми не напугаешь. С моей дубинкой я могу за тобой идти куда захочу.

— Что ж, тогда читай «Отче наш».

— Пойдем, пойдем. И что это тебе в голову взбрело? Я уже читал «Отче наш» сегодня утром. Пойдем, тебе говорят, а то я первым в дом войду.

Так уж загордился Пьер, когда видел, что зять его боится!

А зять сказал ему:

— Тогда оставь башмаки в этой хижине, нам придется дальше идти босиком.

Оба сбросили башмаки и вошли в дом. У Пьера волосы встали дыбом. Теперь он увидел зятя в его настоящем обличье — так глаза и выпучил: перед ним стоял... кто бы вы думали? Анку, собственной персоной, с косою в руке, со скрежещущими зубами и пустыми глазницами.

— Иди! — сказал Анку, усмехнувшись, — иди, помоги мне, у меня сегодня нелегкий денек будет!

Пьер, босой, уже собрался было бежать, но ноги его словно прилипли к земле, и когда он вышел из домика, то ничего не видел вокруг, кроме крошечной темноты. Пришлось ему идти следом за Анку. А тот уже пошел вперед. Его кости так и хрустели в суставах при каждом шаге. А у Пьера от страха зубы выбивали дробь. Он ни слова не мог вымолвить, и порой ему казалось, что все это ему только снится. Если бы!

Солнце тем временем поднималось все выше, день разгорался: пришлось Пьеру поневоле признать, что он не спит в своей постели.

Вскоре они пришли на длинный и широкий луг, где паслось стадо коров. Трава на луку была зеленая и такая высокая, что доставала коровам до самого брюха. Но коровы — странное

дело! — были такие худые, что Пьер так и застыл на месте, глядя на них, хотя ему и самому было о чем тревожиться.

— Это, — сказал Анку, — случается со многими людьми, которым Бог дал много талантов — они свои таланты в землю зарывают.

Пошли они дальше, и по пути Анку перерезал горло каждому животному, которое попадалось ему на дороге. Пьер брел за ним, не говоря ни слова.

За его спиной земля, казалось, исчезала: он не видел ничего из того, что только что миновал, и с грустью раздумывал: «Интересно, суждено мне сегодня домой вернуться?»

Кровь застывала у него в жилах, ведь его внутренний голос говорил:

— Анку не отпускает ни одного из тех, кто ему попадает, и точно так же, как исчезает за каждым твоим шагом земля, исчезает и прошлое...

Но другая мысль утешила его:

— Но ведь он-то каждый вечер домой возвращается, так, может, и я вместе с ним вернусь.

От этой мысли Пьер настолько обрадовался, что чуть было не запрыгал за спиной Анку.

Тем временем они подошли к огромному луку, где тоже паслось большое стадо коров. Но глядя на них, Пьер снова удивился: трава на луку была жиденькая, а коровы толстые, так что шкуры у них лоснились.

— Ну и страна — сплошное удивление! — воскликнул Пьер. — На хороших лугах худые коровы, а на плохих — жирные. — И спросил у Анку, что бы это все значило.

— Эти коровы, — отвечал Анку, — похожи на людей, которых на земле немного, — на тех, кто живет в бедности, но многими делами заслужил милость Господа, и оттого будут они богаты на небесах.

И снова начал перерезать горла коровам, которые попадались ему на пути.

— Брр! — поежился Пьер. — Что-то ты не на шутку разошелся, братец!

— погоди немного, — ответил Анку, — ты сейчас у людей еще и не такое увидишь!

— Да! — пробормотал Пьер, — там мы просто так не проскочим!

Вскоре они подошли к большой реке, а за рекой пылало целое море огней. Куда ни глянь — Пьер везде видел только пламя, которое горело ровно: было полное безветрие. Ему захотелось подойти поближе и посмотреть, что это такое. Анку нашел мост через реку, но такой узенький, что Пьер его поначалу даже и не заметил.

— Иди! — сказал Анку.

— А если я упаду?

— Не упадешь. Уцепись как следует за полу моего кафтана.

— ...А если я упаду!

Пьер закрыл глаза, так страшно было смотреть на темную глубокую реку, которая была под ним, и перешел на другую сторону.

Там он осмотрелся, с трудом переводя дыхание.

— Вот уж натерпелся! А что это такое вокруг?

Анку улыбнулся и взял его за локоть своей ледяной рукой:

— Свечи, которые горят вокруг нас, насколько хватает глаз, — это жизни всех людей, которые живут на земле. Некоторые из них — длинные, а некоторые — короткие. А когда я их стану задувать, люди на земле станут умирать.

Пьер в тревоге раздумывал: «... Пока не задует мою свечу».

Анку принялся ходить по морю огней.

— Фу! И одна из свечей погасла.

— Ну все, не быть мне живу! — сказал себе Пьер, поеживаясь от страха. — Вот ведь и вправду можно сказать — угас человек!

А Анку все дул и дул на свечи, и свечи без единого звука гасли, словно звезды на утреннем небе.

Иногда Анку дул на одну свечу, а гасли еще одна или две по соседству. И Пьер, хоть он и был до смерти перепутан, решился спросить, что это все означало.

— Подожди немножко! — ответил Анку и задул одну яркую и красивую свечу, у которой высоко поднимался веселый язычок пламени. Угасая, пламя жалобно всхлипнуло. Над све-

чий взвился дымок, и она растаяла — только кучка золы упала на землю.

— Это была счастливая девушка, — разъяснил Анку, — жила она себе на свете, а теперь умерла. А вон туда посмотри: ее отец, мать и брат один за другим умирают. А почему? Да потому, что пламя жизни каждого из них было связано ниточками любви с ее пламенем.

— О Господи! — воскликнул Пьер. — Какой же ты жестокий!

Анку обернулся.

— Смерть, — сказал он, — не может быть ни доброй, ни жестокой. Смерть — это только орудие в руках Бога.

Как хотелось Пьеру убраться восвояси, но что он мог сделать? Надо было идти вслед за зятем, ступая по золе от свечей, которые гасли сотнями, бесшумно, без малейшего вздоха. Пьер думал о том, как плачут, как причитают на земле каждый раз, когда Анку задувает пламя свечи: иногда даже ему до ужаса хотелось наброситься на зятя с кулаками.

Сколько времени они блуждали среди свечей? Пьер не знал, который был час, не чувствовал времени. Ничего вокруг него не двигалось, ничего не изменялось; нигде, кроме свечей, не было жизни; не было ни неба, ни звезд, и не день был, и не ночь; не дул ветер, было не холодно, не жарко, не прохладно. Везде стояла странная тишина, которую нарушала только смерть, задувающая свечи.

— Пойдем, — сказал, наконец, Анку, — на сегодня моя работа окончена!

Они уже вышли к другому берегу моря огней.

Проходя мимо маленькой, коротенькой свечки, Пьер вдруг почувствовал такой страх, что его руки и ноги задрожали.

Анку обернулся:

— Это, — сказал он, — твоя жизнь! Меньше чем через час ты умрешь. Идем! Мне нужно отчитаться за этот день, а тебе — за твою жизнь.

Пьер чуть было не потерял сознание. Идти он уже не мог. Тогда Анку подхватил его, словно неживого, и поспешил к како-

му-то дому, покрашенному в черный цвет, окна которого ясно светились в темноте.

Когда подошли к дому, ангел с огненным крестом над головой и с пером в руке открыл окошечко в двери.

— Я отправил на суд Божий пятнадцать тысяч шестьдесят душ, — сказал Анку.

— Хорошо, — ответил ему ангел, — вот плата за твою работу, — и протянул фляжку с водой.

Анку выпил воду, и всю его усталость как рукой сняло, к нему пришла новая сила.

— А это кто такой? — спросил ангел, заметив Пьера, который все еще не пришел в себя и готов уже был лечь в могилу.

— Этот должен умереть сегодня, он пришел испросить прощения за свои грехи и получить свою долю счастья.

— Он сделал слишком много плохого! — ответил ангел.

Анку брызнул капельку воды в рот Пьеру, и тот поднял голову и открыл глаза, но силы все равно покидали его.

Однако просить прощения он и не подумал, хотя и был потрясен и напуган.

— Он слишком много зла причинил бедным и слишком часто смеялся над законами Бога. Анку, бери его жизнь.

И тогда смерть дунула ему в глаза, и они навсегда погасли. Дверь закрылась, ангел ушел прочь, Анку же, как молния, унесся с телом покойного.

А на следующее утро Пьера нашли мертвым в собственной постели.

Его сестра и зять пошли его хоронить, и оба горько плакали.

Слышал я, как люди говорили, что Анку был первым сыном Адама и Евы. Бог его повелел ему в наказание за грех отца убивать до самого конца света всех людей, своих братьев, которые родятся на этой земле. А перед тем как нанести удар, он дает людям добрые советы, ведь ему очень хочется, чтобы все мы попали в Рай.

Не будем же такими, как Пьер. Нам нужно как следует слушать советы нашего брата, Смерти.

Да будет так!

Парень-Дьявол

Однажды вечером, зимой, — это я вам про старые времена рассказываю — в одном доме, в деревне, недалеко от моря, собралось вокруг очага несколько человек. И вот один из них, чтобы скоротать время, начал рассказывать сказку.

В этой сказке речь шла об одном человеке, который продался Дьяволу, чтобы в течение своей жизни иметь сколько угодно денег и удовольствия. Долго он жил счастливо, а потом умер, как все люди: никто так и не узнал, забрал его с собой Дьявол или нет.

Так кончилась эта история.

А среди прочих, тех, кто сгрудился вокруг огня, был один юноша лет восемнадцати или девятнадцати, который слушал очень внимательно. Его острый глаз не покидал рассказчика все время, пока тот говорил, а когда сказка закончилась, парень склонил голову и крепко задумался. Друзья подумали, что он заснул, и, когда настала пора расходиться по домам, один из них крикнул:

— Рене Раденнек! Давай-ка, приятель, просыпайся! Иди спать в свою кровать!

Рене поднял голову и пошел вслед за своими друзьями.

Ночь выдалась холодная: подмораживало, луна светила, как солнце днем, а звезды блестели и дрожали посреди ясного неба.

Парни, а было их пять или шесть человек, шли домой, держась за руки, и пели песни. Только Рене за всю дорогу не проронил ни слова.

Подойдя к развилке, один из парней сказал, посмеиваясь:

— Наш Раденнек этой ночью скорее всего заплутает. Он так и не проснулся как следует!

— А ведь и правда, — ответил Рене, — мне же теперь вот по этой дороге идти. До завтра, ребята!

— Только берегись беса из Дисплег!

Дисплег — так называлось Богом забытое местечко около деревеньки Кервезен. Известно оно было тем, что там рос дуб, а рядом стоял старый крест, весь поросший мхом.

Рене был не из робкого десятка, но все-таки ему стало не по себе, когда он услышал эти слова. Наверное, потому, что ему в

голову стали снова лезть всякие мысли, очень тяжкие: ведь когда все пели, ему не то что петь — и насвистывать было неохота.

Когда Рене подошел к местечку Дисплей, он увидел, что впереди него кто-то шагает по дороге. Рене тут же подумал о бесе, и кровь в его жилах застыла, так что он ни шагу вперед сделать не осмеливался. В свете луны бес казался огромным-преогромным, он шел не спеша и нес в руках свой собственный хвост.

— О Господи!..

И Рене, побелевший как полотно, схватился за молодую дубовую поросль, чтобы перемахнуть через насыпь и убежать через поля.

Бес услышал шум, остановился и оглянулся.

— Что такое? — спросил он.

Рене, который был уже на насыпи, оглянулся.

— Фанш Торшенн! — воскликнул он. — Ну ты меня и напугал!

Фанш Торшенн, портной из Кервезен, расхохотался так, что все вокруг задрожало.

Рене слез с насыпи. Ему было немного стыдно.

— Надо же, — сказал он, — я принял твою дубинку, которую ты нес в руках, за хвост, а твою длиннющую тень — за тебя самого!

А портной все заливался. Вдоволь насмеявшись, он произнес:

— Да уж, дорогой мой, так-то ты слушаешь мои уроки! Приходи ко мне в воскресенье вечером, я тебя научу быть посмелее.

Но Рене уже успел снова погрузиться в свои мысли. Только взглянув на него, портной понял, что парень что-то хочет ему сказать, но не решается.

— Ну-ка, ну-ка, что же с тобой сегодня стряслось? — спросил он.

— Я только что просил Дьявола помочь мне, и поэтому когда увидел тебя, то испугался.

Рене говорил медленно и озираясь, глаза его все еще смотрели испуганно.

— Ты звал Лукавого себе на помощь, — удивился портной, — с чего бы это?

— Ты знаешь, что мне нравится дочь Симона, а без денег мне ее не видать. Денег у меня нет, и никто мне их дать не может, сколько бы я ни старался, ни работал... а мне хочется, как и другим, жить в свое удовольствие. Я слышал, у Дьявола много денег, так, может быть, он мне даст немножко?

— Да, были люди, которым он помогал.

— Мне хотелось бы попробовать... А все-таки говорят, что деньги Дьявола дорого обходятся.

— Не так уж дорого. За них платят собственной шкурой... После смерти.

— Платить своей душой?

— Душой? В такие вещи можно верить, только когда еще учишь Закон Божий!

Рене взглянул на приятеля. Послушаешь его — и можно подумать, будто это сам бес из Дисплей принял образ портного, чтобы искусить Рене. Рене дрожал, но не от холода: на лбу у него выступил пот.

— А почему, — спросил он, — ты вот бедный, а не делаешь... того, на что меня толкаешь?

— Я уже старый. Это хорошо для таких, как ты, для молодых, которым хочется пожить без забот.

— Нет, это все-таки страшное дело.

— Ну делай как знаешь. Только смотри, как бы дочь Симона не ушла вместе со всеми ее деньгами к другому, пока ты думать будешь.

Они уже подходили к дому, когда портной стал прощаться:

— До воскресенья!

Дома Рене лег спать, не поужинав. Всю ночь ему снились страшные сны. А утром, когда он встал, чтобы идти работать в поле, мать спросила, не заболел ли он часом.

— Нет, нет, — ответил Рене.

— А я, — засмеялась его сестра, — вчера, когда доила коров, слышала какой-то шум около Дисплей. Может, ты там беса повстречал?

— Беса! — Рене тоже засмеялся. — Было слишком холодно, чтобы он вылез из своего логова.

Если бы так! Именно с бесом из Дисплей он и разговаривал накануне, ведь портной Фанш Торшени и был тот самый бес.

В следующее воскресенье был крестный ход около маленькой часовни на берегу моря. Часовня называлась Плувор и стояла около аббатства, которое называлось точно так же и находилось в четырех или пяти лье от Кервезена.

Со всех сторон туда стекалась молодежь, прежде всего для того, чтобы поклониться Святой Деве в ее часовне, ведь тамошняя Богородица прославилась тем, что спасла много кораблей и жизней моряков, которые рисковали навсегда остаться в море. Да кроме того, и сам крестный ход был очень красив: туда верхом приезжали господа, разодетые, как сейчас уже не одеваются. Монахи и открывали большие ворота аббатства, и ставили столы во дворе, под сенью дубов, и всякий мог после церковной службы и поесть и попить даром. Неудивительно, что на крестный ход собиралось много народу, а особенно молодежи.

Фанш Торшенн и Рене тоже пришли туда. Портной чуть ли не силком затащил Рене на праздник, когда с утра зашел за ним домой. Рене упирался, но у портного уже было кое-что на уме.

Да и мать Рене, видя, что сын ходит грустный уже несколько дней, стала выпроваживать его на крестный ход, чтобы он там хоть немного развеялся.

— Вот это, — сказала она, чтобы разом решить дело, — дар для Девы Марии. Давай одевайся быстренько, Фанш уже устал тебя ждать.

Так силком выгнали Рене на крестный ход. Однако портной, которому так не терпелось выйти из дома, в дорогу вовсе не торопился. Он еле плелся, замедляя шаг, так что к часовне они пришли, когда служба уже подходила к концу.

Оба они быстро смешались с толпой и пошли есть и развлекаться.

Какой-то монах разливал богомольцам суп, раздавал хлеб, мясо и наливал сидр.

— Кушайте, дети мои, скоро на вечерней службе мы с вами еще попоем!

— Да, да, отец мой, — сказал портной, — нас не надо уговаривать ни поесть, ни попеть.

Отойдя поодаль, портной шепнул Рене:

— Половник-то у него длинный, а ум короткий!

— Смотри, дочь Симона там...

Рене больше и слова проронить не мог. Портной усмехнулся.

— Пойдем, — позвал его Рене, — мне нужно поглядеть на нее.

Он резко поднялся из-за стола. Портной прихватил свой кафтан и пошел вслед за Рене в толпу, чтобы удержать его, если тот захочет слишком быстро решить дело.

Вокруг аббатства толпилось множество людей, одни из него выходили, а другие только еще шли туда, чтобы набить животы.

Возле часовни, до самого моря тоже была толпа. Богатые ставили красивые палатки. Там блистало золото и серебро конских сбруй и людских украшений.

Конюхи и слуги сновали туда-сюда, кто крутился возле лошадей, кто — вокруг господ. Смех доносился из палаток.

Народ снова начал собираться толпой. В этой толпе Рене увидел тех, кого искал: девушку и ее воздыхателя. Весь надутый от гордости, молодой человек угощал ее у какой-то лавки.

Рене вспомнил, что у него в кармане лежат три гроша, которые он собирался потратить на празднике. Но далеко ли уйдешь с тремя грошами? Да и то, когда он посмотрел внимательно, оказалось, что в кармане у него всего один грош, ведь по дороге он выпил кружку сидра и угостил портного. «Может, у портного и найдутся деньги? — подумал он. — Десяти—двенадцати грошей до конца дня вполне хватит».

— Фанш, — прошептал он на ухо приятелю, — у тебя не найдется денег дать мне взаймы?

— Найдется, а как же! Если хочешь, могу дать тебе шесть грошей.

— Только шесть! Ну ладно, давай сколько есть.

— А кстати, тебе же сегодня утром дала денег мать.

— Да, для пожертвования.

— Сказал тоже! Деньги для монахов! Что будут делать монахи с твоими четырьмя реалами? А тебе, представляешь, сколько удовольствия эти денежки доставят!

Говоря это, портной посмеивался, а Рене не знал, что и ответить.

— Мне нужно как-нибудь так устроить, чтобы поговорить с ней.

Он старался попасться на глаза девушке, а сам думал: «Тотто небось уже все из своего кошелька выгреб. Если выложу перед ней эти четыре реала — он еще не решался говорить про себя "мои четыре реала", — она точно пойдет со мной».

Как он думал, так и случилось. Увидев серебряную монету, девушка распрощалась со своим поклонником, и весь остаток дня Рене, румяный от удовольствия, приосанившийся, водил ее от одной лавки к другой.

Стоит ли говорить, что скоро-скоро ничего не осталось ни от денег портного, ни от денег Девы Марии. Вечером Рене проводил девушку до дому. Там его приняли хорошо, ведь родители узнали от дочери, как она провела день. И все-таки, когда наступила ночь и Рене пошел обратно в Кервезен, ему было невесело.

— Хорошо ты денек провел, — сказал ему портной.

— Хорошо, по-твоему?

— А чем плохо? Лучше и не бывает. Если и дальше так продолжать будешь, то скоро в Кервезене свадьбу сыграют.

— Тебе-то хорошо говорить «если и дальше так продолжать». Ты всегда мне деньги давать будешь?

— Ты сам знаешь, у кого самый большой кошелек. Ты что, не помнишь, что я тебе говорил недавно вечером? Смотри, куда ты сам себя завел. Вспять не повернешь, над тобой все смеяться будут. Ты с ней сегодня слишком далеко зашел. Чтобы дальше идти, тебе нужны только деньги. И они у тебя будут, стоит только захотеть, для этого не надо будет ни воровать, ни убивать, ни работать. Я тебе так скажу: уж взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Долго говорили они, пока шли от Дисплег до Кервезена. Открывая калитку, Рене сказал приятелю перед тем, как попрощаться:

— Ну ладно, сделаем мы это в воскресенье ночью...

В то воскресенье Рене поднялся рано утром. Не лежалось ему, не спалось. Он дал корма лошадям, а потом только и делал,

что ходил туда-сюда: то в дом, то из дома, — и все ждал вечерней службы.

Когда пробило девять, он оделся и пошел к ближайшему городку. Навстречу ему попались несколько приятелей, которые завели его в кабак. Там он немного повеселел, и, когда он вошел в церковь под зазывный звон, глаза у него блестели, а лицо покраснело.

Господин священник в тот день читал проповедь по Евангелию. А в Евангелии шла речь об искушении Господа в пустыне.

— Смотрите, — говорил священник, — какова цена души человека! Она стоит больше, чем все блага на земле, больше, чем жизнь тела. Лучше жить в бедности, лучше тысячу раз умереть от голода, чем жить в богатстве, но с потерянной душой. Все, что сотворено, должно умереть, рассыпаться золой. Только душа никогда не умрет.

И много еще других красивых вещей говорил священник о том, как велика и как ценна душа.

Все внимательно слушали наставления, данные самим Богом, и только двое посмеивались в кулак: портной и Рене. Они сидели рядышком и всю проповедь и всю службу только и делали, что улыбались и перешептывались.

И все-таки Рене был неплохим парнем. Только похож он был на теленка, который идет за каждым, кто его за веревочку потянет. Вот портной и ухватился за эту веревочку и не отпустил ее. После мессы Фанш отвел Рене в кабачок, а оттуда взялся проводить домой, когда настал вечер.

Портной жил один в своем доме, крытом соломой, который он построил неподалеку от Кервезена. Там они с Рене очутились в одиннадцать вечера. В очаге горел слабый огонек, дымил светильник, укрепленный на деревяшке у камина.

Рене сидел, не смея поднять головы... Фанш Торшенин, не спуская горящих глаз с приятеля, говорил тихо, хотя, кроме них двоих, в хижине никого не было.

— Тебе ничего не нужно делать, только напиши на клочке бумаги имя, которым тебя окрестили, и в полночь принеси его к подножию креста. А на следующий день, тоже в полночь, придишь и увидишь там вместо своей бумажки кошелек с золотом. И с этим кошельком тут же станешь богачом.

Рене поднял глаза и посмотрел в лицо портному, разом протрезвев. Бедного парня так и трясло от страха, но в то же время он чувствовал, как в нем просыпается странное желание попробовать сделать это, хоть и не очень верил он словам портного.

— Ну будь ты мужчиной хоть раз в жизни! — убеждал портной, — да я говорю тебе, надо только руку протянуть — и ты схватишь счастье и богатство. И это будет действительно жизнь, а не какое-то там прозябание — всю жизнь то у одного в поле горбатиться, то у другого. Будь мужчиной, я тебе говорю, переплюнь всех, и будет у тебя награда!

Но Рене-то знал, о какой награде шла речь.

— Ладно, — сказал он, — дай мне подумать до завтра.

— Да послушай ты меня! — горячился портной (а уже пробило одиннадцать). — Напиши свое имя вот на этой бумажке, и в полночь мы будем уже в Дисплег.

И так стал убеждать Рене, друзья мои, что тот согласился и написал имя, которым его крестили, и пошли они вдвоем к кресту, который стоял в Дисплег.

Было темно, на луну то и дело набегали черные облака.

— Поторапливайся, — повторял портной, — по-моему, время уже подходит.

Они молча шагали рядом, иногда Рене оглядывался по сторонам: то куст пошевелится от ветра, то собственная тень побежит по придорожной насыпи, когда проглянет луна, и каждый раз вздрагивал от страха. Бедный парень весь взмок, хоть и дрожал от холода, будто его лихорадило.

Дорога была разбитая, то и дело попадались лунки с грязью, рытвины, через которые надо было перебираться. Много времени пришлось потерять, и, как ни торопился портной, в дороге их застигли вспышка молнии и раскаты грома.

— Ну вот, попали, — проворчал портной, грязно выругавшись, — ну ничего, все равно надо идти.

Рене не смел отказаться. Он побледнел — то ли от страха, то ли так показалось в свете молнии.

Вслед за громом настал черед дождя и ветра: дорога в один миг раскисла. Когда вспыхивала молния, было видно, как гнется лес под ветром, как течет вода по дороге, превратившейся в грязный ручей.

Фанш Торшенн все шел вперед и ругался на чем свет стоит.

— Ах ты, Господи, черт возьми! — бормотал он каждый раз, когда попадал ногой в яму. — Можно подумать, что сам Дьявол тут гуляет!

— Давай домой вернемся, — предложил Рене, который еле мог говорить сдавленным голосом.

— О чем это ты говоришь? Вернуться? Я тебе говорю, сейчас на улице только Дьявол гуляет и ни одного человека на дорогах нет. Мы лучше времени никогда не найдем. Никто о нас ничего не узнает и не расскажет. Давай, вперед! Мы уже пришли... Вон, смотри, там дуб и крест! Возьми бумагу и положи туда, где она не промокнет.

Дуб трещал, листья летали в воздухе и опускались на землю вокруг креста. Молния осветила дорогу. Рене, сам не зная что делает, затолкал бумагу между двух камней в подножии креста. И тут, будто кто-то специально ждал этого момента, жуткий раскат грома грянул над его головой. И крест, и дуб осветились синим светом, и оба — Фанш и Рене повалились на землю, прямо в грязь, как подкошенные.

Их привел в себя ливень.

— Ты где? — прокричал Фанш Торшенн.

В ответ раздался жуткий, пронзительный смех, перекрывающий удар грома и шум ветра, от которого волосы встали дыбом.

— Рене! Рене! — закричал портной что было сил. Но услышал только, как кто-то бежит прочь по мокрой дороге, поднимаемая брызги, и бросился вслед за убегающим.

— Рене! Рене! — Портной нагнал приятеля, но ни тот, ни другой и слова не могли сказать. На подходе к Кервезену Рене обернулся, бледный, с ног до головы забрызганный грязью, с безумными глазами. Портной не узнал его голоса, когда тот спросил:

— Кто же там смеялся?

Фанш Торшенн пожал плечами и отправился домой спать.

На следующий день два поденщика из Кервезена застыли от удивления перед крестом в Дисплег. От дерева отломилась огромная ветка и, падая на крест, отбила правую руку Христа.

Люди вокруг заговорили, что это Дьявол сражался с крестом в Дисплей и что вскоре начнут случаться удивительные вещи.

На следующий день, когда сестра пришла будить Рене на работу, она немало удивилась, увидев, что его праздничная одежда была разбросана вокруг кровати и залепана грязью.

— Мама, а где это братец был вчера вечером?

Мать тоже пришла посмотреть.

— О Господи! — воскликнула она. — Наверняка подрался или упал где... Эй, Рене!

Рене не двигался. Мать, встревоженная, забралась на скамеечку около кровати и взяла сына за руку.

— Рене! Рене! — позвала она.

Тогда он вскочил как ужаленный и закричал не своим голосом:

— Дьявол! Остановите!

Мать удивилась и растерянно посмотрела на свою дочь:

— И что это с ним стряслось?

Рене тем временем снова повалился в кровать.

Теперь он смеялся и говорил:

— Проклятые деньги! Проклятые красные деньги!

— Ты видишь, он еще не все сны досмотрел. Пусть спит, — сказала мать.

Но ближе к полудню Рене проснулся и начал стонать. Тогда мать встревожилась и снова взяла его за руку.

— Где у тебя болит, сыночек?

— Отойди! Это проклятые деньги! Проклятые красные деньги! Они жгут мне сердце!

Мать решила, что он заболел: и его рука, и лицо были горячие.

— Сходи скорее, — сказала она дочери, — к старой Фантиг!

Старая Фантиг была бедной женщиной, но умела лечить разные болезни и раны полевыми и лесными травами. Она была не из тех кодунов-шарлатанов, которые только тумана напускают, а людям облегчения не приносят, а порой и вредят. Эта старушка верила только в Бога.

Когда старая Фантиг пришла, она посмотрела на Рене.

— У него жар, и сильный, — сказала она. — С ним что-то случилось, отчего у него тяжело теперь на душе. К тому же он промок как следует. Но я думаю, что он выздоровеет, если сможет ему Святая Дева из Плувор.

Старушка оставила лекарство в скляночке и велела матери Рене надеть на сына образок с ликом Девы Марии. Но случилось странное: больной сорвал образок со своей груди и снова заговорил:

— Проклятые красные деньги! Проклятые деньги! Они мне сердце жгут!

Это случилось, наверное, потому, что он украл деньги у Девы Марии.

Так продолжалось две недели, а потом Рене почувствовал себя лучше, а когда совсем пришел в себя, позвал портного.

От разговора с портным молодому человеку стало еще лучше, он повеселел и снова стал самим собой: портной принес ему лучшее лекарство — кошелек червонного золота, которое Рене прижал к сердцу. С тех пор люди начали поговаривать: Рене Раденнек, мол, дрался с Дьяволом в Дисплей в то воскресенье, ночью, когда в дуб ударила молния. И кумушки, стоя на пороге, судачили:

— И вот поэтому наверняка он, бедненький, только и делал, когда болел, что на Дьявола кричал. Неудивительно! Дьявол небось все деньги у него и отобрал! Да, дорогая моя, такого еще не бывало!

Но когда Рене Раденнек оправился от болезни, он стал не похож на самого себя. Его сердце стало ледяным: он уже ничего и никого не любил, кроме денег и славы, а на все остальное ему было просто наплевать. А люди из-за странной истории, которая передавалась из уст в уста, прозвали его «Парень-Дьявол».

А Парню-Дьяволу ничего не надо было, кроме дочери Симона. Он думал так: «У меня достаточно денег, чтобы ее купить».

Но если бы старый Симон узнал, откуда у Рене взялись деньги, скорее всего, поберег бы свою дочь. И тогда по совету портного Рене закопал кошелек в землю, и однажды, во время пахоты, его плуг наткнулся на «клад»: тысяча золотых экио в кожаном кошельке. Так Рене стал богатым, и слух об этом разнесся по всей округе. А в тот вечер, когда он отправился просить руки

дочери Симона, родители девушки напекли ему блинов и посадили Рене у огня на самое почетное место.

В скором времени сыграли свадьбу. Портной был свидетелем. Но и Дьявол, хоть его и не приглашали, тоже явился на эту свадьбу.

Около двух часов ночи, когда все уже расходилось по домам или укладывались спать, раздался жуткий вой. Молодую жену нашли лежащей без памяти возле кровати. Она так никому и не сказала, что же ей привиделось в тот час. Но с той ночи она, всегда такая веселая, стала унылой, как сама смерть.

Но со стороны казалось, что дела у молодых идут очень хорошо. Денег на полке в шкафу день ото дня становилось все больше и больше. Через год после свадьбы у Рене родилась дочь, которая, казалось, могла стать счастливой, ведь ни в чем у нее недостатка не было.

Но случилось горе: вскоре молодая мать умерла. Для Рене это был страшный удар: жену свою он все-таки любил. Перед тем как умереть, бедняжка вспомнила о том, как они поженились, и рассказала ему, что же она видела в ночь после свадьбы.

И тогда Рене стал таким же, какой раньше была его жена. Он не плакал, но и смеяться не мог. Казалось, его все время гнетут какие-то тяжелые раздумья. А дочь подрастала и становилась все больше похожей на мать и все меньше на остальных детей: все время ходила невеселая.

Когда ей исполнилось восемнадцать, она сказала отцу:

— Батюшка, я хочу уйти в монастырь.

— Это еще зачем?

— Чтобы молиться за вас Богу! — ответила она.

Рене очень удивился. Он ведь никогда не говорил дочери, что за думы его одолевают. Но и удерживать ее он не смел, ведь ему верилось, что над ним распростерлась длань Божья.

Так Парень-Дьявол остался один на один со своим богатством. Он начал избегать встреч с портным. Иногда к нему в дом заходил священник, приносил ему вести от дочери. Фанш Торшенн знал об этом и был очень недоволен, поэтому он решил уговорить Парня-Дьявола жениться второй раз и сделать его еще большим грешником.

Однажды в воскресенье, после полудня, Фанш Торшенн отправился в ближайший городок, надеясь найти Рене в каком-нибудь кабаке и поговорить с ним, а заодно и пропустить стаканчик. Но портной нашел его не в городке, а на дороге. Рене возвращался домой один, печальный как никогда раньше. Портной предпочел бы поговорить с другом за выпивкой, но — делать нечего — пошел навстречу Рене с развеселым видом.

— День добрый! — сказал портной. — Как жизнь?

— И ты здесь, Фанш Торшенн!

— А я как раз шел к тебе, узнать, что у тебя новенького: все говорят, что ты приболел. И что ты ходишь такой печальный, как Иисус Христос?

— Твои слова, Фанш Торшенн, тебя до добра не доведут!

— Вполне может быть. Но мне все равно надо с тобой поговорить.

Они уже подходили к Кервезену. Портной зашел в дом. Служанка принесла на стол мяса, хлеба и сидра, но ни гость, ни хозяин ни к еде, ни к питью не притронулись.

— Послушай меня, дружище, — начал Фанш, — твоя болезнь от тебя же самого и идет. А от этой болезни я знаю лекарство. Почему ты не женишься во второй раз?

Парень-Дьявол встал, взгляд его сделался пристальным.

— Ты хочешь, — сказал он, — чтобы я свел в могилу еще одну?

— Ба! Что за глупости ты выдумал! Выкинь это из головы!

Рене все еще стоял в полный рост.

— Нет! — сказал он. — Нет, Фанш Торшенн. Слишком много воды утекло с той ночи в Дисплей. Мы уже не сможем договориться. Иди к себе домой, а в этот дом больше не возвращайся!

Кровь ударила в голову портного:

— Домой, значит, пойти? Я здесь дома, так же как и ты. Этот дом под властью нашего общего хозяина, Дьявола!

И тут же на пороге дома показалась собака. Парень-Дьявол быстро взглянул на нее и узнал — это был пес священника.

— Фанш Торшенн, я еще раз тебе повторяю: иди прочь отсюда!

Портной пошел к двери, но перед тем, как выйти за порог, рассерженно бросил:

— Ну смотри, скоро ты обо мне еще услышишь!

На пороге он натолкнулся на священника и выругался ему в лицо.

— Посмотрим, — добавил портной, — кто из нас верх возьмет!

Не стоит и рассказывать, друзья мои, о чем говорили Рене со священником. Парень-Дьявол устал от угрызений совести и признался постороннему — в первый раз — в том, сколь грешна была его жизнь и сколь тяжкими муками ему пришлось за это расплачиваться. Я расскажу вам, как тяжело было вырывать его душу и тело из когтей Дьявола.

Священник сказал:

— Нам нужно вдвоем дойти босиком до часовни Девы Марии из Плувор. Там я помолюсь за тебя, а ты отречешься от Дьявола, твоего хозяина. Ты положишь тысячу золотых экю на алтарь. Часть своих денег ты отдашь на то, чтобы поставить в Дисплей новый крест, а остальное раздашь бедным.

Парень-Дьявол встревоженно спросил:

— А на что же я буду жить?

На что священник ответил:

— На милостыню, на хлеб, который тебе будут подавать, если ты хочешь поспасть в Рай.

И вот одним утром, было это в пост, когда на земле лежали снег да иней, священник и Рене отправились в дорогу.

Шли они босиком, а Рене нес в руке тысячу золотых экю, которые получил, продав коров, лошадей и свой дом, — плату за свою душу. Он был похож на Исаака, который когда-то шел за своим отцом на вершину горы, неся на плече дерево, на котором должен был быть принесен в жертву.

И точно так же, как случилось с Исааком, за Парня-Дьявола должен был заплатить другой.

Когда Рене положил деньги на алтарь после возношения Даров, где-то далеко-далеко послышался шум — будто из глубины земли. Шум нарастал под полом часовни, и перепуганный

Рене подбежал к священнику, который повернулся к алтарю спиной.

— Не бойся, сын мой, — успокоил его священник, — Господь всегда побеждает Дьявола.

И вдруг язык пламени поднялся посреди часовни, земля с пронзительным криком разверзлась, и сам Дьявол показался перед глазами двух повергнутых в трепет людей. А вокруг него, в огне, толпились черти с рогами, хвостами, бородами. Скрежет их зубов сливался в единый рев.

Первым заговорил Люцифер. Голос его был похож на лай больной собаки.

— Ты кто такой, — зарычал он, — чтобы отнимать у меня этого человека?

— Я священник, священник с головы до пят.

— А знаешь ли ты, что я его хозяин?

— Знаю, но он вернул тебе плату за его душу, вот она.

Дьявол взвыл от гнева. Все черти прыгнули к алтарю, а за ними поползло синее пламя. Рене Раденек бездыханный упал на землю. Священник протянул руку, взял кошелек с золотом и кинул в чертей. Посреди синего огня взвилось яркое пламя, среди сонмища нечистых поднялся крик, как будто это золото жгло их шкуры. Вскоре земля сомкнулась, черти исчезли, и часовня снова стала такой, какой и была, — темной и тихой.

Когда молебен подошел к концу, священник поднял с земли бедного Рене, который все еще лежал без чувств. Его приняли в монастыре, и Рене провел там целый месяц, молясь Богу и вознося Ему хвалу, а потом взял котомку и пошел от одной двери к другой просить подаяние.

А что стало с портным?.. В тот час, когда Рене Раденек был в часовне, то есть утром, один поденщик увидел его тело в петле на дубе в Дисплег. Мертвец был черный, как каминная труба. Поденщик перекрестился и бросился бежать. Весть об этих удивительных вещах облетела всю округу. Все решили, что это Бог вершит свой суд, а Он что ни делает — все к лучшему.

После этого дуб в Дисплег срубили. Крест поставили новый, а у подножия этого креста часто видели Парня-Дьявола с котомкой на плече: он плакал и молился Богу. Там же, говорят, нашли его мертвым. Голова его покоилась на подножии креста, и

вид у него был счастливый, хотя на щеках у него еще не высохли слезы.

Все это, друзья мои, учит нас быть настороже, потому что Дьявол беспрестанно старается овладеть каждым из нас. Святое писание, книга Истины, написанная рукой Божьей, говорит нам, что для того, чтобы погубить душу, Дьявол ни перед чем не остановится! И рассказ о Парне-Дьяволе повествует как раз об этом.

Мальчик с кожаной плеткой

Когда-то близ города Кемпера жил крестьянин, у него было два сына. В те времена еще не ходили поезда по железной дороге. Я слышал от родителей моих родителей, что случилось все это лет девятьсот назад или что-то около того.

Тогда был такой обычай: все богатство доставалось в наследство старшему сыну. И когда отец собрался умирать, он позвал к себе обоих сыновей, Ригаля и Персоника, и обратился к старшему, Ригалю:

— Тебе я даю мое благословение и все, что у меня есть, кроме кожаной плетки.

— А тебе, — сказал он младшему брату, — я даю свое благословение и мою кожаную плетку.

Казалось, он хотел добавить что-то еще, но смерть схватила его за горло и унесла с собой.

Вскоре имущество было поделено: недолго было такое наследство делить. Персоник взял свою плетку, повесил ее на шею, попрощался с братом и со всей родней и пошел прочь, не оглядываясь. И никто этому не удивился, ведь такие вещи случались чуть ли не каждый день.

А Персоник шел и думал, на что ему может согдиться эта плетка. Он раньше часто видел ее в руках отца, но никогда ему и в голову не приходило приглядеться к плетке повнимательнее. Поэтому Персоник остановился посреди дороги и стал разглядывать свое наследство.

Рукоять у плетки была тоненькой и гибкой, но из какого дерева она была выточена, Персоник понять не смог. Сама плетя была сделана из четырех полос плотной кожи длиной в шесть

пядей с узелками, а в них были завязаны какие-то желтые зернышки, твердые, как камень. Окончание плети было, похоже, из конопля, но Персоник так и не смог понять, как были переплетены восемь конопляных нитей. Кожаные ремни были привязаны к рукоятке крепким узлом, и как распутать его, Персоник не знал.

— Ну и вещица! — сказал он.

Персоник был высоким и статным парнем, но, когда он повесил плетку себе на шею, ее кончик свисал аж до его деревянных башмаков. Так и зашагал Персоник по дороге, положив руки в карманы, и думал, на что же ему может стодиться эта палка с полосками кожи. «Мой отец, — говорил он сам себе, — никогда ни над кем не насмеялся, и уж конечно, не стал бы надо мной издеваться перед самой смертью. Ладно, поживем — увидим».

Вскоре Персонику захотелось есть. Старший брат не дал ему ни гроша на дорогу, а только одну краюшку хлеба. Около дороги тек ручей, и Персоник сел попить воды, плетку положил на берегу, а сам задумался, повесив голову.

Но тут рукоять плетки задвигалась, а ремни опустились в ручей, и течение понесло их. Персонику пришлось схватить рукоять и как следует дернуть ее на себя. Тут он обомлел: на конце ремня болталась огромная рыба.

— И с чего это, — удивился Персоник, — рыба вцепилась в мою плетку?

Но раз так случилось, Персоник решил сам забросить плетку в воду. И тут же внушительных размеров угорь выплыл из-под камня и ухватил ремни.

— Вот это да! — опешил Персоник. — Так это волшебная плетка! А ну-ка, посмотрим еще... По крайней мере, обед у меня уже есть. Может, и на ужин рыбки наловлю.

И как только он это сказал, из воды выпрыгнул лосось и вцепился в плетку, да так, что Персоник чуть не рухнул головой в ручей. Осталось только как следует потянуть рукоять на себя, и лосось толщиной с ногу оказался на берегу.

Персоник связал своим платком форель, угря и лосося, говоря себе: «Не стоит слишком много тащить на себе — пока будет рядом вода, будет у меня и рыба».

И пошел он дальше; шагалось ему легко, ведь голод его больше не мучил.

— Скоро-скоро, — говорил он сам себе, — если удастся продать рыбку, получу за нее денег, а не продам — так зажарю ее в каком-нибудь доме. Главное — не потерять эту плетку.

И чтобы плетка не соскользнула, Персоник трижды обернул ее вокруг шеи.

Взобравшись на насыпь у дороги, он увидел слева от себя дымящую трубу и зашагал к незнакомому дому.

— Люди добрые, — сказал он, ступив на порог этого дома, — а не найдется ли у вас, ради Бога, немного огня, чтобы поджарить мою рыбу?

— Конечно найдется, паренек, — сказала старуха, сидевшая у очага. — Заходи в дом.

Персоник вошел в дом и развязал платок.

— Вот это да! — удивилась старуха. — Улов у тебя — что надо! И где это ты столько наловил?

— Да там вон, в ручье.

— В ручье под мостиком? Да там отродясь рыбы не водилось!

— Вот те на! — изумился Персоник. — А ведь эти-то три как раз оттуда!

— И как ты ухитрился их поймать?

— Сейчас увидите, когда поджарим, — ответил Персоник.

— Ну ты и шутник, — заметила старуха. — Вот Жобик, мой сын, никогда даже гольца не мог поймать в этом ручье.

Тут в дом вошел Жобик и с ним еще два мальчика, его братья. Все они очень удивились, когда услышали рассказ Персоника. А рыбка тем временем поджаривалась в масле. Когда обед был готов, каждый съел свою часть да похвалил рыбу. Запивали ее добрым сидром, а старуха принесла на десерт медовухи.

Выпив медовухи, Персоник раскраснелся и язык у него развязался. К тому же он гордился уловом и сам поспешил рассказать свою историю.

— Вот, ребята, — похвастался он, — какая у меня особенная плетка, поглядите-ка на нее!

И он развернул свою плетку, чтобы показать любопытным мальчишкам. А те думали о рыбе и только о рыбе, и на плет-

ку, которая была накручена на шею Персоника, даже и не поглядели.

— Хотите верьте, хотите нет, — начал он свой рассказ, — но вот этой вот штукой я и поймал рыбу.

Трое мальчишек так и остолбенели, а старушка смекнула в чем дело, да и притащила еще один горшок медовухи.

— Еще глоточек, — сказала она, — тебе не повредит. Рассказывай! — и подмигнула сыновьям.

А Персоник рассказал все без утайки, говорил да прихлебывал. А когда закончил свой рассказ, в голове у него зашумело, язык сделался неповоротливым. Старуха доконала его последним стаканом. Выпив его, Персоник свалился, стукнувшись лбом об стол, и больше ни слова выговорить не смог.

Тогда старуха осторожно сняла с его шеи плетку и протянула ее старшему сыну со словами:

— Ну теперь из рук ее не выпускай. А когда паренек совсем заснет, оттащите его в хлев. Потом возьмите каждый по три конопляные веревки и сплетите точно такую же плетку, а потом намотайте ему на шею. Завтра, когда он проспится, отправим его на все четыре стороны, и он ничего про свою плетку и не узнает.

Сказано — сделано. Персоника отволокли в хлев, а три брата смастерили новую плетку и повесили ему на шею. На следующий день, рано утром, старуха пришла доить коров и погнала Персоника искать удачи в другом месте: сыновьям, мол, в тот день ни свет ни заря надо было навоз из-под коров убирать. Голова у Персоника трещала, а глаза были красные. Но он все-таки поднялся и пошел в дом поесть. Там он попросился с тремя братьями и пошел прочь. Куда он шел — ему было неизвестно. Но что с того? Ведь не было у него ни кола ни двора.

Но скоро голова у него совсем затуманилась, так что дальше идти он не мог. Пришлось найти глубокую канаву возле дороги, там он и заснул.

Когда Персоник проснулся, в голове у него было ясно, а в животе — пусто. Он принялся искать ручей, чтобы наловить рыбы. Ручей-то он нашел, но ни одной рыбешки поймать не смог. Тогда он повнимательнее пригляделся к плетке и понял, что ее подменили.

— Что ж, — сказал он себе — стало быть, пока я спал, меня обокрали.

Что было делать? Куда идти? На ум шли всякие темные мысли, когда вдруг он увидел какую-то женщину, которая неслась к нему во весь опор.

— Подожди, ради Бога, подожди! — кричала она.

Персоник посмотрел на нее и узнал ту самую старуху, которая жарила ему рыбу. Старуха подбежала к нему и грохнулась на колени.

— О, Господи! Да что же ты сделал с моим домом и с моими мальчиками?

Персоник удивился еще больше.

— Да я, — ответил он, — и не думал вам ничего плохого делать...

— Пресвятая Богородица! Конечно, ничего, но ведь у нас осталась твоя плетка!

— А, проклятые воры!

— Пожалей же нас, — заголосила старуха, — Бога ради! Нас твоя проклятая плетка уже как следует проучила! — зарыдала и запричитала она.

Персоник тут же забыл, что его обокрали, так ему хотелось узнать, что же случилось с его плеткой.

— А что же такого она вам сделала? — спросил он. — Уж не врешь ли ты опять?

— Бог с тобой! — старуха поднялась на ноги. — Как только ты ушел от нас, Перик, мой младшенький, пошел гнать коров на пастбище и плетку с собой взял. Была у нас коровка-красавица, только отелилась, — старуха снова разрыдалась, — и ей поскорее хотелось вернуться домой к теленку, и вот погнал ее мой младшенький, плеткой стеганул, и, говорит, тут же она замертво и упала... Мы сперва и не поверили, что это от плетки все, и, как ни тяжело нам было, над мальчишкой посмеялись. Но потом средний пошел лошадей пасти. И был у нас один жеребенок — мы бы могли его за четыреста франков на ярмарке продать, — тут старуха снова залилась слезами, — так этот жеребенок не хотел на луг идти. Мой средненький и саданул его по крупу плеткой, тут жеребенок и околел. Мой сынок выкинул эту проклятую плетку и пошел домой: напугался он и расстроился. А старший

тогда и сказал: «Надо эту плетку сломать». Господи! Господи! Бедный мой сынок!»

На несчастную старуху больно было смотреть: она рыдала и рвала на себе волосы.

— Когда он принес домой павшего жеребенка, чтобы закопать его и корову, то схватил топор и прямо у нас на глазах на колоде, которая стоит у порога, стал рубить плетку на части. Но чертова плетка оставалась цела. Старший рубил ее изо всех сил. И вот мы видим, как три ремешка разом поднялись в воздух и стянули шею моего бедного сыночка, так что он аж вскрикнул и двумя руками стал распутывать узел. И оба брата ему на помощь бросились. Но не тут-то было! Совсем немного времени прошло, и сыночек мой скончался у меня на глазах, как есть задушила его плетка! А потом сама распуталась, как змея, и пошла прыгать по двору с воем. Мы — бежать, как полоумные! Я помчалась за тобой, чтобы ты, ради Бога, пришел за своей плеткой и спас нас от нее!

Персоник выслушал старуху открыв рот. Потом сказал ей:

— Вот если бы вы у меня плетку не украли, ничего бы с вами не случилось. Ну ладно, так и быть, пойду ее заберу.

И он пошел за плеткой. Подходя к дому, он заметил, что все двери в нем закрыты — два старухиных сына прятались: один — на чердаке хлева, а другой — на чердаке дома. А плетка прискакала к Персоннику, как только тот ступил во двор, и бросилась ему на шею. Никто никогда еще не видел такой ласковой плетки! Персоник трижды обмотал ее вокруг шеи. Больше плетка не двигалась. Персоник сказал сыновьям старухи, что они могут спустаться с чердаков и отворять двери.

— Где тело вашего брата? — спросил он.

Бездыханное тело лежало на кровати. Персоник подошел к нему и прикоснулся к нему плеткой. И тут же парень встал, протирая глаза, будто очнулся от тяжелого сна. Его мать и братья вскрикнули от радости.

— А теперь, — сказал Персоник, — пойдете к вашей лошади и корове.

И скотина тоже ожила, как только Персоник дотронулся до них кончиком плетки. Не стоит и говорить, как обрадовались

хозяева, видя такие чудеса: они не знали, как и похвалить Персоника, да как ему угодить.

Персоник с ними попрощался, но перед тем, как уйти, сказал им:

— Вот так-то. В моей руке эта штука только добро делает, а в вашей — только зло. Так что запомните: у каждого человека свое орудие на этой земле. А теперь дайте мне хлеба и мяса, пожалуйста, и я ухожу.

Если Персоник и раньше дорожил своей плеткой, то теперь, когда узнал, на что она способна, стал беречь ее пуще глаза.

Вскоре он дошел до леса, где ночевал накануне, и решил пройти сквозь него. Для начала съел немного мяса и выпил глоток воды. Потом смочил палец и пошел, повернувшись к ветру спиной, ведь думалось ему, что так же странствует лист, оторвавшись от дерева, пока не упадет где-нибудь.

Долго он шел, а лес становился все гуще. Вдруг послышался собачий лай, все ближе и ближе. Персоник остановился и вскоре услышал, как лес расступается перед целой сворой псов. Вдруг перед самым его носом промчался огромный волк, глаза и пасть которого горели огнем. Голова у него была огромная, как у быка.

Тут же примчался какой-то всадник, который скакал навстречу волку. Зверь обернулся, увидел, что собаки его нагоняют, разбежался и вцепился коню в самое горло. Конь рухнул, увлекая всадника на землю. Но не конь был нужен волку: он вскочил на спину всаднику. Персоник схватил свою плетку. Но тут примчались собаки — их было то ли десять, то ли двенадцать. Персоник и шагу не успел сделать, как они кучей навалились на волка, и бедный всадник оказался погребен под телами животных. Как можно было помочь ему? Но волк и не думал убивать всадника. Он накинулся на собак и, подавшись назад, стал от них отбиваться. Волк был матерый, нечего сказать. Персоник подошел к охотнику, лежавшему в крови около своего коня. Ранен он был не сильно: больше пострадали конь и собаки. Он тут же обрел дар речи и спросил:

— А с волком что? Волка поймали?

— Я точно не знаю, — ответил Персоник, — он убежал, а вслед за ним и собаки.

— Его надо поймать, — заволновался охотник. — Обязательно! Но что же делать! Лошадь моя околела! Отдам жизнь и все мое добро тому, кто этого волка поймает!

— Если хотите, оставайтесь здесь, — предложил Персоник, — я побегу за ним с плеткой.

— С плеткой, бедный ты мой! — несмотря на боль и ужас, охотник усмехнулся: — с плеткой! Этого волка не берут ни собачьи зубы, ни стрелы. Что ему твоя плетка! А если этот зверь не умрет, то — о Господи! — умрет моя дочь!

Охотник был в отчаянии.

— Этот волк убил уже тридцать одну девушку за последние несколько лет, и все они были богатыми наследницами. В окрестностях осталась только моя дочь, и, пока жив этот волк, я живу в постоянном страхе за нее. Но сколько на этого зверя ни охотились...

Но пока он говорил, Персоннику в голову пришла мысль: «Нужно мне убить этого волка».

И не слушая больше жалобы охотника, размотал он плетку и побежал по собачим следам.

По лесным тропинкам была разбрызгана кровь, и Персоннику нетрудно было найти дорогу. Но не волк оставлял свою кровь на земле: и там и сям валялись тела собак. Персоник было забеспокоился, не оторвался ли волк далеко от него, как вдруг услышал впереди вой и лай. Тогда он побежал со всех ног.

Волк терзал последних двух собак, когда подбежал Персоник со своей плеткой. Один удар — и волк свалился на землю. Удивительное дело: волк был жив, силы его не иссякли, а было их у него столько же, сколько у здорового быка. Но ни зубы, ни когти в ход не пустил. Убить его Персоник не мог и поэтому намотал плетку на голову зверю.

— С моей плеточкой, — сказал он сам себе, — мне никакая опасность не страшна.

И повел за собой волка, безобидного, словно ягненок. Однако зверь никак не шел туда, куда вел его Персоник. Каждый из них тянул в свою сторону. Персоник не мог ни отпустить плет-

ку, ни выпустить зверя, так что пришлось ему идти за волком. И вот злодей пошел вперед, а Персоник зашагал за ним.

Надо сказать, Персоник немного растерялся и стал озираясь по сторонам, ведь, как говорил охотник, этот волк ни хитростью, ни выдумкой не уступал самому Дьяволу. Он шел не по тропинке, не по дорожке, а петлял по лесу, туда и сюда, так что ремень плетки натягивался, а Персоник еле успевал смотреть себе под ноги, чтобы не упасть.

«Вот так прогулка, — думал он. — Сам не знаю, куда иду. Я похож сейчас на слепого, только вместо собаки-поводыря у меня волк».

А лес становился все темнее. По сторонам виднелись камни, поросшие мхом, росли огромные деревья, и нигде не было никаких тропинок. Ясно было, что люди забредали сюда нечасто.

«И как я только смогу отсюда выбраться? — думал Персоник. — Ну что, мерзкий волк, я никуда больше не пойду!»

И волк, будто слушался человеческих слов, остановился. Перед ним была расщелина, которая казалась глубокой. Большая скала нависала над отверстием и закрывала свет.

— Ну все, мерзкий зверь, — крикнул Персоник. — Уж наверное, не для того, чтобы здесь торчать, ты сюда меня привел?

Волк ничего не ответил, а разбежался и прыгнул в колодец. Такой подлости Персоник не ожидал. Он как следует держался за плетку и поэтому вниз головой полетел вслед за волком. Падая, он уцепился ногтями за скалу, но только и смог, что оторвать от нее немного мха и плюща.

Персоник, как можно догадаться, приземлился не очень удачно — ведь колодец был глубоким. А вот волк, похоже, привык к таким прыжкам и упал как надо: на все четыре лапы, семь раз перекувырнувшись в полете. Он тут же попробовал убежать, но Персоник хорошо держал плетку и не выпускал ее. Растянувшись во весь рост, он не мог пошевелиться: то ли мертвый, то ли без сознания. Волк старался изо всех сил; но плетка была сильнее него. Волк поддевал Персоника и носом, и лапами, чтобы освободиться. Но не тут-то было! Жив был Персоник или нет, а плетку свою держал крепко.

Тогда волк сунул лапу себе в пасть и завыл, как всегда воют волки, когда попадают в ловушку. Стены колодца задрожали, загудели, так что очнулся Персоник от этого шума.

Он вздохнул и выпустил плетку, чтобы протереть глаза. И тут же волк, словно того и дожидаясь, отскочил к стене, где виднелась какая-то нора. Но Персоник, хоть и был без чувств за минуту до того, быстро пришел в себя.

Нора была узкой, и волк не мог быстро пробираться по ней. Когда из норы торчал уже только хвост зверя, Персоник ухватился за него обеими руками.

— Если он пройдет в нору, то и я пролезу, — сказал он себе, — ведь мне нужно отобрать мою плетку.

Волк тянул Персоника за собой, так что тому пришлось ехать за зверем на брюхе. Нора была похожа на кротовую, только размером побольше. Вдурт за поворотом показалась комната пошире и повыше. Тут Персоник и ухватил снова рукоять своей плетки, решив, что теперь уж ни за что ее не выпустит.

Волк жалобно смотрел на своего укротителя. Похоже, где-то были и другие подземные ходы, и он охотно скрылся бы в одном из них, оставив юношу с плеткой здесь. Но Персоник был настороже.

Комната, в которой он очутился, была необычной. В ней было светло, только непонятно, откуда шел свет, ведь лучи солнца сюда не доставали. В стенах было прорублено тридцать две двери, и тридцать одно имя было написано на них; лишь одна была безымянной. Прямо перед собой Персоник увидел надписи: «Анжелина», «Гвиния», а дальше — «Дофина». Он вспомнил о девушках, которых некогда, по словам охотника, утащил волк, а когда заметил дверь без имени, то понял: на ней будет написано имя дочери охотника, если только она попадет сюда.

«Если бы только я мог, — подумал Персоник, — заставить этого мерзкого зверя привести мне всех девушек, которых он здесь запер, я бы совершил подвиг и прославился. А что, раз я уж сюда забрался, то отступить мне некуда. Осталось только осмотреться — может, удастся выведать, как здесь что устроено.»

Волк тем временем сидел смиренно, облизывая лапу, и иногда исподлобья поглядывал на Персоника. А сидел он на каком-то

деревянном кругляшке, на который Персоник поначалу даже не обратил внимания.

Персоник прислушался: может быть, удастся услышать чей-нибудь голос? Но ни один звук не долетал из-за дверей, за ними было еще тише, чем под могильными плитами, где гниют тела мертвецов.

Не выпуская плетки из рук, Персоник не мог никуда отойти от волка, ведь волк слушался только кожаного ремешка. Привязать волка тоже было нельзя, ведь тогда у Персоника не будет в руках плетки, то есть власти над зверем, и тогда — кто знает, чего можно ожидать? Лучше всего было бы, конечно, убить волка, но как тогда выбираться из норы?

Что же делать?

А волк время от времени скалился, как будто смеялся, издеваясь: «Ничего, рано или поздно моя возьмет!»

Что и говорить, невесело было Персоннику. Он обошел комнату кругом, постучал во все двери, потряс их изо всех сил. Но как их открыть, ведь ни в одной не было ни ключа, ни даже замочной скважины! Обойдя все двери, Персоник вернулся к волку и приказал ему:

— Выведи меня отсюда по прямой дороге!

Волк взглянул на него искоса, всем видом своим говоря: «Да неужели?»

Персоник хорошенько дернул плетку:

— Пошевеливайся, мерзкое животное!

Волк встал и лениво прошелся по комнате, после чего снова уселся на деревяшку. Тогда Персоник, разозлившись, принялся пинать его ногами. Волк показывал зубы и подвывал, но от этого удары еще сильнее сыпались на него. Плетка натягивалась и, наконец, соскользнула с головы зверя. Все, Персоник, все труды твои прахом пошли!

Почувствовав себя на свободе, волк набросился на Персоника, как на овцу. Персоник не успел даже замахнуться плеткой и упал на землю. Однако, падая, он задел деревянный кругляш, который стоял посреди комнаты. И тут — удивительное дело! — деревяшка дважды повернулась под его рукой, и тут же все двери распахнулись. Волк злобно взвыл, но Персоник успел накинуть плетку ему на голову, и тут же волк стал послушнее

ягненка. Персоник подождал: не покажется ли кто-нибудь из-за дверей, но никого не увидел и ничего не услышал.

— Хорошо! — сказал он. — Теперь пойдем за мной, мерзкий зверь, а то как бы ты не запер все двери, лишь только я окажусь в другой комнате. — И поволок волка за собой.

Не задумываясь, он медленно вошел в комнату, на двери которой было написано «Дофина», стараясь не шуметь и надеясь что-нибудь найти.

Удивительное и забавное это было зрелище: Персоник и идущий следом за ним волк, шагающий в тишине и поворачивающий нос то в одну, то в другую сторону темного хода.

А ход становился все темнее и темнее, ведь свет, как я уже говорил, доходил сюда лишь из средней комнаты. Еще немного — и Персоннику пришлось идти на ощупь. Он что-то бормотал себе под нос, когда спотыкался или ударялся головой о стены, но кричать не решался — кто знает, что ждет впереди.

Вдруг впереди будто загорелась красная звездочка: там был свет. Персоник и обрадовался, и обеспокоился. Он осторожно продвигался вперед. Подойдя поближе, увидел лучину, втиснутую между двух камней стены перед порогом.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил сам себя Персоник. — Может быть, за порогом — девушка?..

Он взял лучину и стал искать ключ или дверную ручку. Но ни того, ни другого не нашел, а дверь оказалась незапертой: стоило толкнуть ее, и она открылась. Персоник, с лучиной в одной руке, с волком на привязи — в другой, стал глядываться в темноту комнаты. Света там было не больше чем в мешке. Но тот, кто был в комнате, наверное, заметил свет, потому что Персоник услышал тихий стон, грустный, как предсмертный вздох голубки. Волк заворчал, Персоник ткнул ему в морду лучину. Но тот, кто стонал в темноте, услышал рычание волка: голос тут же умолк. С лучиной в руке Персоник вошел в комнату и обошел ее кругом. И вот на полу в дальнем углу увидел девушку. Она лежала без чувств на ветхом полотне, волосы ее были растрепаны, а лицо было мертвенно бледным. Персоник приподнял девушку с земли, и только тут с ужасом заметил, что у нее была только одна рука и одна нога. Первое, что решил сделать Персоник, это отнести девушку в среднюю комнату, но волку это пришлось не

по нутру. Персоник погнал зверя пинками вперед себя — девушка у него на руках была почти невесомой.

Повторив тот же путь, на этот раз, правда, с лучиной, Персоник положил девушку на землю и просто онемел от жалости и ужаса. Нога девушки была обглодана до колена, а рука — до самого локтя; от ее тела, худого и иссохшего, остались только кожа да кости. У Персоника выступили слезы.

— Проклятый волк, — крикнул он зверю, — это твоя работа! погоди у меня, я их всех вырву из твоих когтей! — И снова принялся бить волка ногами, так что тот только взвизгивал. А между тем Дофина открыла глаза. Увидев перед собой человека, а не волка, она очень удивилась. Персоник взял ее за руку и сказал ей:

— Не бойтесь, меня этот волк слушается, и я хочу сделать вам только добро. Расскажите, что же за беда случилась с вами?

— Меня, — отвечала девушка, — меня похитил из моего замка вот этот волк — сейчас и не вспомнить, давно ли это было. Мой бедный отец остался один в тревоге, а меня этот безжалостный зверь глодал заживо, он приходил каждую неделю и вгрызался в мое тело. Видишь, у меня наполовину съедены одна нога и одна рука. Но я все никак не умру, хотя и мучает меня нестерпимая боль.

— О Господи! — воскликнул Персоник. — До чего же у тебя несчастная судьба! Но если я только смогу, то вызволю тебя отсюда!

— Только бы снова увидеть отца!

Персоник оставил девушку лежать на земле и вместе с волком подошел к другой двери.

— Анжелина! — прочел он надпись на ней. — А что я здесь найду? У, мерзкая тварь, с каким удовольствием я переломал бы тебе все кости!

Как и в прошлый раз, Персоник подошел к двери, освещенной лучиной. Он вошел в комнату и увидел там еще одну девушку. У нее и руки и ноги были целы, но вместо щек зияли кровавые дыры — это было на редкость безобразное зрелище.

Персоник перенес ее к первой. И с Анжелиной случилось то же самое: ее тоже унес волк и приходил к ней каждую неделю, чтобы глодать ей лицо.

Персоник был вне себя от гнева, от жалости, от желания спасти всех этих бедных девушек — ему хотелось стиснуть зубы и заплакать. Он ходил из одной комнаты в другую, пока не перенес, наконец, всех девушек в среднюю комнату.

Вскоре все они были вместе, все девушки, которые когда-то были веселыми и красивыми, но теперь оказались обезображенными настолько, что Персоннику приходилось отводить глаза, чтобы не глядеть на них: у одной вместо носа виднелось кровавое месиво, у другой вместо глаза — пустая глазница, у третьей не было нижней челюсти, у четвертой были изуродованы уши... Не было ни одной девушки, которую пощадил бы волк: у каждой чего-то недоставало.

Волк смотрел на них, глотая слюнки; его глаза загорелись.

Персоник не знал, что делать. Мало было перенести всех этих девушек из их застенков, теперь надо было исцелить их и поднять на землю, или, по крайней мере, убить волка и выбраться отсюда самому, чтобы позвать кого-нибудь на помощь.

Убить волка! Об этом он только и думал все время, но ему захотелось заставить зверя страдать точно так же, как страдали его пленницы. А потом? Как исцелить бедных девушек?

И вдруг одна мысль осенила Персоника, и ему даже показалось, что эта мысль пришла к нему из иного мира.

— Ну, волк, — сказал он зверю, — сейчас я тебя живого разрежу на куски, куски поджарю, отдам девушкам, — и это им поможет. — Персоник открыл свой складной нож. Одним из ремешков плетки завязал волку морду, а другим спутал ему лапы, не обращая внимания на жалобные вздохи зверя; потом взял лучины, зажег огонь в углу комнаты и стал точить свой нож на камне.

Волк всхлипывал, а обессиленные девушки, неподвижно лежащие вокруг, с замиранием сердца смотрели на него.

Персоник засучил рукава и схватил волка за уши. Два удара ножа — и уши зверя остались в руках у Персоника. Когда они поджарились над огнем, юноша спросил:

— Кто из вас остался без ушей?

Четыре девушки подняли руки. Честно говоря, они, конечно же, брезговали волчьим мясом. Конечно, видеть, как убивают зверя, было для них огромной радостью, но вот поесть его

мясо — удовольствие сомнительное. Но если от этого исчезнет их уродство?

И как ни горды были девушки, все же стоило хотя бы попробовать — а вдруг они снова обретут потерянное? Одна девушка с золотистыми волосами поднесла кусок ко рту, откусила от него и проглотила. Тут же она поднесла руку к голове: из раны показалась плоть, розовая, как только что проклюнувшийся картофельный проросток. Девушка проглотила еще кусок, и на прежнем месте выросло новое ухо. Больше того, к ней вернулись прежние силы, она встала, засмеялась и даже запрыгала от радости.

Остальные, конечно же, последовали ее примеру, и скоро уже четыре девушки приплясывали и дергали друг друга за уши, чтобы проверить, хорошо ли они держатся. Тогда Персоник снова повернулся к волку и схватил его за нос. Волк жалобно скулил, но Персоник не обращал внимания; он был рад видеть, что его затея удалась. Девушки поджарили волчий нос, разделили на три куска и раздали тем, у которых были повреждены носы. И все три несчастных тотчас исцелились: у каждой вырос аккуратный носик, какой был раньше.

Ну что, у кого обглоданы щеки? С двух сторон волчьей головы срезаем два куска, поджариваем и отдаем двум девушкам — и снова у них появились румяные щеки! Так они обрадовались, что стали просить поцеловать себя в щечку.

У кого недостает ноги, руки, глаза? Каждая найдет у волка то, чего у нее нет, как находят у вора украденное добро, и каждой возвратится ее доля.

Обезглавленный волк был уже мертв. Девушки толпились вокруг него, пока Персоник делил мясо. Теперь же они брезгливо смотрели на оставшиеся от зверя кости да потроха.

А Персоник тем временем думал, как же им выбраться на землю. Высоко над ним виднелась дыра в потолке. Нужна была лестница. Лестница? Но все ведь под рукой. Волчьи кости да кишки — все равно что палки да веревки.

И вот Персоник взялся за останки зверя и снова принялся раздирать их на части. Но кости и кишки оказались слыш-

ком короткими. Однако вскоре они начали расти, удлиняться, и когда Персоник поднял лестницу, она достала до самой дыры. Оставалось только взобраться наверх и высунуть голову наружу. Господи! Земля, солнце, зеленые деревья! Какая же радость после этого адского подземелья!

Персоник снова спустился.

— Ну что, барышни, — сказал он, — поднимайтесь по одной, самые младшие пойдут самыми первыми. А я вслед за вами поднимусь.

Девушки обрадовались и быстро-быстро поднялись наверх.

Персоник последовал за ними. Но когда очутился на земле, то вспомнил про свою плетку.

— А плетку-то я там оставил! Эй, кто-нибудь видел моею плетку?

Но никто о ней и знать не знал. Тогда Персоник решил:

— Ну и ладно. Наверное, эта плетка ко мне для того и попала, чтобы я сделал то, что мне пришлось сделать. А когда работа позади, плетка мне и не нужна больше.

Персоник теперь и не вспоминал о своей плетке — он думал только о том, как доставить девушек домой. Но это тоже было непросто! Никто не знал, куда идти, даже в какую сторону нужно было направляться. Да и подумайте только, разыскать тридцать один дом! Одна девушка, правда, сказала, что замок ее отца находился где-то в этом лесу.

— Тогда, — приказал Персоник, — пусть каждая залезет на дерево, и та, которая увидит какой-нибудь замок, скажет всем остальным.

И вот вскоре каждая из них взобралась на дерево и стала всматриваться вдаль. Одна из тех, кому достались новые глаза, сначала увидела, как где-то вдалеке над лесом вьется дымок, а Персоник, когда девушка позвала его, заметил со своего дерева (оно было чуть повыше) крышу и трубу на ней.

Он хорошо запомнил, в какой стороне было жилье, и приказал всем спуститься.

— Теперь, — сказал он, — нам всем нужно идти в ту сторону... Вон, смотрите, тропинка.

Самая старшая из девушек пошла впереди всех, остальные — за ней, а Персоник позади всех, охраняя их от опасностей.

Пройдя часть пути, Персоник решил снова влезть на дерево, но больше не увидел ни трубы, ни дыма. Но одна из девушек, та, у которой был волчий нос, сказала:

— Чую, впереди обед готовят, оттуда идет запах жаркого.

— Ну что ж, пойдёмте туда! — сказал Персоник.

Но шло время, а никто больше не чувствовал никаких запахов.

— Наверное, обед уже съели, вот никто ничего и не чувствует, — вздохнул Персоник. — Но что же нам делать?

Он снова влез на дерево, но опять ничего не увидел. Тогда девушка с волчьим ухом сказала:

— А я слышу, как трубит труба в той стороне!

— Что ж, пойдём и проверим, — ответил Персоник.

На этот раз они быстро вышли к замку с высокими стенами, возле которого собиралась охота. Когда охотники увидели толпу девушек, они несказанно удивились, и один из них воскликнул:

— Боже! Неужели это — моя дочь!

— А это, — закричал другой, — моя невеста!

— Сестра! — крикнул третий.

Что тут началось! Девушки бросились в объятия своих родных и близких, несказанно удивленных. Персоника поначалу никто и не заметил, но, когда девушки рассказали, кто и как их спас, про охоту забыли, и все поспешили в замок послушать историю необычного молодого человека. Когда он стал рассказывать об убитом волке, охотники прервали его:

— Да мы как раз шли на него охотиться.

— Теперь незачем, от него уже ничего не осталось! Эти бабы убили его, зажарили и съели.

— Быть того не может! — засмеялись охотники.

Персоник рассказал все как было, от начала и до конца, а девушки с удовольствием показывали — кто волчьи ноги, кто волчьи глаза, кто — щеки, а кто — уши.

Мужчины просто онемели от удивления. А когда Персоник продолжил рассказ, один из них взял пачку газет и прочел все имена девушек, похищенных волком. И все нашли свои имена и адреса.

— Ну вот, — сказал хозяин замка. — Пока оставайтесь здесь, а я напишу вашим родным, чтобы они за вами приехали.

И тут же написал и отправил письма.

Не нужно и говорить, что родня со всей округи приезжала за девушками еще целых два месяца, а кроме того, приезжали любопытные посмотреть на такое чудо. Я и сам там был, видел Персоника и слышал эту историю от него самого.

Потом Персоник женился на одной из девушек, которых он спас, на той самой, которая ему больше всего понравилась и которую он первой спас от волка.

Они жили счастливо, а время от времени его жена встречалась с другими девушками, которые тоже все стали дамами, чтобы поговорить с ними о волке-колдуне и кожаной плетке.

Волшебная дубинка

Давным-давно мой дед рассказывал мне эту сказку, наверное, для того, чтобы я не уходил из деревни в большие города. И так глубоко она засела у меня в душе, что лучше мне оставаться в родной стране и просить милостыню на старости лет, чем уходить на чужую сторону.

Когда-то, вдали от больших дорог, в одном домишке, далеко от нашей Нижней Бретани, умерла женщина — мать двоих сыновей. Обоим сыновьям было по четырнадцать лет, родились они в один день и как две капли воды были друг на друга похожи.

Умирала мать, а мальчики плакали, стоя у ее кровати. Бедная женщина уже потеряла последние силы и дышала с трудом, голова ее запрокинулась на подушку, губы стали мертвенно-синими. Смерть уже подходила к ней; мальчики, зарыдав, стали прижимать к себе руки матери.

Они ничем не могли ей помочь, дом у них был бедный, но прикосновение рук сыновей к рукам матери помогло ей больше, чем любое лекарство: она нашла в себе еще немного сил, чтобы бороться со смертью. Она посмотрела на детей, обвела взглядом комнату. В темном углу, за дверью, что-то приковало к себе ее взгляд. Сыновья тоже посмотрели туда, но ничего не увидели, кроме какой-то дубинки с кожаным ремешком. Они знали, что когда-то эта дубинка принадлежала их прапрадеду, который сто пятьдесят лет назад пришел туда, где они теперь жили. До сих пор вся их семья — от поколения к поколению —

бережно хранила эту дубинку, и сейчас она висела на гвозде, ведь никаких шкафов в доме не было. Но почему же мать на нее так смотрит?

Эрве, один из мальчиков, сказал другому — Матилину:

— Может, мама хочет, чтобы мы принесли дубинку?

Матилин ответил, вытирая обеими руками слезы:

— Наверное, надо у нее спросить.

Он повернулся к матери, которая смотрела на его губы:

— Мама, ты, наверное, хочешь, чтобы мы принесли тебе дубинку?

Глаза матери просветлели. Тогда Эрве взял скамейку, Матилин влез на нее и снял со стены дубинку. Потом они вместе подошли к матери, разглядывая дубинку, ведь прежде они никогда не держали ее в руках. Раньше, когда они были маленькие, они часто просили дать им поиграть с дубинкой, но мать никогда не позволяла им этого.

Дубинка от старости почернела, как уголь, и стала твердой, как камень. На нижней ее части было вырезано человеческое лицо, а под ним — маленький крестик; наверное, это был какой-нибудь святой. Он был очень похож на те деревянные фигурки святых, которые до революции¹ стояли во всех церквях. Кожаный ремешок меняли много раз: последний раз новый ремешок приладил отец мальчиков — он умер, когда они были еще маленькими.

Когда сыновья отдали дубинку матери, которая доживала свои последние минуты, бедняжка поцеловала крест и изображение святого и только после этого начала свой рассказ.

— Дети, — произнесла она таким тихим голосом, будто говорила уже из могилы, — вот что я оставляю вам после себя. Это дубинка вашего прадеда, он принес ее с собой из своей далекой родной страны. А эта страна не принесла нашей семье ничего, кроме бедности и потерь. Не оставайтесь здесь, возвращайтесь на родину. Как идти туда — я не знаю, но верю, что эта дубинка

¹ Имеется в виду Великая Французская революция 1789 года. Во время этой революции было разрушено немало церквей и уничтожено множество христианских святынь. Бретонцы, глубоко набожные люди, в большинстве своем не приветствовали революцию и боролись с ее последствиями.

вам поможет. Она вам покажет дорогу. Я попросила у Бога, и Он согласился исполнить мое желание: там, где дубинка вырастет в землю, будет ваш дом, и больше нигде. Только там вы сможете быть счастливы. Когда я умру, похороните меня там, где лежит ваш отец, а сами возвращайтесь на родную землю... Дубинку я отдаю Эрве: ведь на ней — его святой покровитель. И пока вы будете в пути, пусть между вами будет согласие. И не сворачивайте ни налево, ни направо, слушайтесь советов вашей дубинки, и пока будете идти, не выпускайте ее из рук.

Долго-долго шептала мать эти слова; иногда мальчики думали, что она вот-вот умрет, но, отдышавшись, она снова принималась говорить.

Когда дубинка очутилась в руках Эрве, который теперь стал как будто старшим, мать слабо улыбнулась. Ей захотелось сказать еще что-то, но час ее пробил: смерть оборвала ее слова и ее жизнь.

Мальчики не сразу осознали, что их матери больше нет, но вдруг что-то переломилось внутри них, и они поняли, что только что потеряли самое дорогое: их мать уже покинула этот свет.

Выплакав последние слезы, они позвали на помощь людей, которые помогли им похоронить мать. Только они двое да две старые женщины провожали покойницу на кладбище. Когда все было закончено, братья не вернулись в дом, там ведь было совсем пусто. Эрве взял брата за руку, захватил дубинку, и пошли они искать свою страну, где, быть может, заживут счастливо.

«Дорогу вам укажет дубинка», — сказала им мать перед тем как умереть. Эрве выбрал дорогу, которая вела на закат. Что-то ему подсказывало, что именно она ведет в его страну: наверное, это дубинка направляла его.

Недолго они шли, но Матилину дорога показалась долгой, и, чтобы найти предлог для отдыха, он сказал брату:

— Давай ткнем дубинку в землю, а то вдруг пройдем случайно мимо дома.

А братья, хоть и были похожи внешне, не были равны по силе. Эрве был гораздо выносливее.

— Ты что, устал? — спросил он брата.

— Да, — ответил Матилин, — а еще я есть хочу.

— Ну хорошо, давай присядем, может быть, найдем, что нам поесть.

Матилин шутки ради воткнул дубинку в землю на поле у дороги и сел рядом с братом. Эрве, забыв совет матери, пошел в сторону, надеясь найти что-нибудь на обед; вскоре он вернулся.

— Пойдем, — сказал он, — я нашел человека, у которого можно поесть и переночевать.

Обрадованный Матилин вскочил, и они зашагали, не позабыв и дубинку, в какое-то глухое место. Там их ждал высокий бородатый человек, который пригласил их к себе, чтобы накормить и напоить.

Эрве рассказал незнакомцу, кто они такие и что идут они искать свой дом. Незнакомец спросил, где их дом, а Эрве ответил, что они и сами точно не знают.

Услышав это, бородач расхохотался и сказал, что им ничего не остается, как зайти к нему, иначе их схватят за бродяжничество.

— А мы не очень далеко свернем с дороги, если к вам зайдем?

Бородатый господин снова захохотал.

— Да ты слабоумный для своих лет, мальчик! Как же ты можешь свернуть дороги, когда ты дороги этой не знаешь?

Матилин тоже хихикал, особенно когда думал о том, что скоро можно будет пообедать. Эрве замолчал и ничего не ответил, когда чернородый человек сказал: «Ладно, пойдем в мой дом, пока вы своего не нашли». Только еще крепче сжал дубинку в руке.

Незнакомец шагал впереди, а братья попевали за ним. Дом этого человека был недалеко, но дорога только и делала что петляла: нелегко будет потом выйти на прямую дорогу, ведь повсюду, где они шли, извивалось множество разных тропинок.

Матилин опять устал.

— Мы еще не пришли? — спросил он.

— Во-он там, — ответил чернородый господин. Перед ними стоял дом, из трубы шел дым. К ним подбежала собака и начала радостно прыгать вокруг, пока все трое шли по двору,

потом вышла девушка и поздоровалась с хозяином, назвав его отцом. Потом она повернулась к мальчикам, взяв обоих за руки с нежным и веселым видом.

Они вошли в комнату, где на стенах весели красивые картины, освещенные огнем, потрескивавшим в камине. Вокруг маленького посеребренного столика с разной вкусной едой и напитками стояли стулья, обитые разноцветной тканью.

Девушка предложила им сесть, и мальчики опустились на стулья. Стулья были мягкими, как пуховая перина, и сидеть на них было так удобно, что Матилин, закрыв глаза, вздохнул от удовольствия.

Вдруг в комнату вошли два мальчика, чуть постарше Эрве и Матилина; один из них нес на плече одежду, а другой — теплую воду в серебряной миске и белые полотенца. Девушка приказала братьям идти следом за слугами, а потом возвращаться к столу.

В соседней комнате слуги помыли мальчикам ноги, руки, головы, причесали их и надушили, а потом одели в костюмы из белого и голубого шелка с серебряными манжетами, надели на них ботинки, которые блестели, как зеркала, и шляпы с лентами и белыми перьями. Матилин просто дрожал от восторга. Но Эрве удивила такая суета вокруг его персоны, и он спросил слуг, почему с ними так почтительно обращаются. Но ни тот, ни другой слуга ничего не ответили, а только насмешливо посмотрели на братьев.

Мальчики вернулись в гостиную. Эрве не выпускал из рук дубинки, хотя это не очень подходило к его новому костюму, так что девушка даже рассмеялась, когда он со своей дубинкой сел за стол. Но Эрве не обращал внимания и не расставался с завещанием матери, будто чувствовал, что дубинка защищает его.

За столом с ними почтительно обходились и сам хозяин, и его дочь. Один слуга подавал еду, другой подливал питье. Еда была вкусной, и Матилин, который всегда был лакомкой, никак не мог наесться досыта. Вино, которое они пили, было крепкое и теплое; вкус у него, правда, был немного странный, и оно очень быстро проникало в кровь, обволакивало ум и ослабляло сердце, так что Эрве даже испугался тех мыслей, которые приходили ему в голову, пока он пил. Он чувствовал, что нужно с ними бо-

роться, но сердце его было бессильно: он страстно хотел жить тихо, в свое удовольствие, поменьше двигаться, без трудностей, без неприятностей; дурнота, накатившая на него, мешала ему встать с места. Ему было хорошо здесь, за столом, даже лучше, чем дома.

Эрве оставил полный стакан на подносе и сжал дубинку в руке, призывая мать на помощь. Он посмотрел на Матилина. Тот уронил и нож, и ложку и уснул на стуле, обитом шелком. Щеки его покраснелись, а на губах застыла нежная улыбка.

Хозяин дома сказал Эрве:

— Твой брат устал. Если хотите поспать, вас отведут в комнату, там вы отдохнете. А потом я покажу вам, как идти в вашу страну к вашему дому. Я хочу, чтобы вы у меня пожили дня четыре, за это время я смогу разузнать, как вам добраться до дому.

Эрве поблагодарил хозяина, попрощался с девушкой и взял брата за руку, чтобы разбудить его.

Как только братья пришли в спальню, Матилин снова заснул. Эрве остался стоять. Он подошел к окну и, опершись на свою дубинку, стал смотреть вниз. Из окна он увидел ровную местность, похожую на луг, посреди нее — площадку, окруженную стеной. Дальше виднелось что-то похожее на лес или море — то ли листва, то ли вода. Не было слышно ни одного звука, который выдавал бы присутствие в доме и во дворе людей или животных. Глядя вдаль, он думал: «Неужели не к добру то, что мы сюда попали?»

И тут же он вспомнил, что выпустил из рук дубинку перед тем, как встретить хозяина этого дома. А ведь мать наказывала ему всегда держать дубинку при себе, пока он будет в дороге. «Эх, плохо я сделал!»

Он и не знал, что думать дальше, когда в комнату вошел слуга.

— Спускайтесь вниз, — сказал он, — вас ждет мой хозяин.

Эрве встряхнул брата, разбудил его, и они спустились вслед за слугой. Матилин просто сиял от счастья, а Эрве хмурился: его одолевали невеселые мысли.

Хозяин уже ждал их на пороге. Они обошли дом кругом и очутились в саду. Сад был большой, там росло много плодовых деревьев и цветов. С дерева на дерево перелетали разноцветные

птицы, которые пели не хуже соловьев; ручьи, спрятавшиеся в зелени, журчали с серебряным перезвоном, струясь по золотистому песку. Гулять среди такой красоты было просто восхитительно. Легкий ветерок шелестел среди деревьев, такой же нежный, как рука матери, ласкающая ребенка. Матилин млеял от всего этого великолепия, сердце его веселилось все сильнее, и он забывал обо всем. Он не думал больше ни о доме, ни о том, кто он такой и откуда пришел: ему, наверное, казалось, что он и есть хозяин этого сада и останется здесь навсегда.

Но Эрве не позволял всем этим наваждениям мутить свой разум, и его взгляд не останавливался на деревьях и цветах. Вдалеке, за садом он видел крыши домов, но никто не собирался к ним подходить. Эрве спросил у хозяина, что это за дома.

— Потом, попозже, — ответил хозяин, — мы пойдем туда завтра, или, может, послезавтра.

— А площадка за стеной, которую я видел с той стороны дома?

Хозяин внимательно посмотрел на мальчика, наверное подумав, что тот слишком любопытен:

— И туда мы потом ходим.

Уже спускался вечер, и пора было ужинать.

Стол, накрытый белой скатертью, был для них такой же радостью, как и сад с цветами: посреди стола стоял букет роз, а шепотание девушки ничем не уступало птичьим трелям. Девушка поприветствовала Эрве и Матилина и спросила, хорошо ли они погуляли.

Снова на стол подали изысканные кушанья, но Эрве старался пить как можно меньше вина. А вот Матилин ничего не оставлял без своего внимания, ел и пил вволю. А когда он встал, чтобы идти в комнату, то Эрве пришлось его поддерживать. Однако язык у Матилина развязался: он на все лады благодарил и хозяина, и его дочь. Когда он улегся в кровать, он даже не мог сразу заснуть, все нахваливал их брату. Ночью ему снились прекрасные сны, и чем дальше, тем приятнее они становились...

А Эрве чем дальше, тем больше задумывался. Хозяин дома и его дочь не обращали внимания на то, как вел себя за столом Матилин. Эрве готов был поверить, что им даже нравились его кривлянья, потому что дочь хозяина посмеивалась над Эрве за

то, что он не пил вина. Однако Эрве был упрям; он дал себе слово следить за всем, что будет происходить. «Завтра утром, — подумал он, — я скажу Матилину все, что я думаю, ведь еще немного — и он позволит делать с собой все, что угодно».

Он положил дубинку под подушку и, прочитав молитвы Богу и святому Эрве, заснул.

Как только Эрве забылся во сне, ему привиделось, будто дубинка поднялась сама собой. Голова святого на дубинке стала большой, как голова живого человека. Светящиеся глаза обратились на Эрве, однако губы оставались неподвижными, и вскоре видение исчезло.

На следующий день взволнованный Эрве рассказал брату свой сон, а с него перевел разговор на свои раздумья, сказал, что надо быть начеку, что бы ни творилось в доме.

Но Матилина такие разговоры не смущали.

— Бояться тут нечего, — сказал он, — послезавтра мы отсюда уйдем.

Утро пролетело быстро. После обеда хозяин снова устроил прогулку: он отвел братьев к одному из тех домов, которые они видели накануне. Вокруг дома, как и везде, росли фруктовые деревья, пели птицы и цветы. Хозяин взял ключ и отворил дверь. Мальчики так и застыли на пороге в удивлении. Но если Эрве казался испуганным, то Матилина просто заорожило то, что он увидел.

Так что же увидел Эрве, а что Матилин?

Весь дом состоял из одной широкой и длинной комнаты; свет в нее попадал через высокие окна. По обеим сторонам рядами лежали, сидели и стояли человеческие тела. Матилин видел облаченные в красивые одежды восковые фигуры с просветленными лицами, с живыми глазами; а перед Эрве предстали синие и черные трупы одетых в рубища крестьян и ремесленников.

Матилин переходил от одной фигуры к другой, рассматривая каждую вблизи и нахваливая красивую одежду. Эрве протирали глаза, но видел только унылых и отвратительных мертвецов. Он не смел и не хотел говорить, ведь хозяин, который шел следом за ними, улыбался, слушая, что говорил Матилин.

А Матилин говорил брату:

— Вон, посмотри, этот, в бархатных башмаках, в кружевной рубашке и синем шелковом камзоле!

И показывал на желтоватого покойника, одетого в лохмотья, в деревянных башмаках и дырявой шляпе, на плечи которого была накинута старая полинявшая пастушья куртка.

— Кто-то один из нас заколдован, — говорил себе Эрве, — вот только кто?

На самом деле ему верилось, что именно он видит правду и что его святой-покровитель не дает ему ошибиться. Но ему нужно было все время соглашаться с братом, и он позволял Матилину говорить все, что тому вздумается.

Ближе к обеду прогулка кончилась. Матилин рассказал девушке, какое он удовольствие получил, а Эрве делал вид, что он тоже очень доволен. Но когда обед закончился и его брат улегся спать, Эрве стал на колени и стал молиться своему святому, глядя на дубинку.

— Мой святой покровитель! — шептал он. — Растолкуй мне, пожалуйста, что же было правдой, и огради нас, то есть брата и меня, ото всякой опасности.

После этого он со спокойной душой лег спать. А как только закрыл глаза, перед ним снова очутилась дубинка; как и прошлой ночью, глаза святого горели огнем. Сначала он просто смотрел на Эрве, но вдруг его губы задвигались, и мальчик услышал сквозь сон голос, доносившийся как будто издалека:

— Юноша, ты забыл советы матери. Помни: без этой дубинки не будет у тебя ни сил, ни наития, чтобы идти. Храни ее при себе всегда, и тогда тебя никто не победит.

Больше Эрве ничего не услышал и спокойно проспал до утра. А когда проснулся, вспомнил про свой сон и о многом задумался.

Как и в прошлый раз, он наказал брату держать ухо востро, рассказал ему свой сон и то, что он увидел в необычном доме. Но Матилин ему не поверил:

— Так почему ж ты тогда мне вчера все время поддакивал? Тебе небось это все приснилось. А потом, — добавил он, — завтра мы все равно отсюда уйдем.

В тот день девушка уже в открытую начала смеяться над Эрве, над его застенчивостью и над его дубинкой. А Матилина,

наоборот, все расхваливала. Матилин был доволен и уже не знал, какие ей делать комплименты. Эрве ни на какие упреки не обращал внимания, он слишком был занят мыслями о том, как бы узнать, что будет дальше.

После обеда, как обычно, братьев пригласили на прогулку. На этот раз хозяин сказал им:

— Сегодня я вам покажу псарню. У меня свора самых красивых собак, они у меня умеют делать любую работу: вам очень интересно будет на них поглазеть.

Псарня была напротив дома с мертвецами... Хозяин открыл дверь, и все трое оказались на высокой площадке, над глубокой и широкой ямой, в которой копошилось примерно семьдесят собак. Одни ходили взад и вперед, другие прыгали на стену, а некоторые лежали по углам, не издавая ни звука. Были они разных окрасов, но большинство — красного цвета. Матилин этому очень удивлялся, но ему казалось, что все они здоровы и выглядят красиво. Когда все трое подошли к краю ямы, собаки начали еще больше подпрыгивать, а те, которые лежали, приподнялись и стали показывать зубы.

Хозяин пояснил:

— Они к вам еще не привыкли, но завтра я вас с ними познакомлю.

Удивительное дело — собаки не лаяли, только глаза их налились кровью и зубы скрежетали от злости.

Эрве ничего не говорил, а то, что видел, хранил при себе. Перед его глазами были изможденные, худые животные, многие из них были просто исполосованы ранами, вот почему Матилину казалось, что они красные. Морду каждого пса стягивал кожаный намордник, поэтому они не могли ни кусаться, ни лаять. Эрве подумал, что их, наверное, плохо кормили, и поэтому те, что лежали, просто уже не могли подняться.

Тут и Матилин поинтересовался у хозяина, чем же кормят собак.

— Завтра, — отвечал тот, — вы посмотрите, как они едят и как работают.

Собаки ворчали, и их голоса доносились снизу как отдаленные раскаты грома или как шум моря, бьющегося о скалы.

Хозяин приказал идти домой. Эрве последний раз с грустью посмотрел на собак, но, чтобы не вызывать подозрения у хозяйина, произнес:

— Никогда в жизни я не видел таких красивых красных собак!

Только об этих красных собаках и говорил Матилин за ужином. А барышня насмешливо заметила:

— Ну что ж, завтра, когда вы будете уходить, я подарю вам одну красную собачку. С этой собачкой и с дубинкой Эрве вы уж точно выйдете прямиком к дому.

Хозяин на это залился смехом так, что чуть не задохнулся. Потом сказал:

— А может быть, мальчикам хочется здесь остаться, с собаками. Они каждый день будут видаться.

— Что об этом думает Матилин? — поинтересовалась девушка, искоса глядя на мальчиков.

За брата ответил Эрве.

— Барышня, — сказал он, — вы и так слишком много для нас сделали, и нам не нужен ни ваш дом, ни ваша собака. С чем пришли мы в ваш дом, с тем и уйдем.

Хозяин снова расхохотался, а вот девушка помрачнела. Она повернулась к Матилину:

— А ты что, такой же дурак, как твой брат, и пойдешь бродить по дорогам, как заблудившийся зверь?

Эрве встал и взял брата за руку.

— Пойдем спать, — приказал он. — А завтра, барышня, когда Матилин хорошенько подумает, он вам ответит. А пока что запомните, что мы не похожи на зверей, заблудившихся на больших дорогах. У нас тоже есть дом, и мы должны его найти.

Девушка не знала, что и ответить, а хозяин дома засмеялся и, когда мальчики ушли, сказал дочери:

— Не надо обращать внимания на такую ерунду. Ты же знаешь, что все, кто сюда приходят, здесь и остаются. Завтра к вечеру этот петушок у меня не так запоет!

Когда на следующее утро Матилин встал, ему было как-то не по себе: он вспомнил вчерашний вечер и робко спросил у брата:

— Мы что, сегодня отсюда уходим?

— Да, сегодня, как договорились.

— И уже вечером мы будем далеко отсюда?

— Мне бы очень хотелось, чтобы это было так.

— Да не бойся ты, — начал уверять его Матилин, — я и не думал здесь оставаться навсегда.

— Может быть, мы не по нашей воле здесь останемся, — ответил Эрве и крепко задумался.

— Вот что удивительно! — сказал он чуть погодя. — Тот самый свет, который приходит ко мне ночью, когда я сплю, помогает мне ясно видеть днем. Ты вспомни, Матилин, здесь перед нашими глазами один обман: мы видим совсем не то, что есть на самом деле. И сегодня правда должна или победить, или проиграть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Это ты потом поймешь. А сейчас пусть все будет так, как есть, только нам надо быть настороже.

Матилин совершенно растерялся — это невооруженным глазом было видно, так что за обедом хозяин спросил у него:

— Ну что, молодые люди, вы по-прежнему в путь-дорогу собираетесь?

Эрве встал из-за стола, опираясь на дубинку:

— Господин и милая барышня, спасибо вам за вашу доброту и за все, что вы для нас сделали. Но если вы нам позволите, то мы сейчас же ваш дом покинем.

И Матилин сказал то же, что и брат. Тогда хозяин ответил:

— Ну так до того, как уйдете, хотя бы посмотрите на моих собак, я ведь вчера обещал их вам показать, а потом — идите на все четыре стороны.

Девушка усмехнулась и кивнула головой, дескать, согласна с отцом. Эрве крепко сжал дубинку в руке и подумал: «Вы думаете, я ваших хитростей не понимаю. Ничего, сейчас, с помощью моего святого покровителя и моей дубинки, я вас выведу на чистую воду!»

После обеда снова были развлечения: все четверо пошли смотреть собак. Хозяин подвел дочь и обоих мальчиков к площадке перед домом, потом подозвал слугу и приказал ему.

— Приготовь для каждого ошейник и цепь!

— Хорошо! — ответил слуга, посмеиваясь.

После это хозяин подошел к дочери и мальчикам. Вся площадка была обнесена стеной, за спиной каждого мальчика стоял слуга, у каждого из слуг под одеждой был спрятан молоток. Площадка была чуть пониже порога, и, чтобы пройти на нее, нужно было спуститься на ступеньку. Посередине площадки был вбит большой и высокий красный кол, на котором висела свежая туша, с которой капля по капле стекала кровь. Хозяин крикнул:

— Пускай собак!

И только он это сказал, раздались вой, лай, топанье лап. Дверь на площадку открылась, и в нее ворвалась свора собак, пролезавших через узкий проход; каждая старалась первой добраться до мяса. Сперва ни одна из них не могла пролезть, и собаки вскакивали одна на другую, глаза у них горели, а пасти были широко разинуты. И вот одна собака, потом две, а потом три высвободились и в два прыжка оказались около мяса. Каждая отхватила по кусочку. Это, разумеется, были самые сильные собаки, остальные пробивались следом; шесть или семь из них были насмерть затоптаны у входа. Те, что не успели первыми, тоже хотели ухватить свой кусок и перепрыгивали через красных собак, перепачканных собственной кровью. Мяса тем временем становилось все меньше и меньше, и, чтобы его достать, приходилось подпрыгивать все выше. Несчастные, обезумевшие от голода собаки падали от усталости, но так и не могли даже лизнуть мясо. Когда пять или шесть кучей повалились замертво под колом, остальным стало легче достать до мяса. После нескольких прыжков остаток туши упал на землю, а сверху осталась только железный крючок.

Тут началось новое зрелище: те собаки, которым ничего еще не досталось, стали обнюхивать тела погибших. И вдруг одна собака вцепилась зубами в труп и, испачкав нос в крови, принялась есть. Остальные последовали ее примеру: послышался хруст костей, и вся площадка сразу же стала красной.

Хозяин взглянул на мальчиков: Матилин готов был потерять сознание. Эрве тоже был бледный, но взгляд его не помутнел и сердце не дрогнуло. Он думал о том, что сказала ему дубинка накануне ночью, и ждал, пока придет время нанести удар.

— Ну что, — спросил хозяин. — Как, по-вашему, умеют они быстро бегать?

— Я думаю, — ответил Эрве, — что надо быть поганым человеком, чтобы делать то, что вы делаете здесь.

— Ты так думаешь, мой мальчик? — переспросил хозяин. — Что ж, через час ты сам будешь разыгрывать здесь такой же спектакль. И крикнул слугам: — Сюда, ребята! Стукните каждого молоточком, разденьте их быстренько, и посмотрим, какие из них получатся псы!

Матилин ничего не понял из того, что было сказано, он просто оцепенел. Слуга, стоявший у него за спиной, стукнул его молотком по голове, и мальчик без единого звука упал на землю. Слуга наклонился над ним, потянул его за волосы и тут же вытащил из его тела маленькую рыжую собачонку, которая, истошно вопя, убежала на середину площадки. И тут же с быстротой ветра слуга умчался с телом мальчика, наверное, чтобы отнести его в комнату с мертвыми телами. Но на пути его была преграда — Эрве со своей дубинкой.

Эрве ко всему был готов — отпрыгнул в сторону, когда другой слуга замахнулся на него молотком, со всего размаху стукнул противника дубинкой, благо хозяин не успел прийти на помощь слуге. С хозяином Эрве разбираться не спешил: он побежал вдогонку за тем, кто уносил тело Матилина, крича:

— Погоди у меня, торговец собаками!

Не успел тот убежать с площадки, как получил дубинкой по голове, и снова случилось чудо: слуга упал замертво и выпустил тело Матилина. Эрве взял брата за руку и стал глазами искать хозяина дома и его дочь. Те бегали вокруг площадки и пытались натравить собак на Эрве. Выглядели оба больными: глаза у них выпучились, изо рта шла пена.

— Да уж, как же, — крикнул им Эрве, — они скорее вас съедят, чем меня.

С этими словами он вышел на середину площадки, встал посреди собачьей своры, и ни один пес его не тронул. Тогда Эрве сказал, подняв дубинку к небу:

— Силой моего святого покровителя и силой моей дубинки — пусть все, что здесь есть, примет свой первоначальный вид!

О Господи! Никогда, дорогие мои, вы не видели, чтобы удар грома наделал столько же шума, сколько слова Эрве! Рухнули стены, и собаки с радостным визгом разбежались; земля разверзлась и поглотила все постройки, как мы с вами проглатываем кусок хлеба. Хозяин дома и девушка вдруг преобразились: носы у них вытянулись и стали длинными-предлинными, да еще кривыми; рты стали огромными, а губы — твердыми, как деревянные башмаки; ноги укоротились и стали прямыми, как палки, — во всем свете не найти было других таких уродов, да еще таких, которые бы выглядели настолько злыми и пристыженными.

Они бы с удовольствием провалились под землю вместе с домом и всем добром, да только Эрве волшебной силой своей дубинки мешал им это сделать.

Победа была на его стороне. Больше того, он нашел брата, ведь как только Эрве произнес последние слова, к нему впри прыжку подбежала маленькая рыжая собачка. Эрве и взглянуть-то ее толком не успел — она промелькнула как молния, и тут же его брат, опираясь на его руку, поднялся на ноги, поднял голову и встряхнулся, будто только что очнулся от тяжелого сна. Эрве обнял его и заплакал.

— Ты почему плачешь? — удивился Матилин.

— Потому что я тебя возвратил.

— А что, я потерялся? Значит, мне не приснилось, что я был собакой?

Эрве показал ему целую толпу людей — ремесленников и крестьян, которые шли к ним:

— Им такой же сон, как тебе, приснился.

— Ой, смотри, я же их всех видел в той комнате! — сказал Матилин. Он начал озиаться по сторонам, искал комнату, но не видел ни домов, ни даже стен.

— По-моему, я еще не проснулся как следует.

— Теперь, — ответил Эрве, — ты как раз проснулся и глаза твои раскрылись, а до этого ты был просто слепой.

А тем временем освобожденные, счастливые люди подошли к ним. Их было столько же, сколько было раньше собак, — примерно семьдесят. Да, дубинка Эрве творила чудеса! Каждая собака нашла свою человеческую оболочку там, на другом краю сада, и надела ее на себя, как надевают куртку.

Теперь они уже не пытались задушить друг друга, а смотрели один на другого с нежностью и были готовы полюбить друг друга — ведь над ними больше не довлела злая воля хозяина. Они пели хвалу храброму мальчику, вызволившему их из беды. Они удивлялись: как, такой юный, он смог победить их могучего и коварного хозяина. Когда все собрались вокруг Эрве, тот спросил у самого старого человека, по виду крестьянина, что же за история с ним приключилась.

— Историю мою, — отвечал крестьянин, — рассказывать недолго, и ничего необычного в ней нет. У нас у всех тут одна судьба. Вы ведь видели и нашу одежду, и наши мозолистые руки. Все мы были или крестьянами, или ремесленниками. Как мы сюда попали? Что до меня, то я возделывал землю далеко отсюда. У моих родителей была небольшая ферма, и мы получали неплохой урожай хлеба, хотя он доставался нам тяжким трудом. Хлеб у меня шел хорошо, а вот работа — не очень. Мне все казалось, что я смогу зарабатывать больше, а трудиться меньше. Я ушел из родительского дома и после скитаний по стране попал сюда.

Вот этот человек и его дочь совращали нас с пути истинного своими красивыми обещаниями. Но однажды, когда я решил у них остаться, меня превратили в собаку. И с тех пор моя жизнь превратилась в жестокое наказание: раз в десять дней нас кормили, точно так же, как вы сегодня видели, и часто мне приходилось душить самых слабых из тех, что каждую неделю прибывали к нам, чтобы самому не погибнуть от голода. А другие погибали во время драк за еду. Сколько раз я видел, как их выбрасывали гнить в какую-нибудь яму! Этих уже не спасти!

А теперь не скажешь ли ты мне, если, конечно, захочешь, как же тебе удалось победить нашего могучего хозяина, как ты смог это сделать? Мы поблагодарим тебя и разойдемся — каждый в свой край. Мне так не терпится посмотреть, живы ли мои родители, и поскорее перейти с собачьей еды на человеческую!

Все согласились со стариком.

Тогда заговорил Эрве.

— Вот, — он поднял над собой свою дубинку, — что мне помогло одержать верх над этим бессердечным человеком, который вами помыкал.

Он показал лик святого, вырезанный на дубинке, и рассказал о смерти матери, а закончил свою историю так:

— Эта дубинка, которая досталась мне от прадеда, помогла спастись из лап этого человека. С сегодняшнего дня ее власть пойдет на убыль, но завтра она нам укажет, где та земля, где наша родина. В этой дубинке проснулась сила нашей страны, родина следила за нами, охраняла нас всегда, когда хоть какое-то воспоминание о ней оставалось у нас в сердце.

Люди внимательно слушали рассказ юноши, это доставило им столько удовольствия, что они забыли о своих палачах — мужчине и девушке, которые заставляли их так страдать.

Эрве, рассказав все без утайки, вспомнил о них:

— А что с этими двоими будем делать?

Проклятый хозяин и его дочь, похожие на двух сов, озирались вокруг выпученными глазами и старались спрятаться друг у друга за спиной. Однако все молчали.

— Нехорошо, — сказал Эрве, — отвечать злом на зло. Если хотите, приговорим их оставаться такими, какие они есть, чтобы они уже никого не могли сбить с пути.

— Хорошо! Хорошо! — в один голос закричали все.

Тогда Эрве, как судья, повернулся в сторону виновных.

— Идите, — сказал он, — с глаз моих долой, вы, которые отбирали людей у их родной страны! Ступайте! Вы ни в одной стране не сможете жить счастливо, а оттого, что вы людей превращали в собак, вас самих будут гнать отовсюду, как бродячих псов! А мы, добрые люди, сейчас с вами расстанемся, и каждый пойдет своей дорогой... Прощайте!

— Прощайте! — отвечали люди.

Каждый из них пожал руку Эрве и благословил его. Потом, оглянувшись напоследок, люди разбрелись по своим домам.

А Эрве и Матилин снова остались одни, как в тот день, когда впервые очутились на дороге. Эрве сказал брату:

— Теперь пора поблагодарить святого Эрве, который спас нас от беды, а заодно нашими руками сделал благое дело.

Они стали на колени перед дубинкой и помолились святому за вторую половину пути, а потом снова отправились в дорогу.

Они шли две недели, и ничего с ними не случалось, потому что Эрве во всем следовал наказу своей матери.

Когда они уставали, то останавливались отдыхать, а когда чувствовали голод, то просили поесть в тех домах, которые попадались им по дороге. И всегда для них находилось все, что надо: ведь дубинка вела их туда, где их хорошо встречали.

Спали они, правда, под открытым небом. Устраивались в дупле какого-нибудь дерева, или в хижине пастуха, или в заброшенных домах, которые часто попадались у дороги. Эрве искал свой дом и не хотел ночевать в чужих. И если даже вечером попадали они к радушным людям, он просил у них кусок хлеба и уходил прочь, чтобы отужинать и найти пристанище на следующую ночь в другом месте. Своему брату он говорил так:

— Нам нельзя поддаваться усталости. Один раз мы уже попали в передрыгу из-за собственной лени и нежелания ночевать под открытым небом и жевать черствый хлеб. Теперь я не хочу ночевать или жить по полдня в каком-нибудь доме, пока мы своего не найдем. Там мы и отдохнем, и выспимся как следует.

Матилин, правда, иногда немножко ныл, но после недавно полученного урока не осмеливался отставать или сворачивать с дороги.

И каждый вечер, прежде чем заснуть на постели из папоротника или сухой травы, Эрве втыкал дубинку в землю, и каждое утро, когда она оставалась такой же черной и твердой, как и раньше, говорил:

— Еще не пришли! Может быть, завтра уже будем дома.

И вот однажды вечером оба мальчика оказались в красивой долине, которую пересекала река, и вода ее пела так, будто ей не хотелось убегать из-под тенистых деревьев, росших по ее берегам, и течь дальше вдоль широкой дороги.

Эрве увидел красивые цветы, воздух был свежим и нежным; мальчик смотрел на птиц, которые летели ночевать в свои гнезда, свитые в кустарнике, и ему тоже захотелось вот так же возвращаться в свой дом. Братья поели хлеба, который у них был с собой, обмакивая его в речную воду, и после того, как дубинка была воткнута в землю, заснули под скалой на пригорке, поросшем мхом и густой травой.

Ночь спустилась быстро, но тут же взошла луна и осветила окрестности. Везде было так тихо, что слышно было, как время от времени вздыхает сова, будто ребенок во сне.

Мальчики спали как убитые, а тем временем дубинка пробуждалась. Роса ли небесная или соки земли заставили ее зазеленеть? Она пустила корни, и корни начали разрастаться, вскоре на ней зашумели листья, а из каждого листа выростала ветка. Сама же дубинка стала подрастать и вширь и ввысь и вскоре превратилась в зеленый дуб, раскинувший свои ветви над спящими мальчиками.

Дерево все глубже вращало в землю и все выше поднималось в небо, а когда закончило расти, то что, вы думаете, разнеслось по всей округе?

Прекрасное пение послышалось из дерева среди ночи, похожее на пение ангелов, будто под каждым его листом пряталось несколько соловьев. До самого утра пело дерево, а долина вторила ему. Тысячу раз эхо отвечало с каждой стороны, и каждое дерево в долине, каждая птица на своем кусте подхватывали прекрасную песнь. А мальчики все спали и во сне улыбались, как будто и не просыпаясь могли видеть это чудо.

Когда настал день, они проснулись одновременно. Как они обрадовались!

— Послушай, — сказал Матилин, — что я видел!

— А ты послушай, — сказал Эрве, — что я видел!

— Я видел, как росло дерево, а потом какие-то духи, вроде птиц, уселись на этом дереве.

— Они пели всю ночь и говорили: «Приветствуем детей наших, которые пришли искать корни своих предков! Добро пожаловать! И пусть быстро отстроится заново тот дом, который разрушило время, чтобы мы смогли снова там жить, мы, которых выдуло из этого дома, словно пепел. Спасибо детям, которые дадут нам приют, нам, которые столько времени плакали по деревьям без кола и двора. Они здесь, в дереве, как запрятанное сокровище, те самые камни, из которых когда-то был сложен ваш дом и которые снова будут вашим домом. Вставайте, вставайте, дети, просите помощи и найдете ее, добывайте камни и стройте дом, и да хранит вас длань Божья!»

— Пойдем, — сказал Матилин, — мне так хочется очутиться дома.

И забыв о еде и питье, они отправились искать тех, кто мог бы им взяться за работу. Найти таких людей было нетрудно — большинство из них приходились мальчикам родственниками, которые радушно их приняли.

Вместе они выгаскивали из земли камни, один за другим, и каждый раз мальчиков охватывал такой трепет, словно они вынимали золотые слитки.

И вот через две недели дом был построен.

И больше ничего не известно ни об Эрве, ни о Матилине; история рассказывает только, что они жили дружно, не ссорились и упрекнуть их было не в чем; и они были счастливы, как и говорила им мать.

Йон ар Го
Девушка-рыцарь

*Как-то раз мне бабушка сказала,
Что бояться б никого не стала,
Кроме девушки одной молодой
Из поместья ар Гергоад, той,
Что прикинулась рыцарем смелым
И таким хитрецом стать сумела!*

Часть 1

Старушка из леса и человек в черном плаще

Давным-давно в Бретани, в Корнуайской области, на берегу реки Аон, стоял на высоком холме посреди леса прекрасный замок. Второго такого замка во всей стране не было. Всякий, кто любовался на зубчатые стены, окружавшие замок, так и застывал от удивления. Замок был так хорошо укреплен, что для его защиты потребовалась бы лишь малая горстка людей, даже если бы на него напала вооруженная до зубов армия. Мало кто отважился бы взять штурмом эту неприступную крепость: противники навсегда бы остались на дне глубокого рва, опоясывавшего стены и до краев наполненного водой.

Стройные башни с гордо поднятыми головами виднелись издаലെка среди лесных деревьев. А лес шумел вокруг с весны до поздней осени, как море, постоянно меняющее свой цвет. Рождалось это море зеленым, а умирало золотисто-желтым.

Но внешнее убранство замка не шло ни в какое сравнение с той красотой, которая находилась внутри! Всего там было вдвое: и роскошной мебели, и прочих ценных вещей.

Принадлежал этот замок, который назывался ар Гергоад, одному богатому и знатному господину. Фамилию свою он получил от названия замка, когда сделался его владельцем и хозяином окрестных земель. О том, как это произошло, я расскажу чуть позже.

В тот момент когда начинается наша история, господин ар Гергоад был пожилым человеком. Времена, когда он был самым сильным и ловким бойцом, уже прошли. И хотя даже в старости он оставался крепким человеком, прожитые годы и пережитое горе сделали свое дело и подточили его сердце.

А ведь когда-то господин ар Гергоад был смелейшим из смельчаков, и притом замечательным воином. Много раз он со своим войском защищал границы Бретани от непрошенных гостей: в то время французы постоянно нападали на нашу страну, чтобы стать ее хозяевами.

Столько подвигов совершил этот человек, что слава о нем докатилась до столицы, до города Ренна. И тогда бретонский король захотел познакомиться с ним и отблагодарить за подвиги. Поэтому доблестный рыцарь отправился ко двору короля, где его приняли со всякими почестями.

Предводители армии рассказали королю, как помогла им в борьбе с врагами ловкость, смекалка и смелость этого рыцаря и его рати. Король восхитился и удивился тому, что услышал. Ему захотелось показать этому отважному воину, какова настоящая королевская благодарность. И король дал рыцарю в награду за подвиги прекрасный замок ар Гергоад, который в то время пустовал, а в придачу к нему — часть своего королевства и право носить имя по названию замка.

К этому подарку прилагалось условие: новый хозяин замка ар Гергоад должен был отдать шестерых сыновей на королевскую службу, одного за другим, как только каждому из них исполнится восемнадцать лет. Король записал это условие на бумаге, поставил свою подпись и печать и отправил туда, где хранились все важные государственные документы.

Я забыл сказать, что в той бумаге была вот еще какая важная пометка: там черным по белому было написано, что если

хоть один из шести сыновей не явится на службу к королю, то господину ар Гергоаду придется вернуть правителю и замок, и земли.

Получив от короля такой щедрый подарок, смелый вояка превратился в могущественного владыку и богача. Хоть недаром говорят у нас в Корнуайской области «Когда бедный богатеет, дьявол за него радуется», на этот раз старая поговорка была не к месту. Господин ар Гергоад оставался добрым с теми, кто беден и несчастен. Фермеры платили ему за землю немалые суммы, но часть этих денег шла на покупку еды и одежды для тех, кто нуждался в этом. Неудивительно, что такого щедрого господина повсюду любили и уважали.

У господина ар Гергоада было шесть сыновей и три дочери. Первые пять сыновей выполнили уговор своего отца с королем Бретани. Один за другим они отправились в Ренн, столицу бретонского королевства, одетые в латы. Каждому из молодых рыцарей отец давал отличного боевого коня, выбранного среди лучших коней корнуайских и леонских земель.

Сначала сыновья выполняли почетные задания при дворе короля, а потом отправлялись на ратные подвиги и со временем стали прославленными военачальниками, которых знали и уважали лучшие рыцари и воины королевства.

А шестой сын господина, увы, уродился трусом и бессердечным негодяем: взял да и, никому не сказавшись, убежал из замка, прихватив с собой лучшего коня из конюшни, да к тому же увез с собой толстый кошелек отца. Беглеца повсюду искали, но нигде не нашли. Может быть, он удрал из страны с такими же подонками, как и он сам, которым не терпелось промотать украденные у его отца денежки.

От этого происшествия сердце отца расколосось от горя. Долгое время он ждал, что сын вернется в замок и покается, попросится обратно. Но сколько ни ждал, не вернулся сын, и больше никто ничего о нем не слышал.

А тем временем приближался тот самый день, когда младший сын хозяина замка должен был отправиться на службу к королю в Ренн вслед за своими братьями. Шло время, и росло

горе отца. Мало того что он потерял сына, ему еще предстояло расстаться со всем имуществом из-за этого бессердечного мальчишки. Не то чтобы господин ар Гергоад был сильно привязан к своим богатствам, нет. Будь у него одни сыновья, он не стал бы так печалиться, тем более что пятеро из его детей были уже на пути к богатству.

Но, увы, у господина ар Гергоада было еще и три дочери, да все три — красавицы из красавиц. По всей стране о них ходила добрая молва: они получили прекрасное воспитание, и мало кто из самых знатных девиц Бретани мог с ними сравниться.

Самую старшую из них звали Аргантель. К тому времени ей уже исполнился двадцать один год. Среднюю звали Гвенн, ей было девятнадцать; а младшая, Левенез, любимица отца, еще не достигла семнадцатилетия.

При одной мысли о том, что дочери останутся нищими, если король по уговору отберет назад все, что он получил от него, несчастный господин ар Гергоад только вздыхал и тосковал день и ночь. От тревоги, которая разъедала его сердце, он исхудал и состарился.

Однажды старшая дочь спросила его о том, что за беда с ним стряслась, думая, что ее отца подтачивает какая-то неизвестная болезнь. Поначалу отец отнекивался и так и эдак, но через некоторое время не выдержал и рассказал о своем горе.

Девушка опечалилась, услышав такие вести, и призадумалась: как же помочь отцу сохранить нажитое? Некоторое время она поразмышляла, а потом сказала ему:

— Батюшка! Я думаю, что брат к нам больше никогда не вернется. Остались у тебя только мы, дочери. Я полагаю так: чтобы сохранить наш дом и все наши богатства, которые ты получил от короля за тяжкий труд, можно сделать только одно. Разреши мне поехать к королю вместо брата-предателя. Я, конечно, всего лишь девица, но смелости у меня на нескольких мужчин хватит. Я и ростом вышла, и ловкости мне не занимать. Дай мне мужскую одежду, кошелек, полный звонких монет, и красивого коня, и меня примут в Ренне за твоего младшего сына, которому надо явиться на королевскую службу по уговору, который вы заключили с королем.

Услышав эти слова, отец удивился, но на сердце ему стало хоть немного легче. Ему и в голову не приходило, что можно обвести короля вокруг пальца и послать к нему на службу дочку вместо неблагодарного сына.

Он задумался над тем, что сказала ему дочь Аргантель. Порой его сердце замирало, когда он думал о том, на какой огромный риск должна пойти девушка, чтобы проехать одна через всю Бретань. Он решил поискать кого-нибудь среди детей фермеров, чтобы послать в Ренн сына крестьянина, но ни один из фермерских сыновей не был достаточно воспитан и хорошо обучен для того, чтобы с честью нести службу при дворе.

Делать было нечего, и пришлось господину ар Гергоаду звать портных, чтобы они сшили для девушки мужскую одежду. Они привезли в замок лучшие ткани, какие только были в стране: полотно из Руана, лен из Локронана, сатин и шелк, жемчуга и перья и все остальное, что требовалось.

Как и все девушки того времени, да и нашего времени тоже, Аргантель любила наряжаться и прихорашиваться.

Портные старались вовсю, и через несколько дней новый наряд был закончен. Старшая дочь господина ар Гергоада оделась и получила от отца увесистый кошелек с золотом, а также лучшего коня, какой только нашелся в конюшнях замка.

Попрощавшись с отцом и получив от него благословение, Аргантель вскочила на коня и пустилась вскачь по дороге, ведущей в Ренн.

Поначалу девушке нравилось путешествовать через всю страну, любоваться своим новым нарядом, боевым конем, которого снарядили для нее так, что комар носа не подточит. К тому же она гордилась тем, что отец доверил ей почетную службу, да и подумать только — ей предстояло вскоре очутиться при королевском дворе!

Но вскоре она заскучала и стала жалеть о том, что покинула родной замок. Она даже слегка забеспокоилась, когда очутилась посреди большой дубовой рощи, где вокруг нее не было ни души.

Чем дальше ехала Аргантель, тем темнее становилось вокруг: роща превратилась в лес, и радость, светившаяся на ее лице, быстро улетучилась. И вот неподалеку от источника, где девушка решила напоить коня, она увидела дряхлую старушку, которую годы согнули пополам и которая попросила милостыню Христа ради. Аргантель не была ни щедрой, ни сочувственной беднякам, хоть и видела добрый пример отца. Она даже не подумала отдать старушке одну из тех золотых монет, которые весело позвякивали в ее кошельке, привязанном к поясу. А ведь одна единственная монетка могла бы помочь разговорить старушку, и девушка получила бы немного радости и счастья.

Аргантель сказала старушке, что ей нечего подать, и продолжила свой путь. А лесная нищенка осталась вздыхать и причитать о своем несчастье у источника.

Конь дальше скакал по дороге, и чем дальше продвигалась девушка, тем темнее становился лес. Страх постепенно охватывал Аргантель, и для того, чтобы придать себе хоть немного смелости, она запела в полный голос, как всегда делают робкие люди, чтобы избавиться от тревоги.

Эхо раздавалось по всему лесу и разносило голос гордой девушки, которая распевала песню о рыцаре из Нанта:

Ночью темной и глухой
К роднику на водопой
Вел коня красавец, рыцарь молодой.
Ехал он из Нанта, ехал он домой.
Попросил он дать ответ,
Замужем ли я иль нет.
Я не стала отпираться,
И ответила, что нет.
И надел на палец мой
Он колечко — боже мой!
«А теперь ступай домой, —
Молвил рыцарь молодой, —
И скажи своей родне,
Мол, он женится на мне,
Женится красавец, рыцарь молодой!»
Ехал он из Нанта, ехал он домой...

Но Аргантель не успела допеть песню, потому что именно в этот момент ее конь остановился как вкопанный. Огромный

человек, закутанный в плащ, в широкополой шляпе, настолько широкой, что глаз его не было видно, схватил коня за недоуздок и не пускал вперед. «Кошелек или жизнь?» — закричал он грубым голосом. Аргантель перепугалась так, что задрожала от ужаса. Ей казалось, что еще чуть-чуть — и она лишится чувств от страха, упадет с коня и рухнет на дорогу. Но все же у нее хватило рассудительности отвязать кошелек от пояса и швырнуть его на дорогу. И пока грабитель нагнулся за кошельком, она успела развернуть коня вспять и помчаться назад, к дому.

Аргантель всаживала шпоры в бока коня, который мчался бешеным галопом, будто ему подпалили хвост. Девушка была не самой ловкой наездницей, и ей больших трудов стоило удержаться в седле, вцепившись что есть сил в гриву коня. Скакали они напрямик со скоростью ветра. Нижние ветки деревьев со всей силы хлестали перепуганную девушку по лицу.

После долгой и изнурительной скачки взмыленный конь очутился, наконец, у ворот замка. Старшая дочь хозяина замка не спустилась, а сползла с седла. Ее щеки были исхлестаны в кровь, а ее красивая одежда вся распахнута и разодрана, сама же она потеряла силы от страха и усталости.

Когда отец увидел Аргантель в таком состоянии, то, огорченный и раздосадованный, только и сделал, что взглянул на нее с жалостью и, ни слова не говоря, разрыдался.

Дни шли за днями, несчастный хозяин замка все печалился: та надежда, что пробилась в его сердце, угасла, как пламя свечи, когда он поговорил со старшей дочерью после ее возвращения. Он снова впал в уныние, и болезнь начала одолевать его.

Он слег в постель, его лихорадило. И тогда средняя дочь, Гвенн, стала ухаживать за отцом и начала его расспрашивать том, что за беда и что за тоска его гложет.

Болезнь ослабила господина ар Гергоада, и, как он ни крепился, как ни старался держать в тайне причину своей тоски, он не смог сдержаться и рассказал средней дочери все, что было у него на сердце. В том числе и то, как огорчила его Аргантель, вернувшаяся в замок в самом жалком виде.

— Если только в этом дело и только по этой причине ты, ба-
тюща, болееешь и сердцем и душой, — ответила ему Гвенн, —
то хватит морщить лоб! Гони прочь все грустные мысли! Чтобы
сохранить твое добро и снова сделать тебя здоровым, ко двору
короля поеду я и выполню уговор. И не надо думать, что, если
Аргантель перепугалась разбойника с большой дороги, я тоже
испугаюсь и не смогу сделать все как надо. Сестрица моя чуть
что — так в дрожь. А я покажу, что я смелее ее. Только дай мне
хороший меч, доброго коня, и я без капельки страха доеду до
Ренна.

Отец не стал долго перечить дочери, и было решено, что
Гвенн отправится в путь, как только будет готово все снаря-
жение.

На следующий день в замок снова приехали портные и сши-
ли для девушки прекрасную мужскую одежду.

Когда настал день прощания, Гвенн, одетая с иголки и
изящно прибранная, попрощалась с отцом. Тот со слезами на
глазах благословил дочь и разрешил ей отправляться в путь.

Поначалу она ехала без приключений. Ее конь шел ровно,
и вот после полудня девушка заехала в темный лес, в тот самый
лес, где ее сестра Аргантель встретила старушку, просившую
милостыню.

Проезжая мимо источника, конь вытянул шею, показывая,
что хочет пить. Гвенн позволила коню напиться. И тут из-за ог-
ромных деревьев показалась дряхлая старушка, на которую жал-
ко было смотреть: лицо ее исхудало, длинный узкий подбородок
почти смыкался с кончиком носа, ведь зубов у нее во рту почти
не осталось. Одежда ее давно уже превратилась в лохмотья, и
она дрожала мелкой дрожью то ли от холода, то ли от старости.

Старушка протянула руку и попросила подать ей милос-
тыню Христа ради. Но Гвенн скривилась при виде нищенки и,
отвернувшись, пренебрежительно кинула перед ней на землю
несколько монет. Она не стала слушать, что там ей проговорила
в ответ старушка, а дернула поводья и заставила коня отойти от
родника и поскакать прочь от безобразной женщины.

Но далеко уехать девушке не удалось. Посреди дороги на
нее напал верзила в черном плаще и широкополой шляпе, кото-

рая закрывала его лицо. Он вцепился в коня и приказал девушке выбрать между жизнью и кошельком.

Гвенн завизжала от страха и побледнела как полотно. Она попробовала было сопротивляться и даже вынула из ножен меч, висевший у ее пояса. Но разбойник выхватил свой острый меч и пригрозил, что убьет Гвенн, если она посмеет ему угрожать. Ослепленная страхом, девушка выкинула свое оружие как можно дальше и, пока человек в черном плаще подбирал ее меч, помчалась домой с такой скоростью, что дорога звенела под копытами ее коня, мчавшегося бешеным галопом.

Когда господин ар Гергоад увидел свою среднюю дочь у ворот замка, бледную от страха, в разорванной новой одежде, он так огорчился, что отпустил ее в опасное путешествие, что только и сказал, что, мол, не стоило это все затевать.

И снова хозяин замка разболелся от тоски и печали. Хворь с тоской уже готовы были сломить его навсегда.

Левенез, младшая дочь господина ар Гергоада, уехала из дому в то время, как произошли эти печальные события. Она отправилась провести время со своей двоюродной сестрой в небольшом замке близ города Кемперле. Но и до нее дошли вести о том, что стряслось с ее отцом. Узнав, в чем дело, она тут же примчалась домой, встревоженная до глубины души. Увидев перед собой младшую дочь, отец обрадовался, его болезнь слегка отступила, но тоска по-прежнему омрачала его лицо.

Левенез ухаживала за больным отцом так хорошо, как только могла. Она окружила его заботой и приветливой лаской, все старалась его развеселить. Однажды, чтобы рассмешить отца, она рассказала ему одну забавную историю, услышанную от кузины. Но господину ар Гергоаду было не до смеха, тяжкие думы занимали все его мысли. И когда Левенез увидела, что отец не способен даже улыбнуться, даром что чувствовал себя лучше, то поняла, что от нее скрывают что-то очень важное.

Господин ар Гергоад всегда обращался со своей младшей дочкой как с ребенком, а не с рассудительной девушкой. А на самом-то деле Левенез очень любила отца и всю жизнь старалась его приголубить и угодить ему. Отец не замечал, что перед

ним уже не наивное и бесхитрое дитя, которое ластится ко взрослому, что его доченька давно уже выросла.

Но что бы там ни думал господин ар Гергоад, его дочь Левенез была девушкой рассудительной и не по годам умной. Очень быстро она смогла выведать у сестер, что же так печалило отца. Раз за разом, угадывая с полуслова, о чем речь, она смогла услышать, что же произошло с ее сестрицами. И когда больше выведывать уже было нечего обо всех этих печальных происшествиях, Левенез отправилась к отцу, и вот что она ему сказала:

— Батюшка, не нужно пытаться скрывать от меня, что за горе у тебя на сердце. Конечно, я еще молоденькая и сил у меня немного. Но нет ничего в этом мире, что могло бы быть сильнее моей любви к тебе. Разве что моя любовь к Господу. Поэтому я думаю, что ты можешь поручить мне поехать ко двору короля. Я говорю это не из хвастовства. Конечно, я бы предпочла остаться дома и ухаживать за тобой, но если уж надо выполнить обещанное, то позволь мне поехать в Ренн, и чем скорее, тем лучше. Если у меня ничего не выйдет, тогда покинем этот замок и оставим королю все то добро и все те богатства, которые мы от него получили. Если нам удастся остаться в добром здравии, будем счастливы, и ничто нам не помешает. Станем работать, и хоть мы не будем важными людьми, нужда не станет стучаться к нам в дверь, если будет на то воля Бога. Конечно, я понимаю, что для тебя это страшный удар — лишиться замка и окрестных земель. Но ты не сможешь помешать нашему разорению, тем более что сейчас ты захворал. Поэтому я решила, что мне надо отправиться туда, где я должна быть. И тогда ты успокоишься и выздоровеешь. Я верю, что смогу довести дела до ума с Божьей помощью. Поэтому не теряй свое время на то, чтобы отговорить меня от этого. Благослови меня и дай приказ капитану своих солдат, чтобы он научил меня обращаться с оружием. Ничего в этой науке не смыслю, а мне нужно будет суметь дать отпор любому врагу, когда это понадобится.

Эти смелые слова дочери так подействовали на отца, что тот разрешил ей ехать, хоть и больно было ему расставаться с Левенез.

Через две недели младшая дочь распрощалась с отцом и получила от него благословение перед отъездом. Ее трудно было

узнать, с ног до головы одетую так, как принято было тогда одеваться воинам. Настоящий меч был привязан ремнем к ее поясу. Вид у нее в рыцарском одеянии был ладный и складный.

Итак, дочь попрощалась с отцом после долгих объятий, резво вскочила на спину коня, а потом, не оглядываясь, чтобы от грусти на глаза не навернулись слезы, начала свое путешествие.

Долго она скакала и долго не видела вокруг ни одной души. Конь у Левенез был молодой и крепкий, все шел и шел рысью, ни капли не уставая от этого. Левенез продвигалась быстро, и около полудня всадница очутилась в темном лесу. Девушка забеспокоилась, когда оказалась под огромным дубом, поднимавшимся над ее головой как огромная арка, мешающая солнечным лучам светить на землю и давать тепло и силу плющу и жимолости, которые росли хилыми и прятались в темноте, не имея возможности вырваться наверх, к солнцу. Девушка с грустью размышляла о том, что случилось с ее старшими сестрами в этом самом лесу. Ей было тревожно и неуютно от тишины этой нехоженной чащи и от того, что где-то здесь ее поджидала неизвестная страшная беда. Но недолго угнетала эта тревога ее сердце. Постепенно страх улетучивался, и через некоторое время младшая дочь господина ар Гергоада, такая же веселая, как всегда, подъехала к источнику и увидела возле него, посреди небольшой полянки, дряхлую старушку. Эта женщина, уродливая, беззубая, протягивала девушке руку, прося у нее милостыню Христа ради. Девушка тут же соскочила с коня и привязала его к иве около воды, чтобы животное смогло утолить жажду.

Потом с почтением и состраданием она дала старушке половину своего золота и серебра, которым был набит ее кошелек. Она сказала старушке, что охотно отдала бы все из любви к Господу, другу бедняков, но не могла так поступить: впереди ее ждала длинная дорога, и по пути не один раз придется расплачиваться и за еду, и за жилье, и за корм коню. После этого она пригласила старушку разделить с ней обед, отвязала от седла кожаную сумку и вынула вкусные и приятные на вид припасы. Они перекусили, сидя рядом как добрые приятельницы.

До этого момента старушка обращалась к Левенез так, будто перед ней важный господин, но перед тем, как проститься, сказала:

— Знаю, знаю, кто ты есть на самом деле и куда ты путь держишь! Твое сердце полно доброты и любви к ближнему. А сестры твои на тебя не похожи: они презирают бедняков и мелких людей. За это и были обе наказаны. А тебе я всегда буду признательна за то добро, которое ты мне сделала. Итак, я тебя благодарю за щедрую милостыню и хочу отплатить тебе добром за добро. И сейчас, и позже могут случиться с тобой весьма неприятные и даже опасные вещи, причем в тот самый момент, когда меньше всего их ждешь, так что ты не зря будешь тревожиться за свою жизнь. Вот тогда-то я тебе и пригожусь. Как случится беда, так не зевай, а зови меня на подмогу, и я тут же приду и помогу тебе.

Договаривая последние слова, старушка начала потихоньку таять в воздухе, как утренний туман, исчезающий под дневными лучами солнца в ясный летний день. Левенез так и застыла от удивления, когда нищенка совсем исчезла из виду, но печалиться об этом не стала и быстро забыла об этом странном происшествии.

Она продолжила свой путь через темный лес, который шумел вокруг нее подобно морю, и сколько ни шел ее конь, вокруг были одни вековые дубы. И вдруг на дорогу выскочил человек в черном плаще и широкополой шляпе, скрывавшей его лицо. В его руке был длинный и острый меч.

Грубым голосом он приказал девушке остановиться и отдать ему кошелек или жизнь. Он попробовал было схватить ее коня за недоуздок, но ничего у него не вышло: острый меч красавицы молнией сверкнул прямо перед ним. Грабителю пришлось отскочить назад. Такого резкого отпора от молоденького рыцаря он не ожидал.

— А ну, убирайся отсюда, разбойник, — закричала Левенез врагу, — или я сейчас с тобой разделаюсь!

Человек в черном плаще только рассмеялся такой угрозой, однако не посмел ступить ни шагу вперед. И тогда девушка набросилась на разбойника так быстро и так ловко, что выбила меч из его рук и поранила ему плечо. Тот рухнул на землю, а кровь фонтаном захлестала из раны.

Когда Левенез увидела его, несчастного, распростертого на земле, то пожалела своего врага. И вместо того, чтобы про-

должить свой путь и оставить преступника страдать от боли и помирать, как собака, около большой дороги, она спешила и пришла ему на помощь.

Неподалеку били ключи, и Левенез набрала чистой воды и промыла своему противнику и раненое плечо, и лицо.

Но вот чудеса! Когда она сняла с головы грабителя шляпу, закрывавшую его глаза, то увидела, что перед ней... ее собственный отец! Он потерял сознание, обескровленный раной, которую его собственная дочь нанесла ему ударом меча. Но его обморок длился недолго: Левенез так старалась привести в чувство отца, которого приняла за разбойника, что тот быстро очнулся и открыл глаза. Когда господин ар Гергоад вновь обрел дар речи, он сказал:

— Милая моя доченька! Я прошу у тебя прощения. Я только хотел испытать тебя, чтобы узнать, сможешь ли ты выполнить то, что я тебе поручил. Ты показала мне свою львиную смелость, и я больше не беспокоюсь, что отдаю тебя нашему королю по уговору. Моя рана — пустяк, и боль уже ушла от той радости, которой ты наполнила мое сердце. У меня три дочери, и три раза я проделывал одну и ту же хитрость. Две первые были трусливые и пугливые. А ты, любимая моя Левенез, такая же мужественная, как и любой из моих сыновей. И пусть благословит тебя Господь Бог и пусть он и дальше охраняет тебя, особенно тогда, когда на твоём пути встретятся опасности — а их будет много, до тех пор, пока ты закончишь работу, которую только что начала. Теперь я отправляюсь домой по тайной тропинке, которая гораздо короче большой дороги. Мой конь тут, недалеко. Так что не нужно провожать меня до замка. Поэтому слушай то, что я говорю: садись на коня и спокойно продолжай путь в Ренн.

В последний раз отец и дочь обнялись и попрощались друг с дружкой, радостные, несмотря на слезы, что текли из глаз.

Часть 2

Девушка-рыцарь при дворе бретонского короля

Через несколько дней после того, о чем я только что рассказал, перед одними из ворот города Ренна появился молодой

рыцарь, который попросил у часового позволения проехать в столицу. Тут же вызвали солдат, и они проводили рыцаря к капитану, который отвечал за охрану ворот.

Капитан, как полагается, стал расспрашивать молодого человека. Его ответы понравились старому вояке, и тот выделил для юноши провожатого из своих солдат. И вот в скором времени молодой рыцарь и сопровождавший его солдат подошли к великолепному дворцу. Дворец охраняли храбрые и хорошо обученные воины, выбранные среди всех солдат страны по росту и стати, закованные в латы, с дорогим оружием в руках. Их начищенные доспехи и оружие сияли на солнце. Солдат объяснил молодому рыцарю, что это стражи самого короля Бретани, и оставил приезжего одного на широком дворе у самых дворцовых ворот. Навстречу рыцарю вышел начальник королевской стражи.

Начальник стражи расспросил молодого господина, зачем и для чего тот прибыл в столицу, и, когда услышал, что перед ним — сын господина ар Гергоада, который прибыл в столицу, чтобы выполнить важный уговор между его отцом и самим королем, проводил молодого рыцаря в зал ожидания. После этого начальник стражи отправился доложить новость королю и узнать, когда его величество сможет принять молодого рыцаря.

Наверное, королю не терпелось познакомиться с сыном господина ар Гергоада: тотчас же был отдан приказ впустить молодого рыцаря. Тут же приезжий очутился в зале приемов, где король восседал на прекрасном резном троне. На короле был плащ из пурпурного шелка, расшитый серебром, золотом и жемчугами. Его голову венчала блистающая корона, а его черные кудрявые волосы спускались до самых плеч. Когда молодой рыцарь увидел красавица-короля, то оробел, смутился и слегка оторопел. Он-то думал, что бретонский король — это почтенный старец с венчиком седых волос вокруг лысины, похожим на морскую пену на вершине волны. Юноша представлял себе старика-короля с суровым лицом, на котором никогда не проступает улыбка, сторбленного под тяжестью прожитых лет и под грузом тяжких забот.

Не знала наша Левенез (а вы ведь узнали ее, милые читатели, под видом молодого рыцаря, не так ли?), что старый король умер, тот самый король, от которого ее отец получил и замок, и земли. И теперь страной управлял его сын. Все это произошло за то время, пока девушка была в дороге. Поэтому что ж удивляться ее недоумению, когда вместо дряхлого старика она увидела перед собой прекрасного юношу, милого и приветливого, которому от роду было всего-то двадцать два или двадцать три года?

Еще не успев прийти в себя от удивления, Левенез, как подобает рыцарю, опустилась перед королем на колени и нежным голосом, который, наверное, выдавал ее волнение, объяснила, для чего и зачем она прибыла ко двору. Молодой король обрадовался, узнав, что перед ним сын старого вояки, того самого, который так помогал его отцу-королю в старые времена. Уговор, о котором шла речь, при дворе уже считали расторгнутым, слишком долго не приезжал ко двору младший сын господина ар Гергоада. Но сейчас молодой король убедился, что господин ар Гергоад умеет держать данное слово, ведь его сын прибыл-таки во дворец.

Услышав такую речь, Левенез успокоилась, мысленно поблагодарила Господа от всей души и вознесла Ему страстную молитву за то, что Он дал ей достаточно сил, чтобы помочь сохранить отцу здоровье и душевное спокойствие.

— Встаньте с колен, Ян ар Гергоад, — обратился король к Левенез. — По правде говоря, я думаю, что вы слишком молодой и слишком хрупкий для того, чтобы нести военную службу. Поэтому я полагаю, что лучше подыскать вам место во дворце, тем более что моей матушке нужен паж. На эту почетную должность я и назначаю вас в память о заслугах вашего отца перед Бретанью. Знаю, что на любой должности вы оправдаете мое доверие. Говорят, что дети наследуют от родителей все лучшее, и думаю, что вы только подтвердите эту народную мудрость. С этого же дня вы будете служить королеве, моей матушке, и никто, кроме нее, не будет вам приказывать. Идите к ней, она вас ждет.

Левенез — или, как мы теперь ее будем называть вслед за королем, Ян ар Гергоад — поблагодарила правителя за его великодушие, за то, что он дал ей такую почетную должность.

Хоть король и называл старую королеву матерью, на самом деле она приходилась ему всего лишь мачехой. Он был с ней почтителен и добр и за глаза всегда отзывался о ней вежливо. Всем, кто слышал его речи, было ясно, что он ее очень любил.

Давным-давно после смерти жены старый король остался вдовцом. Его сын был еще маленький, вот он и женился во второй раз. Мачеха воспитала мальчика. Она изо всех сил старалась угодить своему супругу, королю. Своих детей у королевы не было, и то, что чужой ребенок называл ее матерью и заставлял ее сердце хоть немного трепетать от любви, похожей на материнскую, утешало ее.

Но при этом о мачехе молодого короля ходила дурная молва: поговаривали, что она жестока и безжалостна с теми, кому не посчастливилось ей понравиться, а уж о тех, кто осмеливался ей не повиноваться, и говорить не приходилось. И тогда злость побеждала в ее сердце все добрые чувства, и она не успокаивалась, пока не находила способ как-нибудь навредить тем, кто был ей не по сердцу.

Поначалу она была приветлива со своим новым пажом. Надо сказать, что этот юноша был учтив, аккуратен, внимателен, да к тому же вежлив и безусловно воспитан. К нему нельзя было придрататься даже при большом желании: в отличие от других юношей-пажей, он никогда не убежал на ночные гулянки и не ввязывался в драки.

И вот королеве пришла в голову одна мысль. Среди барышень, служивших при дворе, была одна красавица из хорошей семьи. Ей было всего шестнадцать лет, и звали ее Азенор из Керлоскет. Королева решила выдать эту девушку замуж за Яна ар Гергоада. И вот в один прекрасный день она позвала к себе пажа и объявила ему свою волю. Когда бедный Ян услышал, что задумала его госпожа, он побледнел и дрожащим от волнения голосом сказал, что для него это большая честь — быть помолвленным с одной из прекраснейших невест Бретани, но он никак не может этого сделать: он-де решил посвятить себя служению Богу, и, как только выйдет срок его службе при дворе, намерен навсегда удалиться в одно из святых мест.

Королева была оскорблена такими речами и так рассердилась на своего пажу, что приказала ему немедленно послушаться ее и сделать предложение Азенору. Она считала, что все это только мальчишеский каприз, возникший от недомыслия, и что ее паж просто хотел посмеяться над девушкой, семья которой в те времена была одной из знатнейших и богатейших в Бретани.

— Ну что ж, — сказала королева, — ты еще пожалеешь о том, что не послушался меня! И теперь, вместо того чтобы быть счастливым с любящей женой и выполнять важные поручения короля, тебе придется ожидать от нашего правителя только немилости и наказаний.

Через некоторое время пажу вызвали к королю. Король был строг, его голос выдавал гнев. Он жестоко отчитал пажу за оскорбление, которое тот нанес королеве и барышне Азенору.

— И не будет тебе прощения, — сказал король, — пока ты либо не поступишь так, как приказывает моя матушка, либо не пойдешь в большой лес и не поймаешь там колдуна Мерлика, а потом не привезешь его живьем во дворец. А если не сделаешь ни того, ни другого, то тебя приговорят к смерти.

Бедный Ян ар Гергоад едва не лишился чувств, услышав такое. Он замолчал и с тревогой в сердце задумался, как ему быть. Но показывать свой испуг не стал, а ответил смиренно и почти-точно:

— Господин король, хоть вы всегда были очень добры ко мне и хоть вы много для меня сделали, я не смогу сделать так, как велит ваша матушка, королева. Я бы хотел сделать все по вашему и по ее желанию, но, увы, не всегда возможно делать то, что хочешь. Есть вещи, которые не подвластны воле людей, даже если речь идет о короле. Поэтому я предпочитаю, чем бы это ни обернулось для меня, ехать в лес и пытаться изловить Мерлика, чтобы доставить его сюда, если это мне по силам. Служба, которую мне предстоит сослужить, очень опасна. Но, может быть, мне улыбнется удача, и я выполню ваш приказ. По крайней мере, сделаю все, что только возможно. Но я молод, и моя смелость — ничто по сравнению с силой прославленного волшебника Мерлика. Если вы хотите, чтобы я выполнил ваш приказ, то дайте мне все, что необходимо для того, чтобы поймать лесного человека. Думается мне, что одним мечом его не одолеть.

Король согласился дать Яну ар Гергоаду все, что тот просил для поимки волшебника, и паж попрощался с ним, сказав, что вернется, когда придумает, как именно он изловит Мерлика.

Ян был опечален всем, что успело случиться за эти поддны. Он только и делал, что вздыхал и лил горькие слезы, думая о том, что теперь королева его возненавидит. И чем больше он думал о той нелегкой задаче, которую ему задали, тем больше печалился. Он уже не верил в свою счастливую судьбу, и ему порой хотелось пойти к королю и просить его вынести смертный приговор, чтобы казнь освободила несчастного пажу от тяжелой обязанности.

И неудивительно, что Ян ар Гергоад испугался странной работы, за которую ему предстояло взяться. Мерлик наводил ужас на всю страну, и никто до той поры не осмеливался хотя бы попытаться сладить с ним. Его сила и власть были безграничны. Он был сведущ во всех областях и к тому же храбр и силен, как лесной вепрь. Ему нравилось в одиночку жить в лесной глуши и ни с кем из людей не общаться. В те времена бретонцы верили, что для короля важно иметь такого человека у себя при дворе, так как мудрость лесного человека была безгранична. Он мог помочь королю управлять народом так, чтобы страна стала богата, а ее жители так счастливы, что им нечего будет и желать на этом свете сверх того, что уже есть. Ученые люди говорили еще, что достаточно будет Мерлику оказаться во дворце какого-нибудь влиятельного правителя и увидеть, как живут люди в городах, как он изменит свой дикий нрав. Лесной человек привыкнет к почестям и удовольствиям, к доселе незнакомой удобной жизни и больше ни за что не захочет возвратиться в глухую чащобу, чтобы жить там, как прежде, отшельником.

Но как привести его во дворец насильно или по доброй воле? Вот тут-то и была загвоздка, и никто не мог справиться с этой задачей. И когда король Бретани приказал Яну ар Гергоаду пойти и изловить Мерлика, он знал, что посылает пажу на верную смерть.

Ян долго думал о том, что ему предстояло сделать, прикидывал и так и эдак, охваченный тоской, пока, наконец, не решил прогуляться на свежем воздухе. Он оседлал коня и поехал по

первой попавшейся дорожке, которая шла вдоль реки по направлению к большому лесу. Паж долго скакал по лесу, среди прекрасных деревьев, пока его конь не остановился на светлой поляне неподалеку от родника, сочившегося чистой и свежей водой. Ручеек выходил большим и широким потоком из скалы, поросшей сверху зеленой шапкой густого темного остролиста.

Молодой рыцарь напоил своего коня и прилег на нежной траве, а конь стал пастись неподалеку.

Ян снова было принялся вздыхать о своей печальной судьбе, как вдруг вспомнил о старушке, которой он подал милостыню в том большом лесу, через который ехал из замка ар Гергоад в Ренн.

От этой мысли на душе у него стало теплее, и он произнес вслух три раза подряд:

Лесная старушка, старушка лесная,
Приди поскорей, ты сможешь, я знаю!

Едва он успел проговорить это в третий раз, как увидел возле себя ту самую старушку, которую он звал в надежде на помощь. Она была все такая же жалкая, одетая в лохмотья, дряхлая и несчастная. Своим слабеньким скрипучим голоском она приветливо обратилась к Яну. Наверное, нищенка была признательна ему, потому что улыбка заиграла на ее иссохшем морщинистом лице, когда она сказала Яну:

— Рыцарь из Гергоада! Не печалься. Я слышала, как ты меня звал, и пришла к тебе на помощь. Пусть твоя душа не тревожится, ведь нет на свете ничего такого, чего бы я не смогла сделать. Скажи, чтобы король приготовил все, что надо, а тебе нужно будет только прийти на эту самую поляну. Пускай у Мерлика есть и сила, и ум, и знания, ничто не спасет его от Левенез, щедрой девушки, которая его одолеет!

После этого старушка объяснила пажу, что именно нужно приготовить и сделать, чтобы выполнить трудную задачу. Потом она попрощалась с ним и растаяла в воздухе перед его глазами. И тогда, веселый и спокойный, Ян ар Гергоад вскочил на коня и, напевая, отправился назад, ко дворцу.

На следующий день король вызвал к себе пажу. Тот рассказал королю, что долго думал о том, что ему нужно для поимки Мерлика; и вот что он попросил:

— Господин король, мне нужно две вещи, чтобы выполнить ваше поручение: во-первых, мешок с маленькими птицами, обязательно живыми, а во-вторых — огромную клетку из стальных прутьев на четырех колесах. В этой клетке должна быть дверь, которая захлопывается, как только ее приоткроют, как дверца ловушки. Замок на двери должен открываться только снаружи. Посреди клетки нужно поставить накрытый стол, а на него — душистые хмельные напитки и самые изысканные яства.

Тут же к королю позвали главного охотника, и правитель приказал ему пойти в лес и наловить полный мешок мелких птиц, а потом принести их во дворец живыми и невредимыми. Следом позвали главного кузнеца, которому приказали выковать стальную клетку на колесах с захлопывающейся дверью, которую нельзя было бы открыть изнутри. Охотник и кузнец отправились работать. А работа у каждого из них была самая легкая, могу я вам сказать!

День и ночь стучали в королевских кузницах молоты по наковальням.

Через неделю Яну ар Гергоаду доложили, что для него был готов мешок живых птиц и стальная клетка.

— А теперь, — сказал молодой паж, — поедем в лес и посмотрим, как там поживает Мерлик.

В клетку на колесах запрягли лошадь, и один из слуг стал управлять этой повозкой. Ян отправился в дорогу верхом вслед за странной повозкой, что-то напевая сам себе.

Через некоторое время паж сказал слуге:

— Как только мы окажемся на месте, ты оставишь клетку на поляне, а сам уйдешь и спрячешься вместе с твоей лошадкой и моим конем. Ты останешься вместе с ними в лесу и не будешь никому показываться до тех пор, пока не услышишь мой сигнал. Как только я затрублю в рог, ты вернешься ко мне вместе с лошадкой.

Они приехали на ту самую освещенную солнцем поляну, где Ян ар Гергоад незадолго до того встретил лесную старушку. Клетку оставили стоять на нежной зеленой траве в десяти или

пятнадцати шагах от источника, и тут же слуга отвязал лошадку и увел ее вместе с конем пажа в лесную чащу.

Как только слуга скрылся из виду, Ян ар Гергоад разложил на столе, который стоял в клетке, вкуснейшие яства и напитки. На столе появились и свиные колбаски, и трюфеля, и сосиски с сардельками, прекрасный лосось, выловленный в реке Аон, индейка, которую откармливали в столице, и все это было как следует приготовлено, поджарено, так что от еды шел аппетитный дымок и поднимался ароматный пар. Рядом в плетеных тростниковых корзинах, украшенных лентами, лежали конфеты и пироги. Там были и пироги с маслом, и пироги с черносливом, и яблочные пироги, и блины из гречневой муки, и сладкие булочки, да сверх того — поджаренные хлебцы, посыпанные сахарной пудрой, не считая всяких мелочей. Ян принес на стол бутылки, полные белого вина из Нанта, красного вина из Бордо и золотистого вина Испании и Португалии, а вдобавок к этому — бутылку крепкого напитка многолетней выдержки, которую сам король купил у одного торговца, живущего близ города Ванна.

После того, открыв настежь дверь клетки, молодой паж взял мешок с птицами и спрятался в густых зарослях остролиста, которые окружали источник. Там он просидел достаточно долго, не осмеливаясь шевельнуться, так как боялся, что Мерлик бродит неподалеку и сможет догадаться, что кто-то спрятался и следит за ним. Ян ждал так долго, что заскучал и уже начал думать, что Мерлик и не появится здесь вовсе.

Но через полчаса Ян увидел сквозь ветки и листья, как высокий старый человек направляется к источнику. Он был босой, одетый в белый балахон, спускавшийся до самых пят. Волосы у него поседел, а борода, доходившая до пояса, была похожа на серый мох, которым обрастают старые деревья. Мерлик шел медленно и осторожно, все время оглядываясь. Иногда старик останавливался и принимался удивленно нюхать ветер.

Он остановился перед стальной клеткой, полной яств, и изумился. Сперва Мерлик хотел было войти в клетку и попробовать все те вкусные блюда, которые стояли на столе, но тут же начал опасаться и решил не спешить. Он стал ходить вокруг клетки в замешательстве и нерешительности. Его ноздри широко раздувались: ветер доносил до него вкусные запахи, его глаза блеснули

от голода, как два уголька, когда он глядел на коварно расставленную перед ним еду.

И вдруг он оглянулся и посмотрел на заросли остролиста, потом поднял с земли камень и швырнул его в кусты. Как только камень долетел до зарослей, оттуда с щебетом и свистом вылетела стайка маленьких птиц. Тогда старик успокоился, снова вернулся к клетке и стал любоваться на оставленную там еду, которая, казалось, сама просила, чтобы ее попробовали. На этот раз Мерлик решился, вопреки своей осмотрительности, подойти к столь соблазнительному столу. Но уже приближаясь к клетке, старик решил еще раз проверить, нет ли поблизости людей. Он обошел поляну, внимательно огляделся по сторонам, но не нашел никаких следов человека. Он снова метнул камень в заросли остролиста, и оттуда выпорхнула стая птичек. И тогда старик, обрадовавшись, запел во весь голос, а голос у него был странный, удивительный:

Мерлик хитер, его ум остр.
Мерлика каждый знает.
Там, где пичуги без страха поют,
Людей никогда не бывает.

И спев песню, он вошел в клетку. Тут-то он и попался! Дверь мигом захлопнулась, и замок со скрежетом защелкнулся. Как ни старался, как ни тряс Мерлик железную дверь, как ни пытался ее сломать, но, несмотря на свою недюжинную силу и палату ума, не смог ни приоткрыть ее, ни сломать. Великий волшебник угодил в ловушку, как последний простака.

В тот же миг Ян ар Гергоад вышел из засады и начал трубить в рог, так что эхо отдавалось по всей стране. Тут же на поляну вышел слуга с лошадьми. Одна из них была снова запряжена в повозку, и вся процессия двинулась назад, в столицу. Молодой паж вскочил на коня и поскакал впереди клетки-ловушки, обрадованный тем, что его затея удалась.

Когда Мерлика привезли в город, люди застыли в удивлении, и тут же по всему Ренну пронесся слух с быстротой молнии: так, мол, и так, Мерлика, великого волшебника, поймал Ян ар Гергоад, самый смелый рыцарь во всем королевстве. Все горожане захотели поглядеть на чудо, и целая толпа сбежалась со всех сторон и быстро заполнила улицы. В этой толпе смешались люди

разных сословий и разных занятий: знатные господа, богатые горожане, судьи, законники, торговцы и простой люд. И все они кричали что было сил и славили бесстрашного пажу за совершенный им подвиг.

И вдруг все смолкло, услышав голос, взволнованный и удрученный, но при этом пронзительный, как трубный зов. Этот голос поднимался ввысь, звучал над головами собравшихся, будто волна, обрушивающаяся на плоский песчаный берег. Мерлик, пришедший в отчаяние, признал свое поражение и пел от всего сердца, наполненного смертельной тоской:

Слышал я от бабки своей:
«Никого ты бояться не смей,
Кроме девушки одной молодой
Из местечка ар Гергоад, той,
Что прикинулась рыцарем смелым
И большим хитрецом стать сумела!»

Народ, собравшийся вокруг, удивился этой песне и думал, что Мерлик насмехается над молодым пажом и хочет унижить его. Но многие задумались: а вдруг да и кроется что-то за этой песней странного человека, которого везли перед ними в стальной клетке, как дикого зверя.

И чем больше приближался Ян ар Гергоад и следовавшая за ним клетка-повозка к центру города, где находился королевский дворец, тем гуще становилась толпа на улице. Юноши и девушки восторгались, хлопали в ладоши и дарили Яну красивые цветы и березовые ветви, будто перед ними был герой, вернувшийся с поля битвы, в которой он защищал свободу и законы всей страны.

Толпа стала такой плотной, что Ян вынужден был остановиться: улица была забита так, что проехать было невозможно. Пришлось вызывать солдат, чтобы освободить дорогу и хотя бы слегка навести порядок.

Когда паж прибыл во дворец, ему передали приказ явиться к королю.

— Рыцарь ар Гергоад, — обратился к нему правитель, — ты показал себя находчивым и смелым человеком. Я хвалю тебя за ловкость и за выдуманый тобой способ поимки волшебника. И вот какую награду ты получишь от меня: сегодня вечером

ты будешь ужинать со мной и с самыми знатными людьми королевства в большом зале дворца. А сейчас — иди, приляг, ведь тебе нужен отдых.

Никто не сказал королю о странной песне, которую распевал Мерлик, и Ян ар Гергоад отправился к себе в комнату, чтобы слегка отдохнуть и переодеться: его одежда была исцарапана и изодрана колючими растениями, пока он сидел в зарослях острелиста.

Ближе к ночи во дворце накрыли праздничный ужин, и собравшиеся за столом славил Яна, молодого пажу, которого теперь величали Рыцарь ар Гергоад.

Но, увы! Недолго Ян пользовался добрым расположением короля. Обида королевы-матери снова испортила ему жизнь. Мачеха правителя не могла вынести присутствия Яна, а то, что паж умудрился изловить Мерлика, разозлило ее еще больше. По дьявольскому наущению она подговорила своего пасынка нарушить его королевское слово и забыть о дружбе, в которой тот поклялся Яну ар Гергоаду. Хуже того: она только и делала, что подговаривала короля навредить пажу, и добилась своего. Король приказал Яну пойти в лес и убить Великого Оленя. А если не убьет, то его самого предадут смерти.

Сердце у пажу замерло, как только он услышал эту новость. Он тотчас же отправился в лес просить совета у доброй старушки. Речи лесной волшебницы успокоили Яна, и, вернувшись во дворец, он объявил королю, что на следующий же день пойдет охотиться на Великого Оленя.

Этот олень был странным и страшным зверем. Он был размером с крупного быка, и его хвост порос жесткой шерстью, как у лошади. Его голову украшали ветвистые рога, длинные и острые. Все его тело покрывала жесткая и плотная шерсть черного цвета, а из глаз вылетал огонь. Он разорял страну, и даже сама молва о нем приводила людей в ужас. Говорили, что у этого оленя шкура прочная, как сталь, поэтому его не берут стрелы. Но кое-кто рассказывал, что у оленя есть на теле уязвимое место: если попасть в него, то убить этого зверя не так уж и трудно. Но где находится это слабое место, не знал никто. Много охот-

ников пыталось поймать чудо-оленя, но ни один из них не вернулся домой, а их тела находили позже, изуродованные жестокими рогами оленя: кому он живот пропарывал, а кого оставлял без головы.

Ранним утром Ян ар Гергоад отправился туда, куда Великий Олень каждый день приходил на водопой. Когда этот опасный зверь увидел перед собой человека, то пришел в ярость, начал бить копытами по земле с такой силой, что комья земли разлетались во все стороны. Потом он наклонил голову к самой земле и, повернув рога в сторону противника, помчался на Яна что было духу, готовясь растоптать его и разорвать на части.

Но Рыцарь ар Гергоад был к этому готов. Когда зверь был уже на расстоянии пятнадцати шагов, юноша обнажил меч и быстро начертил его острием на земле три крестика. И тут же Великий Олень остановился и опустился на колени. Ян тотчас подбежал к нему и вонзил меч в белую отметину на лбу оленя. В тот же миг олень испустил дух с ужасным криком. Он так бился в предсмертных муках, что смотреть на это было тяжело.

— Надо же, — сказал сам себе молодой паж, — моя покровительница и советчица — отличная волшебница! И откуда она только знала, как надо останавливать зверя и где у него слабое место?

После этого Ян протрубил в рог, и вскоре перед ним оказался главный королевский охотник и окрестные жители. Все вместе они отнесли поверженного оленя в королевский дворец.

Король радостно встретил рыцаря ар Гергоада, который снова оказался на высоте, и король, в который раз удивленный и очарованный, заявил, что нет равных этому рыцарю ни в Бретани, ни за ее пределами.

После этого случая король перестал чинить неприятности пажу и стал приветливее с молодым рыцарем.

Часть 3

Мариолу-Мариолон, индийская царица

Никто не умеет лучше затаить обиду, чем разозленная женщина. Бывает, что она долго копит злобу, пока не представится возможность навредить как следует.

После того как Ян ар Гергоад победил Великого Оленя, королева больше не осмеливалась показать свою неприязнь к пажу, так как боялась, что друзья Яна встанут на его защиту. Она лишь ждала случая, чтобы нанести ему удар, ведь ее сердце все еще помнило, как Ян посмел послушаться ее — то есть, по ее разумению, совершил предательский и недостойный поступок. Но время шло и шло, а злодейка так и не могла придумать повода придраться к юноше: Ян вел тихую и разумную жизнь и был достойным примером для всех пажей во дворце.

И вот королеве пришлось самой придумывать повод прицепиться к молодому рыцарю. Часто она раздумывала и так и эдак, пока в один прекрасный день ей не пришла в голову та самая мысль, которую она так упорно искала.

Она тут же отправилась к королю и сказала ему:

— Сын мой! Тебе скоро уже исполнится двадцать четыре года, и, по-моему, тебе уж пора искать себе жену. Долго ходить холостым не пристало для такого могущественного короля, как ты. Осмотрись вокруг, погляди, что делают соседние короли: испанский король и английский король, которые в сравнении с тобой всего лишь дети, уже женаты. Король Франции, хоть он и беден и постоянно ищет, где бы занять денег, сумел-таки жениться на самой красивой и богатой принцессе, наследнице одного из западных государств, дочери германского императора.

А чего ждешь ты? Все знают, что нет короля более богатого, чем ты, король Бретани. И ты сможешь, если только захочешь, жениться на любой из самых красивых принцесс мира.

Кстати, я слышала об одной девушке, которая вполне смогла бы стать твоей невестой. Она очень молода, но очень богата, красива, да к тому же управляет большим и прекрасным царством, в котором золота и драгоценных камней хоть отбавляй, столько же, сколько камней на берегу моря в нашей стране. Она еще не выбрала себе мужа, потому что не может найти себе равного. Но я-то знаю, что для нее будет большая честь стать женой бретонского короля, и она еще будет этим гордиться.

Девушка, о которой я рассказываю, правит Индией. Царица Мариолу-Мариолон — так зовут эту девушку. Ходят слухи, что она — самая мудрая и самая удивительная женщина.

Может быть, ты захочешь жениться на этой девушке, с которой хотят связать свою жизнь все принцы и короли мира? Если ты сделаешь ее своей женой, сын мой, то ты станешь тогда самым могущественным среди всех людей, живущих под сводом небес. Потому что тогда к бретонской короне, сверкающей, как жемчужина Запада, ты прибавишь и корону Индии, страны великолепных дворцов, и тогда ты по праву сможешь называться императором!

Молодой король заслушался этими обманными речами злой женщины и решил, что ему нужно жениться на царице Мариолу-Мариолон, он тут же созвал советников, чтобы узнать их мнение. Все они согласились с тем, что говорила королева, и решили, что надо слать гонца в Индию с ценными и красивыми подарками и просить руки у индийской царицы. Но советники никак не могли решить, кого именно отправить в далекую страну: ведь дело это было не только почетным, но и опасным. Долго-долго советники спорили между собой. И тут королева сказала, что нет человека, который лучше подходил бы на роль посла, чем Рыцарь ар Гергоад, человек способный и ловкий. Уж он-то точно справится с такой работой! Он, мол, уже доказал на деле, на что способен, когда поймал Мерлика и убил Великого Оленя.

Советники решили, что речи королевы мудры и разумны, и все в один голос заявили, что никто лучше Яна ар Гергоада не справится с этой работой.

И вот пажу дали новое поручение, и король разъяснил ему все как есть: что, мол, нужно привезти царицу Мариолу-Мариолон в Бретань, а иначе Яну придется расстаться с жизнью.

До того дня бедный Ян думал, что все его злоключения позади и он может спокойно нести свою службу во дворце. Но не тут-то было! Злая судьба преследовала его, и чем дальше, тем с большей жестокостью и несправедливостью.

Грусть-тоска одолела молодого рыцаря, и он отправился в лес, опечаленный и встревоженный. Уж на этот-то раз, думал он, не удастся выйти сухим из воды, даже с помощью лесной волшебницы, и невозможно будет выполнить то, о чем мечтал король. Яну надо было решиться либо расстаться с жизнью в дальних морях по пути в восточные страны, либо быть повешенным на главной площади города Ренна.

Но все же ему захотелось, чтобы добрая старушка утешила его и что-нибудь да присоветовала. Поэтому он крикнул:

Лесная старушка, старушка лесная,
Приди поскорей, ты поможешь, я знаю!

И тут неизвестно откуда перед ним возникла беззубая старушка, как всегда жалкая, но веселая, с блестящими глазами. Только взглянув на нее, молодой паж перестал беспокоиться и рассказал ей, в чем причина его тревог.

— Рыцарь ар Гергоад, — ответила ему старушка, — мачеха короля поклялась сделать все, чтобы известить тебя. И будет она это делать, пока в ней останется хоть одна искорка жизни. Да, сурового врага ты себе нажил. Но не стоит печалиться, потому что недолго этой женщине осталось жить. Это испытание — последнее, что она тебе приготовила. Но раз уж ей удалось исподволь убедить и пасынка, и его советников выбрать тебя и отправить сватом к индийской царице — придется тебе исполнить приказ. Отправляйся в дорогу, но не печалься ни о чем. Ты можешь попасть во всякие передраги, но я всегда буду начеку и помогу тебе и смогу защитить от неприятностей. А теперь иди к королю и попроси, чтобы снарядил для тебя три красивых корабля. Пусть нагрузят первый корабль кормом для рыб, второй — кормом для гусей и уток, а третий — кормом для муравьев. Когда все будет готово, поднимай паруса и спокойно отправляйся на Восток.

Ян ар Гергоад даже не успел толком поблагодарить старушку. Договаривая последние слова, она исчезла из виду в один миг, будто пламя свечи, потухшей от порыва ветра.

Ян рассказал королю о том, что ему нужно было для путешествия к берегам Индии. И тут же король приказал в точности исполнить просьбу паж.

Через неделю или две пришла весть о том, что в ближайшем порту корабли снаряжены, нагружены всем, чем надо, и готовы к отплытию.

Молодой паж поднялся на палубу самого большого корабля и тут же отдал приказ поднять паруса. Капитан и матросы послушались его приказа, и вскоре три больших корабля уже мча-

лись по морю на Восток. Это были прекрасные трехпалубные суда с высокими мачтами и белоснежными парусами. С обоих бортов на каждом корабле стояли бронзовые пушки и блестили на солнце — так они были начищены. На самой высокой мачте каждого корабля полоскался на ветру флаг Бретани.

Так корабли и продолжали свой путь на Восток, несмотря на непогоду, с которой им приходилось бороться время от времени. Через полгода после того, как началось путешествие, с одним из кораблей случилось удивительное происшествие. Ни с того ни с сего он остановился посреди морских просторов и не мог сдвинуться с места, хотя ветер продолжал надувать его паруса. Что-то невидимое схватило его и не отпускало. Но никто не бросал якоря, и не было поблизости никакой скалы или мели, на которую мог наткнуться корабль.

Матросы и капитаны тут же захотели узнать, в чем тут дело. Поначалу они ничего не смогли разглядеть, но вскоре из морской глубины показалось что-то огромное и черное, похожее на невиданных размеров остров, вырастающий из воды прямо на глазах.

Вот это чудо! Чем больше рос остров, тем больше он становился похожим на гигантскую рыбу, которая была больше любого из кораблей. Неожиданно раздался голос, грозный, как раскаты грома:

— Я — Король рыб и всех прочих тварей, обитающих в море! На моих подданных обрушилось страшное несчастье: они вот-вот умрут голодной смертью, если никто их не пожалеет и не поможет им. Во имя Бога, бросьте нам хоть немного еды!

Тут же Ян ар Гергоад отдал приказ высыпать в море корм для рыб, которым был нагружен самый большой корабль. Матросы послушались его и весь день только и делали, что кормили оголодавших морских жителей, которые приплывали со всех сторон. Там были косяки крупных рыб, стаи рыб поменьше и стайки совсем маленьких рыбок — всего сотни и сотни тысяч. И чем больше еды матросы кидали в море, тем больше рыб собиралось вокруг. Они так и набрасывались на еду, поглощая все, что попадалось им на зуб.

Когда вся пища, которая была на корабле, оказалась в море, рыбы насытились и радостно уплыли, каждая в свою сторону.

Перед тем как проститься, Король рыб дал Рыцарю ар Гергоаду пустую перламутровую раковину и сказал:

— Могущественный господин, ты осчастливил мой народ. Я рад, что ты нас спас. Будь уверен, что мы не забудем твое благодеяние. Если тебе понадобится помощь, я сделаю все, чтобы выручить тебя. Как только захочешь меня позвать, не раздумывай: только подуй в раковину со всей силы. Я тут же примчусь к тебе, где бы ты ни был.

Корабли продолжили свой путь и через несколько дней причалили к одному островку, чтобы запастись пресной водой. Ян ар Гергоад высадился на берег с двенадцатью матросами, захватив с собой пустые бочки, и отправился на поиски источников. Корабли остались на причале в маленькой бухте, куда стекались воды светлых ручьев, впадавших в море.

Как только матросы наполнили бочки ключевой водой, Ян подошел к пруду, который находился неподалеку, возле большого леса. На этом пруду плавало несметное количество гусей и уток, так что шум стоял невообразимый.

Когда рыцарь подошел к пруду, к нему сразу же подлетел огромный гусь.

— Молодой чужестранец, — сказал он пажу, — я — Король гусей и уток. На нас обрушилось ужасное несчастье. И скоро оно совсем истребит мой народ. Голод, будто дикий зверь, терзает нас. Если мы не найдем хоть немного еды, то в скором времени погибнем. Во имя Господа, сжался над нами и дай хоть что-нибудь, чтобы мы смогли утолить голод.

Сердце Яна дрогнуло от страдания птицы, и он приказал своим людям выгрузить на остров еду для уток и гусей. И в мгновение ока слетелись со всех уголков острова тысячи уток и гусей. Некоторые даже прилетели из-за моря, потому что их король без устали звал все новых и новых участников нежданно-негаданно случившегося пиршества.

Когда птицы насытились и разлетелись кто куда, их король, прежде чем попрощаться, подошел к Рыцарю ар Гергоаду и протянул ему перо из своего хвоста. При этом птичий король сказал, что никогда не забудет о том, что Ян сделал для него и его подданных, и пообещал прийти на помощь своему благодетелю,

как только это будет необходимо. Ян заточил кончик пера и сделал из него свисток.

И вот корабли снова подняли паруса и продолжили свой путь к берегам Индии. В один прекрасный день моряки снова увидели перед собой землю. Капитан сказал рыцарю, что видит вдалеке королевство Мариолу-Мариолон. Посланцу бретонского короля захотелось для начала осмотреть эту страну и узнать ее получше и только потом добиваться приема у царицы. Поэтому он и приказал кораблям подойти к берегу, а потом высадился с горсткой людей.

Они сошли на берег в незаселенной части страны и, как ни искали, не смогли найти там ни людей, ни зверей. В стране царила засуха и убивала все живое на своем пути. Земля иссохла и стала твердой как камень, а трава настолько потеряла влагу, что хрустела под ногами. Ян и его спутники собирались было вернуться на корабль, когда их глазам открылось удивительное зрелище.

На просторном и ровном месте, огромном, как поле, которое и за несколько дней не вспахать, собралось великое множество муравьев всех цветов и размеров — от мала до велика. Их было столько, что они походили на пену на поверхности кипящего супа. И вот самый большой муравей подошел к Яну ар Гергоаду и сказал ему жалобным голосом, что он — Король муравьев, и попросил помощи Бога ради. Жестокая засуха оставила его подданных без пищи, и все муравьи могут умереть от голода.

Молодой рыцарь помог муравьям. Тут же на берег доставили всю еду для муравьев, которой был нагружен третий корабль, и подданные муравьиного короля смогли наесться вдоволь. А в знак признательности король подарил доброму Яну короткую соломинку, в которую достаточно было свистнуть для того, чтобы, если понадобится, призвать муравьев на помощь. Король муравьев сказал, что хоть и невелика его сила, но он готов сделать все, что сможет, в помощь тому, кто спас его народ.

Через некоторое время корабли отчалили от берега, потому что Ян ар Гергоад и его люди хотели как можно скорее оказаться в столице Индии, где их уже ждала царица Мариолу-Мариолон.

В один прекрасный день, рано поутру три корабля наконец-то очутились там, куда они так давно стремились. Они бросили якоря в порту, где разных кораблей было видимо-невидимо — и больших и поменьше, со всех концов света.

Ян надел свою лучшую одежду и приказал капитанам тоже принарядиться. После этого они все вместе отправились на прием к царице.

Столица Индии была сказочно богата. По обе стороны каждой улицы стояли высокие дома и прекрасные дворцы. Кровли храмов были серебряными, а башни сложены из золотистого камня. Жители города были все как один вежливыми, хорошо одетыми и нарядными.

Рыцарь ар Гергоад и его спутники пришли ко дворцу царицы и замерли, заглядевшись: такой роскоши они никогда еще не видели. Дворец стоял посреди просторного сада, в котором цвели разные цветы и росли фруктовые деревья. Повсюду парил чудный аромат, который разносился легким ветерком. В саду пели птицы всех цветов радуги, а перламутровые бабочки перелетали с цветка на цветок.

Управитель дворца вышел навстречу приезжим и пригласил пройти к царице. Для начала гостей проводили в зал ожидания, куда пришли лакеи и принесли все, чтобы путешественники могли утолить голод и жажду. Сладкие яства и напитки были вкусными и ароматными.

Ян сказал управителю, что прибыл послом от бретонского короля и объехал полмира для того, чтобы побеседовать с царицей Мариолу-Мариолон и предложить ей богатые дары от своего повелителя. Когда об этом доложили царице, она согласилась тут же принять Рыцаря ар Гергоада и его свиту в своем зале приемов.

В глазах у бретонцев зарябило, когда они очутились в торжественном зале. Со всех сторон они только и видели, что блестящие и сверкающие украшения, позолоту на стенах и мозаику на полу, привезенную из далекой Турции, серебряные стулья, искусно украшенные золотом и слоновой костью.

В дальнем конце зала было небольшое возвышение, на нем стоял великолепный трон, на котором восседала царица Мари-

олу-Мариолон — всемогущая повелительница Индии и Восточных островов. По обе стороны от возвышения располагались придворные: дамы и господа высокого происхождения, высокие чиновники, воины, священнослужители и судьи.

Сама царица была такой красавицей, что любо-дорого было на нее смотреть. В наших краях про таких говорят «краса ненаглядная». Держалась она, как и подобает царице, и ее величие заставляло сердце каждого, кто приближался к ней, трепетать от почтительного волнения. Ее волнистые золотые волосы обрамляла сияющая корона, в которой переливались алмазы и жемчужины, каждая из них огромного размера, а сколько их было — и сосчитать невозможно.

Хоть Ян и его спутники на миг и замерли от изумления, но не показали виду, что вся эта роскошь поразила их до глубины души. А Ян подумал, что эта царица, такая красавица, будет прекрасной женой для бретонского короля. Не зря, видимо, старая королева решила посватать своего пасынка за эту девушку.

Посол короля и капитаны поклонились молодой королеве и преподнесли ей украшения и другие драгоценные подарки от короля Бретани. Я не смогу вам перечислить все и подробно рассказать обо всех подарках, которые получила Мариолу-Мариолон, но могу только сказать, что она очень им обрадовалась, а ее придворные только охали и ахали, когда посланцы короля открывали сундуки. Сама же царица улыбнулась и попросила Яна передать щедрому и обходительному правителю ее благодарность за привезенные драгоценности. Среди подарков она отыскала портрет бретонского короля, написанный прекрасным художником. Молодая царица засмотрелась на портрет и сказала, что, без всякого сомнения, на этом портрете изображен самый красивый мужчина из всех ныне живущих на земле.

И тогда Рыцарь ар Гергоад воспользовался моментом и начал свою речь.

— Великая царица, — сказал он, почтительно поклонившись. — Это портрет моего повелителя. И хотя картину написал самый искусный художник, она и вполтину не так красива, как человек, который на ней изображен. А тот, кого вы видите на этой картине, — не кто иной, как богатейший, милостивейший и отважнейший король, правящий далекой западной стра-

ной, — король Бретани, этой маленькой страны, жемчужины Европы. В этой стране живут добрые люди, там стоят светлые церкви, отсюда во все концы света отправляются отважные моряки на больших кораблях, которые бороздят океанские просторы. Мой повелитель молод, но слава о нем уже разлетелась по всему миру. Все знают, что ему нет равных ни по мудрости, ни по смелости. И в мирное время, и во время страшных войн им восхищаются как друзья, так и враги. Ему пришло время разделить блеск своей славы и свое несметное богатство с достойной супругой. Со всех сторон ему предлагают знатных принцесс и дочерей императоров — богатых невест и таких красавиц, одна другой лучше! Но ни на одной из них он не женился, поскольку слух о вас дошел до него, и мой король был очарован всем тем, что слышал о далекой индийской царице. С тех пор он день и ночь думает о том, как сделать вас своей женой.

Он прекрасно знает, что вы — могущественная царица, с которой никто не сравнится во всех странах Востока, и что вы могли бы стать достойной парой ему.

Мариолу-Мариолон и ее свита удивились, они не ожидали услышать такое. Но хоть речи Яна ар Гергоада и были смелыми, Мариолу-Мариолон не растерялась. На самом-то деле ей льстило предложение короля, но она не показывала виду. Поэтому она так ответила послу бретонского короля:

— Юный рыцарь, для меня большая честь получить предложение от вашего правителя. Но до того, как я смогу дать ответ, мне надо будет хорошенько подумать, послушать мнение моих советников. Приходите ко мне завтра и тогда узнаете мой ответ.

Рыцарь ар Гергоад и его спутники попрощались с царицей и вернулись на корабли.

На следующий день Ян один отправился к царице. Мариолу-Мариолон приняла его радостно и сказала:

— Юный посол! Я не против того, чтобы выйти замуж за бретонского короля, хоть я его самого совсем и не знаю. Я доверяю твоему рассказу о нем, ведь об этом правителе ходит добрая слава. Но царице такого высокого рода не подобает соглашаться на брак, не познакомившись с женихом, не взглянув на него или хотя бы не проверив одного из его подданных. Поэтому я

решила, что не поеду в Бретань, пока ты не исполнишь два моих поручения

Я хочу расширить и украсить столицу моего царства, а сделать это не так-то просто: город стоит на берегу моря и со стороны континента окружен огромным и глубоким озером. Надо его осушить, засыпать, что будет нетрудно — камней и повозок у нас предостаточно. И тогда уже можно будет строить там дома и красивые дворцы. Но сколько ни бились над этой задачей строители и ученые люди, вода так и оставалась в озере, и никакими судьбами нельзя было от нее избавиться. Я знаю, что люди из западных стран известны своей смекалкой. Я слышала, что у вас умеют делать удивительные вещи, не нуждаясь в особых механизмах. Именно поэтому я и решила доверить тебе это поручение — ведь его не смогли выполнить лучшие механики моего царства. Осуши озеро! И когда работа будет сделана, я наполовину соглашусь оставить свой народ и поехать с тобой к моему жениху.

Ян ар Гергоад ушел из дворца царицы, повесив голову, потому что в который раз ему задали нелегкую задачу. Он горестно вздыхал, глядя на озеро — огромную водную гладь, похожую на морскую.

«Никогда, — говорил он себе, — не смогу я вычерпать всю эту воду, если уж с этим не справились лучшие мудрецы царицы! Увы! Снова на меня обрушилось несчастье! О бедный я, до каких же пор это будет продолжаться?»

Молодой человек совсем потерял веру в себя и полез в карман за платком, чтобы вытереть слезы, которые градом катились из его глаз. И вдруг нащупал в кармане перо, которое он получил от Короля гусей и уток. Ян сразу же обрадовался, потому что вспомнил слова, которые услышал от этой удивительной птицы. Он починил ножиком перо и свистнул в него так громко, как только мог. Раздалась пронзительная трель, и эхо зазвенело надо всей страной, а ветер разнес его по всем окрестным равнинам.

Через некоторое время к Яну прилетел огромный гусь, тот самый, что был королем надо всеми гусями и утками. Он летел как стрела над морями, над высокими горами, и, когда добрался-таки до Яна, вид у птичьего царя был очень усталый. Рыцарь рассказал ему в чем дело, и громадная птица, едва переведя ды-

хание, ответила, что готова помочь осушить озеро с помощью своих подданных.

Тут Король гусей и уток издал странный пронзительный крик, чтобы созвать свой народ. И тут же со всех сторон слетелись водоплавающие птицы: сначала маленькими стайками, потом — такими огромными стаями, что, словно тучи, не давали солнечному свету достигать земли. На землю посреди бела дня опустилась тьма. Когда птицы узнали, что им предстоит сделать, то отправились к озеру, и каждая из них зачерпнула клювом воды и отнесла ее в море. Так они и летали от моря к озеру, которое раз от раза мелело. К концу дня в нем не осталось больше ни капли. На дне бывшего озера были только форель и уклейки, которые бились и метались среди тины и водорослей. Тут уж гуси и утки устроили пир, наелись и разлетелись кто куда, попрощавшись с Яном как со старым другом. А Ян не мог в себя прийти от удивления, увидев такое чудо. Он поблагодарил крылатого короля и вскоре отправился во дворец доложить царице о том, что порученная ему работа сделана.

Поначалу Мариолу-Мариолон не поверила и решила сама посмотреть и удостовериться, правда ли то, о чем ей рассказал посол бретонского короля. Но когда она увидела все своими глазами, волей-неволей, а поверить пришлось. Она была слегка раздосадована тем, что ей попался крепкий орешек и, если и дальше так дело пойдет, ей придется согласиться уехать из родной страны и отправиться в Бретань.

На следующий день Ян ар Гергоад снова явился к царице и спросил, что же еще ему предстоит сделать, и Мариолу-Мариолон задала ему новую задачу:

— В прошлом году урожай собирали нерадивые крестьяне и перемешали в большом дворовом амбаре пшеницу, рожь, ячмень, овес и гречиху. Мне скоро нужно везти зерно на мельницу, и нужно разобрать зерно и отделить одно от другого. Вот эту-то работу я тебе и поручаю. Иди к управителю дворца и скажи ему, чтобы проводил тебя в амбар.

Ян отправился к огромному амбару, до краев наполненному зерном — триста футов в длину и пятьдесят, а то и шестьдесят футов в ширину. Сколько же там было зерна! И все это надо было перебрать...

— О Боже! — воскликнул Ян. — Если я возьмусь за эту работу, то сделать это будет так же легко, как поймать голыми руками всех дроздов в моих родных горах Арре. Хорошо еще, что я знаю, где взять проворных помощников.

Он свистнул в короткую соломинку, и раздался звук, похожий на голос рожка, протрубившего на всю страну.

Через час или два Король муравьев прибежал к Яну и спросил, что случилось. Молодой человек рассказал муравьиному королю о том, что царица задала ему перебрать зерно, отделить одно от другого и сложить каждый вид зерна отдельной кучей и что для этой работы он просил позвать муравьев, так как сам не мог с этим справиться.

Не стану я вам рассказывать, как муравьиный король созвал всех своих подданных, но вот что я скажу вам точно: через некоторое время сбежались со всех сторон муравьи. И было их ровно столько же, сколько зернышек в амбаре. Они копошились, суетились и работали так усердно, что любо-дорого было на них посмотреть. Время шло, муравьев прибывало, и тем, кто пришел позже всех, даже не хватило зернышек. До наступления ночи все зерна были разобраны и разложены по кучкам так, как и было нужно.

Ян трепетал от радости и не переставал благодарить Короля муравьев и его трудолюбивых подданных. Когда маленькие помощники разбежались, Ян поспешил во дворец и рассказал царице Мариолу-Мариолон о том, что работа сделана. Индийская царица снова удивилась и отправилась посмотреть на амбар. Ей пришлось признать, что работа сделана, да еще как хорошо!

Ян почтительно поклонился царице и сказал:

— Госпожа моя царица, теперь оба поручения выполнены. Вам тоже надо выполнить свое обещание и отправиться со мной в Бретань. Завтра во время прилива поднимем парус.

Мариолу-Мариолон умела держать свое слово и ответила, что готова завтра же отправиться в путь.

Наконец-то Ян спокойно спал всю ночь. А утром спозаранку он приказал навести порядок на кораблях, чтобы можно было пригласить на борт царицу. Все палубы были украшены, а капитаны и матросы надели свои лучшие костюмы в честь царственной гостьи.

За несколько минут до прилива царица Мариолу-Мариолон со свитой прибыла в порт. Там уже собралась целая толпа, которая криками и приветствовала правительницу, и оплакивала ее отъезд. Молодая царица стала бросать в толпу золотые монеты, а потом, попрощавшись со своим народом, Мариолу-Мариолон и ее придворные дамы поднялись на борт того корабля, на котором отплывал Рыцарь ар Гергоад. Туда же доставили богатые одежды и украшения царицы в тюках и ящиках. А среди всей этой поклажи был еще один маленький сундучок из ароматного дерева, окованный фигурным золотом. Ключ от этого сундучка висел у царицы на шее на золотой цепочке.

Подняли паруса, и корабли короля Бретани величественно поплыли в обратный путь через морские просторы, попрощавшись с Индией дружным залпом бронзовых пушек.

Так, держа курс на Бретань, корабли продолжали свое плавание в течение нескольких месяцев, несмотря на погоду и непогоду, как будто торопились оказаться дома. А царица Мариолу-Мариолон проводила время за чтением или просила девушек из своей свиты спеть ей песни на родном языке. Поначалу ей нравилась такая праздная жизнь, но чем дальше отплывали корабли от индийских берегов и чем чаще штормы сотрясали их, тем грустнее и страшнее становилось царице, тем больше тосковала она по родине. И тогда она начинала сожалеть о том, что обольстилась речами посла бретонского короля. И в один прекрасный день ей взбрела в голову вот такая мысль:

«Если все эти люди думают, что так легко перехитрить индийскую царицу, то они глубоко заблуждаются! Я еще не вышла замуж за короля Бретани. И до того момента, как я надену на палец обручальное кольцо, у Рыцаря ар Гергоада будет еще немало печальных сюрпризов!»

Сказав это про себя, царица сняла золотой ключ, который висел у нее на шее, и тайком выкинула его в море.

Долго плыли корабли, пока, наконец, не достигли бретонских берегов. Весть об этом сразу дошла до города Ренна, и король тут же отправился вместе со своими приближенными в порт для того, чтобы встретить могущественную восточную

царицу со всеми почестями. В ее честь были устроены празднества, все были счастливы видеть ту, чье прибытие ожидалось давным-давно. Бретонцы все готовы были отдать ради того, чтобы понравиться царице, которая приехала с другого края света для того, чтобы выйти замуж за их короля. Люди были благодарны Яну ар Гергоаду за то, что он смог выполнить такое непростое поручение.

Король Бретани спросил у Мариолу-Мариолон, хочет ли та стать его женой и отправиться с ним в Ренн, чтобы поселиться в его дворце. Вопреки ожиданиям царица ему ответила, что выйдет за него замуж только на одном условии: если ей дадут золотой ключ, которым она сможет открыть свой сундучок из благоухающего дерева. Ключ, мол, она потеряла по дороге: случайно обронила в море. Тогда король созвал своих самых искусных мастеров и приказал им изготовить точно такой же ключ, и нашел среди них того, кто взялся за эту работу. Но это не понравилось Мариолу-Мариолон. И она сказала королю, который был готов ей услужить, что ей не нужен ключ, сделанный в Бретани, а нужен тот самый, который упал в море, и никакой другой. Лучше-де вернуться обратно в Индию, чем выходить замуж за человека, который не хочет исполнить ее желание.

Короля такие слова огорчили, и он пошел посоветоваться со своей мачехой и рассказать о том, что произошло. Старая королева, которая все еще таила в глубине души злобу на молодого пажу, снова нашла повод навредить ему. Она так ответила папынку:

— Вот удивительно, как это король Бретани ломает голову из-за каких-то пустяков, когда есть под рукой слуга, готовый исполнить любой каприз! Чего ж ты ждешь, сын мой, отправь за потерянным ключом Рыцаря ар Гергоада!

И король ушел, огорченный и встревоженный. Ему хотелось приказать Яну ар Гергоаду, своему верному слуге, пойти и достать ключ со дна морского, но откуда-то из глубины души раздавался голос, который осуждал такую жестокость и себялюбие. И потом, кто из людей мог спуститься на дно морское и найти там такую крохотную вещицу, как ключ размером с палец.

Но королю так хотелось понравиться Мариолу-Мариолон! И, боясь, что она и вправду вздумает вернуться к себе домой, ко-

роль все же поступил со своим рыцарем вероломно и бесчестно. Он приказал Яну немедленно явиться во дворец. Молодой человек с удивлением и огорчением выслушал приказ короля, после чего выпрямился, почтительный, но рассерженный, и сказал:

— Господин мой, я не собираюсь сам себя расхваливать, но осмелюсь спросить: кто еще из ваших подданных сделал для вас только, сколько сделал я? Я не ишу ни почестей, ни богатства, ни даже вашей признательности. Договор, который заключили между собой наши отцы в стародавние времена, уже выполнен, как вы сами мне говорили. Я исполнил последнее ваше поручение, рискуя жизнью, преодолел много опасностей. Теперь мы квиты, и я прошу у вас разрешения вернуться к моему отцу, который ждет меня, горюя и страдая.

Вы и сами прекрасно понимаете, что нет на земле человека, который смог бы обшарить все морское дно и принести ключ от сундучка индийской царицы. То, что упало в море, — потеряно навсегда. И несправедливо будет с вашей стороны силой заставлять кого-то искать этот ключ, да и не думаю я, что вы настолько бессердечны. Приходится признать, что вы правите всеми людьми в этой стране. Но значит ли это, что вы можете посылать подданных на верную погибель? И если человек откажется искать этот ключ, вы силой заставите его это сделать?

Эти слова для короля были настоящим ударом. Вместо того чтобы разгневаться, он ответил Яну грустно и приветливо, что для него будет настоящим позором и унижением, если принцесса Мариолу-Мариолон возьмет да и уедет домой и никакой свадьбы не будет. Все короли-соседи будут насмехаться над ним, когда услышат о таком происшествии, и это будет стыд и срам не только для самого короля, но и для всех бретонцев.

Слова короля заставили Яна ар Гергоада на некоторое время задуматься. Его возмущение утихло, и ненависть, которая уже начала было разгораться в его сердце, стала таять, как снег, наметенный возле горящего очага. А король признался, что и впрямь поступил бессердечно, послушав свою мачеху. И рассказывает в том, что столько раз уже доставлял своему рыцарю неприятности, с тех самых пор, как тот появился при дворе.

— Ну что ж, — вымолвил король. — Если ты не согласен отыскать ключ царицы, то тебе не о чем волноваться. Я знаю,

что ты всегда мне служил верой и правдой, и поэтому, если отказываешься сегодня выполнить мой приказ и найти ключ на дне морском, значит, никто из людей не в силах это сделать. Будь уверен в том, что я благодарен тебе за все и не стану силой заставлять тебя выполнять приказ, который я вынужден отдать, повинуюсь чужому капризу, жестокому и опасному.

Вот это да! Слова короля так подействовали на Яна, что лицо молодого рыцаря, которое только что было мрачным и встревоженным, просветлело, и на нем заиграла грустная улыбка.

— Господин король, — ответил рыцарь. — Я хотел убедиться в том, что вы еще можете быть милостивым. И в вашем сердце сохранилась хотя бы капля сострадания. Теперь же, слава Богу, я убедился в том, что вы умеете быть благодарным. И то, что вы только что объяснили мне все как есть, без утайки, лучше любых пространных рассуждений. Раньше я вас ненавидел, но теперь мое сердце наполнено любовью, которую вы пробудили в моем сердце своими ласковыми словами. И теперь я отвечаю вам: гоните печаль прочь от себя и езжайте в Ренн с царицей Мариолу-Мариолон. Завтра вы получите потерянный ключ и отдадите его своей невесте.

Покинув короля, Рыцарь ар Гергоад отправился к морю. Когда он пришел на морской берег, то стал искать уединенную бухту. Там, на берегу, он вынул из кармана перламутровую раковину, которую подарил ему Король рыб, и подул в нее.

Раковина затрубила как медный рог, и этот звук разнесся далеко вокруг с попутными ветрами и достиг дна морского. Молодому рыцарю не терпелось увидеть рыбьего короля. Во время ожидания он был и взволнован и обрадован.

И вот, наконец, на поверхности воды показался огромный кит. Он спросил Яна, зачем тот позвал его.

— Великий король, — ответил ему Ян. — Ключ от сундучка индийской царицы упал в море, и мне надо найти его. Пожалуйста, будьте так добры, помогите мне найти его.

Морское чудовище тут же нырнуло в море и приказало своим подданным сделать то, о чем просил его Ян.

Уж не знаю, что там творилось в морских глубинах, но, прождав полдня или около того, Ян увидел, как вода перед ним забурлила и показался рыбий король со всеми своими подданными. Море запестрело от рыбьих голов, высунувшихся на поверхность. Вода будто кипела от постоянного движения.

— Ну что, — спросил своих подданных рыбий король, — есть ли среди вас кто-нибудь, кто слышал о ключе от сундучка индийской царицы?

— Никто его не видел, — отвечали они в один голос.

— А все ли здесь собрались? — спросил их король. — Никто из моих подданных не задержался и не потерялся по дороге сюда?

И тут одна маленькая рыбка, анчоус, подняла свою узкую голову неподалеку от толстой морды большой трески и крикнула тоненьким голоском:

— Морской угорь не приплыл. Вечно его где-то носит, наверное, где-то застрял, как всегда, вот и не видно его с самого утра.

Стали искать среди рыб — куда подевался морской угорь? — никто не смог его найти. Король только было собрался разгневаться на заплутавшую рыбу, как вдруг увидел, что угорь подплывает, запыхавшийся и полуживой от усталости:

— Господин король, простите меня за то, что я так опоздал сюда и заставил вас ждать! Сегодня утром, когда я искал в узкой пещере, чем бы поживиться, мой хвост непонятно как зацепился за какую-то блестящую штучку, и как я ни пытался ее стряхнуть с себя, но так и не смог распутаться. Так и пришлось тащиться сюда с этой дурацкой штучкой на хвосте!

Все взглянули на хвост морского угря, и Король рыб сказал, что, вне всякого сомнения, «дурацкая штука», которая прицепилась к угрею, это и есть тот самый золотой ключ, который обронила индийская царица. Один проворный омар смог распутать хвост угря, завязавшийся узлом, и снять с него ключ. Получив блестящую вещицу, Ян ар Гергоад тут же узнал ее — да, этот был именно тот самый ключ от сундучка Мариолу-Мариолон! Молодой рыцарь поблагодарил Короля рыб и его морской народ и поспешил в ближайший городок, чтобы попросить одолжить ему одного из королевских коней, оставленных там, чтобы как можно быстрее доскакать до Ренна.

Резвый конь быстро одолел дорогу, и на следующий же день рыцарь прибыл в столицу Бретани. Когда он вошел во дворец, там, в большом зале, уже собрались все: и король, и царица Мариолу-Мариолон, и вся их свита. При виде Яна все разом встали со стульев, так им не терпелось узнать от него новости. Ян не обратил на это внимания и напрямик направился к королю, чтобы вручить ему бесценную находку. Со всех сторон послышались возгласы восхищения и восхваления, но и на это Ян не обращал внимания. Он сказал:

— Господин король, а теперь отпустите меня домой к отцу.

— Верный мой рыцарь, — ответил ему король, — к отцу ты отправишься попозже. Остаешься здесь, пока мы будем праздновать свадьбу, потому что теперь, после того как ты помог мне, царица Индии безо всяких проволочек соединит свою судьбу с королем Бретани узами священного брака!

Но не успел король до конца произнести свои слова, как где-то в глубине зала послышался звук арфы и кто-то запел прекрасную песню:

Слушайте все, и пусть всяк удивится!
С милой Левенез никто не сравнится.
Наша Левенез красива, как пава,
Всюду гремит ее доблесть и слава:
И на коне, и на море бывала,
Старого Мерлика ловко поймала!

Тут все принялись удивленно переглядываться: песня так поразила всех, что никто не мог ни слова вымолвить. Лицо Яна ар Гергоада тут же стало красным, как тлеющие угли в камине, — так потрясло его то, что он услышал. Волшебник Мерлик, который стал тихим, как комнатная собачка, сидел и воспевал таким вот манером подвиги дочери господина ар Гергоада.

Когда король вновь обрел дар речи, то спросил у Левенез, правда ли то, о чем пелось в песне. Дрожа от волнения, девушка призналась, что в песне нет ни капли лжи, и, опасаясь, что король разгневется на нее и сочтет выполнение их договора недействительным, стала оправдываться и рассказала, как она решила приехать в Ренн вместо сбежавшего брата. Но король

не стал долго слушать, а протянул найденный ключ индийской царице со словами:

— Вот, дорогая госпожа, это принадлежит вам, возьмите! И разрешите мне вернуть свое слово назад. Примите мои извинения за то, что пригласил вас сюда. Я слишком часто был несправедлив к Левенез ар Гергоад. Не могу я стать вашим мужем, я должен оплатить мой долг перед этой девушкой. Это не просто дочь благородного человека, но, как говорят в ее краях, это человек, который лучше собственного происхождения! И поэтому я перед всеми вами прошу у этой девушки руки и сердца! Стань женой бретонского короля!

И тогда Левенез ответила тихо и приветливо:

— В который раз, мой господин, я покоряюсь твоей воле!

И тут все стали хлопать в ладоши, а индийская царица, рассерженная и оскорбленная, ушла со своими придворными дамами прочь. Но на этом дело не кончилось. Мачеху короля вконец обьяла ненависть, ее хватил удар, и она тотчас же умерла. И никто не пожалел о ее смерти.

Несмотря на траур, сыграли веселую и радостную свадьбу. Отец юной королевы приехал, чтобы воздать ей почести вместе со всеми своими детьми, за исключением младшего сына-предателя. Отец, братья и сестры проводили Левенез до церкви.

Все жители страны были приглашены на свадебный пир, и на протяжении трех месяцев пиروвавшие по три раза на дню усаживались за стол. И каждый, кто приходил на этот пир, до отвала наедался самыми вкусными кушаньями.

Король Бретани и его жена Левенез были счастливы всю свою жизнь. Их детям с малолетства была привита любовь к Богу, и все они, когда выросли, могли служить добрым примером для остальных бретонцев.

История Левенез, или Рыцаря ар Гергоада, показывает нам, что Бог никогда не оставляет тех, кто благосклонен к беднякам, а также к тем, кто не теряет присутствия духа, когда попадает в беду. Так что верно говорит старая пословица:

То одна беда, то другая, но все же
Одна на другую беда не похожа.

Человек в чугунном котле

Жили-были старик и три его дочери. И было у них немного земли. Дочери каждый день работали в поле, а отец, слиш-ком старый, чтобы в поле пахать, оставался дома, за скотиной ухаживал. Но каждый день ходил проведать дочерей. И вот однажды, когда он шел к ним, встретился ему по дороге хорошо одетый господин, сам красивый, но только все, что ниже пояса, было у него в чугунном котле. И при этом шагал он на костылях вполне неплохо.

— День добрый, крестный, — сказал он старику

— И вам тоже, господин!

— А отдашь ли ты за меня одну из твоих дочек?

Пригорюнился старик, но все же сказал:

— Отчего ж не отдать, если они сами согласятся?

— Ну что ж! Поди да скажи им, пусть придут сюда и погово-рят со мной.

Пошел старик в поле, позвал дочерей:

— Мари, Жанед, Годиг, идите скорее сюда! Девушки услы-шали отца и прибежали к нему.

— Что такое, батюшка?

— Тут на дороге стоит красивый господин и хочет на одной из вас жениться.

И тут же помчались девушки к дороге, каждой хотелось первой поспеть. Но когда увидели человека в котле, то сразу за-голосили:

— Это он? Да кто ж за такого замуж-то пойдет?

— Только не я! — сказала старшая дочь.

— И не я, — сказала средняя, — даже если у него в котле золота доверху!

— Нужно одной из вас за меня замуж пойти, а не то отец ваш до дому живым не доберется.

— Вы, наверное, над нами смеетесь? Да кто ж за вас пойдет-то?

— Я пойду за вас, — сказала младшая дочь, которая до того еще ни одного слова не проронила, — потому что я не хочу, чтобы отец мой пострадал.

И тут же назначили день венчания, и сказали им пригласить столько людей, сколько им хотелось.

И вот когда настал день венчания, на свадьбу пришло много-премного людей. Молодые ехали в церковь вдвоем на прекрасной золоченой карете. Когда невеста вышла из кареты, оказалось, что она так хорошо одета, что никто ее не признал, — вся в золоте и жемчугах. И жених вышел из кареты, тоже весь разодетый, но ниже пояса у него по-прежнему был чугунный котел. Все, кто его видел, удивлялись. Когда он шел с невестой вдоль перил, то высунул ноги из котла, но только ноги, все остальное там осталось. Свадьбу сыграли прекрасную, целый день веселились и плясали. А когда закончился свадебный пир, человек в чугунном котле спросил у старика, знает ли тот, кто его хозяин.

— Нет, — отвечал старик, — я не знаю его, каждый год в день Святого Михаила я плачу его поверенному в городе Гвенгампе, а самого господина я в глаза не видел.

— Ну так вот, я твой господин. Землю эту я тебе отдаю да остальным двум дочерям, а за младшую не беспокойся, у нее всего будет вдоволь.

Сел он в свою золоченую карету и уехал вместе со своей женой.

И если раньше у старика с тремя дочерьми дела шли не очень гладко, то теперь зажили они на славу. К ним приходили молодые люди, старались познакомиться со стариковыми дочерьми на крестных ходах и новосельях. И скоро одна из девушек собралась замуж.

— Твоя сестра скоро замуж выйдет, — сказал человек в чугунном котле своей жене, — ты одна на свадьбу отправись.

Станут тебя обо мне расспрашивать. Только не говори никому, что каждую ночь я вылезая из своего котла, иначе горе тебе будет, да и мне тоже. Я хоть там и не буду, все равно узнаю, если скажешь. Моя золоченая карета отвезет тебя домой, а запрягут в нее кобылу, у которой пламя пышет из ноздрей, а хребет у нее острый, выпирает будто жердь, и на спине этой кобылы тебе придется скакать домой, если ты проговоришься.

И вот отправилась молодая жена на свадьбу к сестре в своей красивой золотой карете, одетая так красиво и сама такая пригожая, что никто на свадьбе не смел и близко к ней подойти. И все девушки и женщины принялись ей завидовать. А когда пир окончился, одна старая тетушка, которая хлебнула лишнего, решила заговорить с ней:

— Господи Иисусе! Племянница моя, ну какая же ты красивая да распрекрасная! Сядем-ка здесь, выпьем старого винца, и ты мне про свое житье-бытье расскажешь. Ну как твой супруг, здоров ли? Все ли у него путем?

— Да, тетушка, благодарю.

— А что он к нам сюда не пожаловал? А я так бы хотела с ним потолковать. А скажи, он ни разу не вылезал из своего котла?

— Нет, тетушка, ни разу.

— Да, милая, и как же мне жалко тебя: вот достался тебе муж — все, что ниже пояса, у него в котле! И как же так, и ночью тоже? Он прямо и спит в своем котле?

— Да нет же, ночью, перед сном, он из него вылезает!

— А! Ночью он из своего котла вылезает!

И тут же тетушка пошла и всем об этом рассказала.

А на следующее утро пришел слуга и сказал молодой жене, что нужно немедленно отправляться с ним — муж требует ее.

Испугалась она.

— Пропала я! — сказала она сама себе.

Пошла она за слугой. А когда подошла к двери и глянула во двор, лишилась чувств, потому что увидела, что никакой кареты больше не было, а была только тощая кобыла, у которой острый хребет выпирал, словно жердь.

— Садитесь на лошадь, — сказал ей слуга.

— Нет, лучше уж я пешком пойду.

— Вам нужно ехать верхом на этой лошади.

И слуга посадил ее на кобылу, и помчались они галопом.

А когда прискакали в замок ее мужа, все, кто там был, встретили ее лютой бранью:

— Ага, приехала, негодяйка, мерзавка, чертова жена! — кричали ей слуги и батраки. — Вот когда родишь (а она была беременна), тебя прирежут, как больную суку!

И сам хозяин был в гневе.

— А, несчастная женщина, дьявольский твой язык! — крикнул он ей. — Ты меня погубила и сама себя тоже! Мне всего только шесть лет оставалось в этом котле ходить, а теперь мне в нем оставаться еще шестьсот лет придется!

Бедная женщина убивалась, плакала навзрыд и говорила:

— Отвези меня обратно к отцу!

— Если правдиво твое горе, если ты сделаешь все, как я скажу, ты еще сможешь меня спасти.

— О, скажи все, что угодно, и я для тебя это сделаю!

— Тогда слушай внимательно. Надо тебе теперь раздеться догола и на коленях пройти до подножия креста на перекрестке. Когда ты туда доберешься, польет дождь, поднимется ужасный ветер, загремит гром, но, какая бы страшная ни была непогода, оставайся там. Тогда прискачет белый конь, он будет ржать и поднимет адский шум. А ты не пугайся, он немного постоит около тебя. Стукни его по лбу рукой и спроси: «Будешь мужем?» Тогда он унесется прочь, и тут же примчится бык, который поднимет шум еще больше, так что задрожит под ним земля. Но и тогда ты не пугайся и его ударь по лбу и скажи ему: «Будешь братом?» Тогда он унесется прочь, а на его место придет черная корова, которая поднимет шум и гром еще большие, чем белый конь и бык. Но и тогда ты не пугайся. Она постоит немного около тебя, а ты тоже ударь ее по лбу и спроси: «Будешь мне матерью?» И если ты выдержишь все это, если смелости у тебя на все это хватит, то от моих мук будет мне избавление и тебе от твоих тоже.

— Я это сделаю, — сказала молодая жена.

И она разделась догола, дошла на коленях до креста, и тут же полил дождь, поднялся сильный ветер, загремит гром! Жутко

было все это слышать! И тут же прискакал белый конь бешеным галопом со страшным ржанием. Перед крестом он ненадолго остановился. Женщина подошла к нему и ударила его рукой по лбу, а сама спросила: «Будешь мужем?» И тут же умчался конь. Тогда со страшным шумом появился бык. «Будешь братом?» — спросила она и ударила его по лбу, и тут же бык умчался. А дождь, ветер и гром все сильнее и сильнее. И тут с ужасным криком появилась черная корова, под которой задрожала земля. «Будешь матерью?» — сказала ей женщина и ударила ее по лбу. И тут же корова ушла.

Дождь стих, ветер улегся, гром перестал греметь. Небо стало чистым и ясным. С неба прямо к кресту спустилась золоченая карета, и из нее вышел муж и протянул женщине ее одежду. Бросились они друг к другу и обнялись, плача от радости.

— Ты всех нас освободила, бедная моя женушка, — меня, моего брата и матушку мою! Ведь это я был белым конем, а мой брат — быком, а черная корова была моя матушка. Долго все мы трое были заколдованы, но теперь нам больше страдать не придется. Я теперь не буду ходить в чугунном котле. У моего брата есть золотой замок, и он в благодарность нам его отдает, и там мы и будем жить все вместе, счастливо и спокойно!

И тут такой пир они устроили, уж поверьте мне!

Если б я была где-то неподалеку, я бы там лучше подкрепи-лась, чем у вас тут, только одна картошка и на обед, и на ужин!

*Рассказано Барбой Тассель из городка Плуаред. Декабрь
1868 года*

Сын короля Ирландии

Давным-давно жили на свете муж и жена. Происходили они из одной знатной семьи. Так случилось, что умерла жена, а муж — вслед за ней, и остались от них на земле сын и дочь. Эрри звали сына, а дочь называли Энори. Когда их отец почувствовал, что скоро покинет этот мир, позвал он к себе детей и сказал им:

— Послушайте, дети мои, совсем скоро останетесь вы одни на земле, потому что я вас оставляю. Но перед смертью попрошу я вас всегда быть вместе, всегда держаться друг друга.

Тогда сын ответил отцу, что слишком сильно любит свою сестру, чтобы оставить ее одну:

— За это не бойся, отец, я всегда буду вместе с сестрой. Мне нетрудно будет сделать то, о чем вы меня просите.

Вот умер отец, и юноша с девушкой (а брату тогда было семнадцать лет, а сестре шестнадцать), которые действительно очень любили друг друга, без труда уживались вместе.

Да и то сказать, было у них на что жить, ни в чем себе не отказывая. Так и жили они счастливо.

Да только недолго это длилось: когда счастлив человек на земле, или одно, или другое этому счастью должно помешать.

Но прошло время, и Эрри, которому надоело все время сидеть дома, начал ходить в лес на охоту. Он уходил из дому чуть свет и возвращался под вечер только для того, чтобы поужинать и лечь спать. А на следующее утро он уже был на ногах и снова ходил-бродил до самого вечера, как и накануне. Вот какая жизнь у него теперь была. И вот однажды сказала ему сестра:

— Нехорошо ты делаешь, братец. Я не говорю, что плохо иногда побродить на свежем воздухе. Но так вот все время бегать неизвестно где в любую погоду, гробить себя попусту, — по моему, это неразумно. К тому же пока тебя нет дома, сюда могут прийти всякие люди и обидеть меня, а я и защититься не сумею. Ты должен вспомнить слова отца, он нам наказывал никогда не разлучаться, царство ему небесное!

Это и многое другое говорила Энори своему брату день за днем и, наконец, убедила его. Он понял, что она твердила ему это только для его же блага. И перестал он вообще уходить из дому.

Но так вот сидеть при сестре, как привязанная собачка, молодому человеку стало скучно. Он не знал, чем бы занять тело и душу. И вот захотелось ему вдруг отправиться в путешествие, и он рассказал об этой своей затее сестре. Та заплакала и снова напомнила ему то, что говорил отец перед смертью.

— Да, — отвечал брат, — ты права, Энори. Ну и что с того? Я слишком молодой, у меня в венах кровь кипит так, что я не могу тут сидеть и смотреть на небо, а время идет. Мне нужно поехать по свету. Я вернусь скоро, ты и соскучиться не успеешь, а я уже дома буду. А чтобы не забыть о тебе, я возьму твой портрет, который вот здесь стоит, если, конечно, ты мне его отдашь.

— Да, с удовольствием отдам, — отвечала сестра, — ведь все, что принадлежит мне, принадлежит и тебе. Возьми его, раз он тебе нужен. Прошу тебя только об одном, возвращайся скорее.

Эрри забрал портрет. Он взял с собой много золота и серебра, поцеловал плачущую сестру и — как ее было жалко! — отправился в путь.

Он переплыл море и оказался в далекой стране, где никого не знал, и очень быстро растратил все, что у него было. И вот оказался этот красивый молодой человек без гроша в кармане, и нечем ему было даже утолить голод. И надо было ему либо дальше жить, либо помирать, да только вот, по совести говоря, этот юноша не привык ни в чем нуждаться, да и работать тоже не привык. Но и погибать ему тоже не хотелось. Легко говорить о смерти, когда она далеко, а когда взаправду приходит смертный час, совсем другое дело. Голод не тетка, перенести его нелегко.

И к тому же этот молодой человек, одетый как богатый господин, с трудом нашел бы себе работу, если бы даже и очень

захотел ее поискать, да только он даже и поискать-то ее и не пытался.

Он и так и сяк прикидывал, что бы ему такого сделать. А был он далеко от Нижней Бретани, в Ирландии, в столице этой страны. В этом городе, как говорили, жил король. И что сделал Эрри? Поскольку был он хорош собой и опрятен, да к тому же много чему обучен, пошел он прямо к королю и сразу попросил разрешения с ним поговорить. И ему приказали подняться к королю.

Вот взошел он наверх и тут же оказался перед сыном короля и спросил у него — а кто перед ним был, он не знал, — не может ли король найти для него какого-нибудь занятия.

— Что же, — спросил принц, — вы хотите получить работу? Впрочем вы тут появились. Если вы мне расскажете, кто вы такой и откуда приехали, то я вас выслушаю и решу, что мне с вами делать.

— Я не из этой страны, — отвечал молодой человек, — я родом из Нижней Бретани. Родители мои были знатного рода и большого достатка, а после смерти отца и матери мы, сестра моя и я, остались одни. Но вскоре мне надоело сидеть дома. Захотелось мне узнать мир, и я приехал сюда. На первое время денег у меня было достаточно. Но правду говорят, тратить без заработков — так долго не протянешь. Так и со мной случилось: богатство мое каждый день подтаивало, а сейчас и вовсе ничего у меня не осталось, и я вижу, что надо мне что-то делать, чтобы жить дальше. Вот так, в двух словах, господин, рассказал я все о себе и о своей жизни. И прибавить мне нечего.

— Хорошо, хорошо, — сказал принц, — теперь идемте со мной к моему отцу. Вы не раскаетесь в том, что сказали мне правду о том, что с вами приключилось.

И пошли они вдвоем к королю. Когда они пришли к королю Ирландии, принц сказал:

— Отец, вы знаете, что мой помощник не так давно оставил свою службу. Вот один молодой человек из Нижней Бретани, который отныне будет при мне, согласны ли вы на это?

— Если тебе так хочется, пусть так и будет, — ответил ему король, — поступай с этим человеком, как тебе угодно, я не против.

— Как хорошо! — обрадовался принц. — А теперь, молодой человек, пойдите ко мне в комнату и поговорим немного.

Когда они пришли к нему в комнату, принц спросил у бретонца, согласен ли тот следовать за ним куда угодно: это было единственное, что он должен был делать.

— Да, конечно, — отвечал Эрри, — Я останусь при вас и буду очень рад, если вы соизволите взять меня на службу.

— Вот и славно, — сказал принц, — и вы об этом не пожалуете. А что касается жалованья, то платить я вам буду столько же, сколько получал человек, который был до вас: двести экю в месяц! Достаточно ли этого?

— О да, этого вполне достаточно, я вас благодарю!

И вот с тех пор стал наш молодой человек повсюду сопровождать сына короля Ирландии, куда бы тот ни направился, и вскоре сделался его другом, так что трудно было принцу, если вдруг Эрри приходилось его покинуть, пусть даже ненадолго. Бретонец был бы просто счастлив, если бы только мог при этом не вспоминать о своей сестре. День и ночь он будто слышал отца, который говорил ему: «Ты плохой брат и непослушный сын! Где твоя сестра?» Он слышал и голос своей любящей сестры, которая звала его вернуться обратно, он видел во сне ее, опечаленную, видел, как она плакала, жаловалась сама себе, но ни одна живая душа не могла ее услышать.

Все это так мучило молодого бретонца, что он стал опасаться, не заболела ли его сестра, а то и хуже того — вдруг взяла да и умерла с горя.

Каждую ночь в своей комнате Эрри, как только оставался один, запирал за собой дверь и то плакал навзрыд перед портретом сестры, то целовал ее изображение.

Спальня сына короля Ирландии была рядом со спальней Эрри. Принц слышал, как тот плачет и причитает. И вот однажды он спросил у бретонца:

— Хватит, друг мой, скажите мне, что это за причитания, которые я от вас слышу каждую ночь, когда вы остаетесь один в комнате? Только, прошу вас, не надо отпираться, расскажите мне, что же вас так печалит, и, если смогу, я вашей беде помогу.

— Благодарю вас, но ничего меня не печалит, а если вы и слышите, что я плачу по ночам, то это, наверное, я во сне взды-

хаю. Кто или что может причинить мне боль, ведь я так счастлив рядом с вами?

— Ну что ж, тем лучше, — отвечал принц, — если ничто вас не беспокоит. Ведь мне больно и горько было бы расставаться с вами, я бы по своей воле никогда этого не сделал!

Бретонец знал, что принц говорил правду, что он был счастлив быть рядом с ним, но как бы ему это ни нравилось, он не мог оставить сестру одну. Он не переставал о ней думать ни ночью, ни днем и, как только представлялась возможность, бежал к себе в комнату, чтобы полюбоваться на ее портрет.

Молодой принц видел, что душа его друга омрачена какой-то нелегкой думой, о которой тот не осмеливается рассказать, стал повнимательнее и догадался, что с его другом происходит что-то серьезное. Каждый раз когда Эрри уходил к себе в комнату и возвращался оттуда, принц спрашивал его:

— Долго же вы там пробывали! И почему это вы так часто от меня прячетесь?

Бретонец хорошо понимал, что ему тяжело будет отпроситься на побывку к сестре, и мысли об этом еще увеличивали его горе. Он все больше и больше причитал, плакал и вздыхал в своей комнате перед портретом сестры.

И вот однажды принц снова услышал все это, и захотелось ему разузнать, что же все-таки происходит с его другом.

— Может быть, — сказал он себе, — он болен и не решается сказать мне об этом. Надо выяснить, в чем тут дело.

И он пошел посмотреть, в чем же дело. Но далеко идти ему не пришлось, он остановился перед дверью, которая была заперта изнутри.

На следующий день первым же делом принц спросил бретонца:

— Мой друг, вы что-то от меня скрываете, и, если бы вы не заперли от меня вчера дверь, я бы узнал, в чем дело. Вчера вечером я снова слышал, как вы плакали (и это было не в первый раз!) и рыдали, словно Мария Магдалина. Если вы больны или вас гложет какая-то печаль, скажите мне об этом, и, если смогу, я чем-нибудь вам помогу. Очень некрасиво, что вы от меня скрываете то, у вас на душе. Вы же знаете, как я вас люблю, и нет

ничего, что помешало бы мне сделать для вас доброе дело, как только я узнаю, что у вас за беда.

— Да ничего я не прячу, совсем ничего, — отвечал молодой человек. — Вы слишком добры ко мне. Я уже говорил вам, что те причитания, которые вы слышали, у меня невольно вырываются, когда я сплю, потому что, когда я просыпаюсь, я ничего такого за собой не помню.

Конечно же, он лгал принцу, и делал это напрасно, потому что, если бы он сразу рассказал все, как оно было на самом деле, уже давно принц и утешил бы его, и помог бы его горю.

Однако сын короля видел, что его молодой друг уже давно от него что-то скрывает, потому что бретонец все худел и худел с каждым днем, и скоро стал тощим как жердь. И чтобы узнать всю правду, принц приказал сделать второй ключ от комнаты своего помощника. И вот однажды ночью, когда бретонец снова запричитал еще жалобнее, чем прежде, держа в руке портрет сестры, принц тихонько на цыпочках прокрался к двери его спальни, открыл ее и застал своего друга в слезах, глядящим на что-то, что он быстро закинул под кровать.

— Что это у вас было в руках? — спросил принц. — И почему вы это выбросили под кровать? Я должен увидеть, что это такое, потому что теперь мне ясно, что вы не всегда говорите мне правду.

И вот Эрри должен был достать портрет сестры и показать его молодому принцу.

— Чей это портрет? — удивился сын короля, пораженный красотой девушки. — Уж на этот-то раз скажите мне правду.

— Это портрет моей сестры, — отвечал бретонец. — Мне теперь нечего от вас скрывать. Поскольку вы очень любите меня, я думал, что вы никогда меня от себя не отпустите. Но я всем сердцем страдал, и вы слышали, как я стонал и плакал: все потому, что я не могу вернуться к сестре. Вот в чем дело. Мой отец, перед тем как умереть, наказал нам держаться вместе, но я был настолько глуп, что уехал из дома, и теперь вот уж сколько времени я слышу во сне голос отца и голос сестры, которые упрекают меня в жестокости. Я люблю свою сестру, я всегда ее любил, и я думаю о том, что уехал от нее так далеко и так долго ее не навещал. Я не знаю, что мне теперь делать! Здорова она или нет,

жива или мертва? Если вы только окажете мне милость и отпустите меня, я тотчас к ней съезжу.

— Ничего лучше и придумать нельзя, и если бы вы только захотели, то смогли бы и раньше рассказать мне о своем горе. Поезжайте-ка, и как можно скорее. Вот вам деньги на дорогу туда и обратно, возвращайтесь вместе с сестрой, и, если ваша сестра так же красива, как ее портрет, я женюсь на ней или вообще никогда ни на ком не женюсь.

— Этот портрет, — отвечал бретонец, — очень похож на мою сестру, хоть он — всего лишь тень ее красоты. Моя сестра Энори в жизни еще краше, и если вы этого пожелаете, чтобы она приехала и стала вашей женой, то она придет со мной и, если пожелает того, выйдет за вас замуж. Если не пожелает — что ж, тем хуже! А если она решит остаться дома, то и я останусь с ней. Лучше объяснить вам все я не смогу, о принц.

— Хорошо, хорошо, — отвечал принц, — все равно поезжайте, и если она решит остаться дома, то сообщите мне об этом. А если придет с вами, то приезжайте вперед нее, чтобы я мог заранее подготовить все к ее приезду.

— Так и будет сделано, — отвечал бретонец. — До свидания, господин!

— До свидания, — ответил принц, — и удачной поездки! Только об одном прошу, не мешкая сообщите мне любые новости!

— Обязательно сообщу, не беспокойтесь об этом, до встречи и доброго вам здоровья!

И отправился бретонец на родину.

Как можно догадаться, наш молодой человек не стал откладывать свой отъезд. Он нашел готовый к отплытию корабль, на котором добрался до своей страны. Этот корабль должен был оставаться в бретонском порту Морлаэ, чтобы получить вести для сына короля Ирландии: так было приказано.

Эрри первым делом отправился к дому сестры. Та очень удивилась, увидев его, расцеловала и сквозь слезы проговорила, что уже давно ждала его и что еще чуть-чуть, и она умерла бы от тоски, если бы он не приехал.

И когда каждый из них излил душу и рассказал о своих страданиях, когда они вдоволь наобнимались, брат сказал сестре:

— Ну теперь послушай, сестрица, это еще не все, у меня есть и другие новости. Ты еще не знаешь, что сказал мне сын короля Ирландии перед тем, как я от него уехал.

— Не знаю, а что он сказал?

— Как только он увидел твой портрет, он не смог удержать свое сердце от того, чтобы тебя не полюбить. И он велел мне привезти тебя к нему, если ты этого захочешь. Он женится на тебе. И еще он сказал, что ни на ком, кроме тебя, не женится. Вот она, эта новость. Он дал мне золота и серебра в дорогу, а вдобавок — корабль, который сейчас в порту Морлэ остался и тебя ожидает, если ты только захочешь когда-нибудь стать королевой Ирландии. Смотри же, сестрица, прислушайся к своему сердцу. Я же не буду ничего тебе советовать, но только кажется мне, что ты станешь самой счастливой королевой на земле. Как хочешь, так и поступай, и, если ты не хочешь никуда уезжать, я останусь с тобой здесь, а захочешь — мы вместе в путь отправимся.

Девушка так ему отвечала:

— Послушай, но есть одна вещь, о которой нужно позаботиться. Ты видишь, что здесь со мной живут моя кормилица и ее дочь. Пока ты по белу свету ездил, я взяла их жить к себе в дом. Так, втроем, жить нам было веселее. И что бы я без них, скажи мне, делала? Ладно! Я прислушалась к своему сердцу и считаю, что я буду счастлива, если поеду с тобой к сыну короля Ирландии, но только если со мной поедут моя кормилица и ее дочь. Уж так мы друг к другу привыкли, что порознь жить не можем.

Этим своим ответом девушка показала брату, что она настолько же добра, насколько и красива.

— Хорошо, хорошо, — сказал брат, — если только это мешает тебе поехать со мной, то возьмем и их, я думаю, что вполне найдется им на что жить, работу им наверняка подыщем, чтобы целыми днями не скучали.

И вот все четверо уложили вещи и, не задерживаясь, поехали в Морлэ. Там они сели на корабль, который их поджидал, подняли паруса и поплыли по морю.

Два или три дня спустя их корабль чуть не потонул: поднялась страшная непогода, и, если бы только не удалось капита-

ну причалить к ближайшей земле, всех бы поглотила морская пучина. Сильно повредили корабль волны и ветер. Все паруса разорваны, дырявые стали, как кружево, мачты поломались, а якорь, который пытались матросы забросить, чтобы остановить корабль во время бури, порвал цепь, да так и остался в море.

И вот теперь, на твердой земле, брат решил как можно скорее отправиться к сыну короля Ирландии, чтобы донести до него хорошую весть, пока корабль будут чинить и приводить в порядок. Он рассказал принцу, что его сестра собирается приехать вслед за ним и что только непогода помешала ей прибыть раньше.

Принц очень обрадовался и поспешил со своим другом в морской порт, куда должен был причалить корабль.

А корабль тем временем починили, и он отправился туда, где его ждал принц. Он уж отплыл достаточно далеко, как вдруг девушке сделалось худо, заболела она морской болезнью, а болезнь эта не из самых легких. Все внутри Энори переворачивалось каждый раз, когда корабль подпрыгивал на волне, и вся еда просилась наружу. Тогда кормилица и ее дочь предложили пойти на палубу и найти какой-нибудь укромный уголок, где ей легче будет освободиться от того, что ей мешало.

И доверчивая Энори послушалась кормилицу. И пока она стояла, перегнувшись через перила и наклонив голову вниз, злая женщина и ее дочь схватили бедную девушку за ноги и выкинули за борт. Девушка полетела в воду, и море унесло ее Бог знает куда. Но она не утонула, и позже мы узнаем, что с ней случилось дальше.

А корабль продолжал свой путь и вскоре оказался в том порту, где его уже ждал сын короля Ирландии, которому не терпелось увидеть сестру своего друга. Принц был на пристани, когда корабль наконец-то причалил. И тут же на берег выпрыгнули две злодейки, и кормилица сказала дочери, когда увидела, что к ним подходит принц:

— Теперь иди к нему и скажи ему, что ты сестра его друга.

Та сделала все, как сказала ей мать. Мать-то ее и научила, как и что делать, для того они и бросили Энори в море, чтобы дочь кормилицы смогла выйти замуж за сына короля.

Принц расстроился, когда увидел, что невеста совсем не похожа на портрет. Дочь кормилицы была совсем не такая красивая, как Энори на портрете, да и как могло быть иначе?

Сын короля рассердился на своего друга и сказал ему:

— Ты обманщик! Да твоя сестра и в подметки не годится девушке на портрете! И нужно же тебе было так далеко ездить, чтобы так ранить мое сердце и так плохо поступить со мной, со мной, кто тебе ничего, кроме добра, не сделал? Ты был моим другом, а теперь ты будто мечом мне по сердцу полоснул, и на сердце у меня теперь тревога и горе.

А бретонец, когда увидел, что нет его сестры, был так ошеломлен, что даже и не слышал того, что принц ему говорил, поэтому и оправдываться не стал. Он только плакал и плакал, думая, что его сестра утонула.

Но сын короля все же сказал ему:

— Хоть ты мне и причинил столько боли, ты мой друг, и ты останешься со мной, а я женюсь-таки на твоей сестре, хоть она и уродливая. И пусть никто никогда не скажет, что я не умею держать данное мной слово. Могу сказать только, что не будем мы все больше счастливы, как раньше, пока ложь не отравила твои уста.

На этот раз молодой бретонец слышал все, что говорил ему принц, и снова не стал оправдываться: ему неудобно было сказать, что это не его сестра.

Так и ушли они все с пристани, и через некоторое время сыграли свадьбу, и вышла дочь кормилицы замуж за сына короля Ирландии. А тот тут же приказал отослать и мать и дочь в домик, который стоял на краю дальнего сада. И с самого дня свадьбы обе женщины его больше не видели.

И молодой принц, будто он и вовсе не был женат, стал, как и раньше, ходить куда ему вздумается. О жене он и не вспоминал, а его друг по-прежнему следовал за ним по пятам.

А бретонец не мог больше ничему радоваться, так же как и принц, которого он любил все меньше и меньше. Он с жалостью смотрел, как его друг потихоньку сохнет и худеет день ото дня. Теперь Эрри хотел только одного — уйти от людей и от мира.

К тому же он, сам не зная как, поранил ногу и мог ходить только на костылях. Силы уходили от него день ото дня, и, видя,

что скоро, наверное, ему умирать придется, он сказал сыну короля:

— Я больше ни на что не смогу вам стодиться. Самое лучшее, что я могу сделать, это уйти умирать туда, где Бог прикажет мне умереть. Если я найду безлюдное место, куда никто никогда не забредает, мне лучше всего будет уйти туда и там отдать Богу душу.

— Если вы так хотите, — отвечал молодой принц, преисполненный жалости, — если вам хочется удалиться от людей, за три лье отсюда есть лес, который принадлежит мне. Я не думаю, что кто-нибудь из людей пойдет туда и наткнется на вас. Там вы можете остаться жить в заброшенной часовне посреди леса, в ней можно укрыться от непогоды, и от диких зверей, и от всяких злых людей.

— Благодарю вас, принц, — ответил ему молодой бретонец, — за всю вашу доброту. Я пойду туда, куда вы мне сказали идти. Что ж, прощайте, ведь больше мы не увидимся!

— Может быть, и так, — отвечал молодой принц, которому все еще хотелось облегчить страдания любимого друга, — кроме Бога, никто не может знать, что с нами должно случиться.

Попрощавшись с принцем и поплакав, Эрри ушел и с большим трудом добрался до леса, о котором ему рассказал друг. За день он до этого леса добрался и, смертельно уставший от этого недолгого путешествия, тут же направился к старой заброшенной часовне и присел там на камень, рыдая от всего сердца и говоря так:

— Так же холоден этот камень, как холоден ко мне отныне весь мир. Умерли и мать, и отец, и сестра! И что я здесь делаю совсем один? Лучше бы мне умереть, и так уж мне не терпится отправиться к тем, кого я любил и кто любил меня.

И вот он с болью думал обо всем этом, когда услышал, что дверь часовни, которую он плохо запер изнутри, открылась одним движением, и в эту дверь вошла красивая, как солнце на рассвете, его сестра! Он испугался от неожиданности.

— Если ты — призрак моей сестры, — сказал Эрри, — который пришел за мной, чтобы сопроводить меня к умершим, милости прошу! Скорее дай мне смерть!

— Успокойся, братец, — сказала она, — я не призрак, я действительно твоя сестра из плоти и крови, такая, какой ты знал меня всегда. Я все еще жива, так что не бойся меня. Я слышала, как тебе плохо, и пришла сюда, чтобы вылечить тебя.

Молодой человек подошел, чтобы поцеловать сестру, которая стала еще краше, чем прежде. Он смешал ее слезы со своими, говоря ей:

— Откуда же ты пришла, сестрица дорогая?

— Послушай, — сказала она, — я все тебе расскажу, а пока что подойди ко мне, братец, я посмотрю, что же с тобой случилось.

И вот она достала из кармана двух морских улиток, красивых, будто серебряных, положила их на белую скатерть, которую принесла с собой, и, увидев рану брата, сказала ему:

— Теперь слушай меня. Я буду лечить тебя и расскажу, что со мной случилось с тех самых пор, когда мы с тобой расстались.

И вот девушка промыла рану брата, вымыла оттуда сукровицу водой из одной улиточной раковины и сказала так:

— После того как ты уехал, корабль починили, и мы отправились вслед за тобой. По дороге я заболела морской болезнью. Кормилица и ее дочь сказали мне подойти к краю палубы и наклониться, чтобы мне сделалось легче. Я сделала так, как мне велели, и тут же они выбросили меня в море головой вниз. Падая, я закричала и потеряла сознание, поэтому не знаю, что дальше произошло до того, как я снова пришла сюда. А когда я очнулась и огляделась вокруг, то увидела прекрасный хрустальный дворец. Никто на земле не сможет даже представить, как сияло все в этом дворце. Куда я ни смотрела, видела только золото и серебро. А возле меня сидела красивая-прекрасивая женщина. И она мне сказала: «Не бойся ничего, я спасла тебя в море после того, как тебя туда бросили твоя кормилица и ее дочь. Я принесла тебя сюда. Твоя одежда совсем промокла, и я сняла ее с тебя и, когда ты обсохла — а ты, бедная, вся дрожала от холода, — уложила тебя на постель из перьев морских лебедей. Я дала тебе лекарства, чтобы ты пришла в себя, и теперь ты останешься со мной и будешь готовить снадобья, которые я обычно делаю из морских трав. Лучше этих снадобий, — говорила она, — нич-

то не может излечивать любые болезни. Так что не бойся, ты будешь здесь счастлива. Только не пытайся уйти отсюда, потому что далеко ты не уйдешь, потонешь. Ведь ты находишься в хрустальном дворце, на дне морском, на глубине тысячи двухсот саженей под водой. Над дворцом есть остров, и я туда добираюсь в одно мгновение, когда только захочу, в образе птицы или рыбы, чтобы излечивать раны тех, кто любит меня и кого я люблю. Зовут меня Моргана, и, если ты всем сердцем хочешь остаться здесь со мной, я обучу тебя, и ты будешь знать, какой силой приносить добро и зло обладают все растения, какие только есть на земле и в море. Нет ничего, чего бы я не знала. Нет ни одной раны или болезни, которую я не смогла бы вылечить. Я властна надо всем миром, только Небо не подвластно мне. Вот если ты десять лет будешь обучаться и каждый день узнавать что-то новое, ты узнаешь только малую часть того, что знаю я. Если бы не мои знания, Артур никогда бы не излечился, ни Артур, ни сотни других, кому я вернула силу и здоровье для того, чтобы они могли как следует сносить головы проклятым англичанам!»

— Вот так, — сказала девушка, — рассказала мне все эта красавица Моргана. А через несколько дней она призвала меня к себе. Она была в той комнате, где обычно готовила свои снадобья. Там перед пышущей огнем печью, накрытой большим бронзовым листом, сидела она сама, а рядом с ней лежала куча всяких трав, которые она время от времени подкидывала в печь одну за другой, а потом помешивала огненно-красным прутом, который, как она сказала, был сделан из драгоценных камней. «Доченька, — сказала она, — я позвала тебя для того, чтобы ты от меня услышала о том, что стало с твоим братом. Я прекрасно знаю, что ты его очень любишь и что он тебя тоже любит. Ты очень тревожишься за него с тех пор, как ты потеряла его из виду. Теперь ты вправду можешь потерять его, потому что твой брат серьезно болен и может скоро умереть от тоски по тебе, если ты не придешь и не вылечишь его рану. Твой брат сейчас в старой часовне посреди большого леса. Он там совсем один, и тебе надо пойти навестить его в эту первую ночь. Ты сможешь с ним пробыть два с половиной часа, и за это время ты должна будешь сначала промыть его рану водой из этих раковин, кото-

рые я даю тебе. А потом ты намажь рану вот этим лекарством из второй раковины. Три раза помажешь ты рану этим снадобьем, и она заживет. А когда тебе пора будет от него уходить, я потяну за эту веревку, которую привяжу к твоей левой ноге, и тогда ты быстрее ветра перенесешься обратно ко мне. Я сделаю так, что ты будешь сиять прекрасным светом, похожим на свет зари, и чтобы с тобой ничего не случилось и ничто тебе не помешало найти брата и вернуться назад, вот меч-коса, самый сильный меч, который когда-либо был выкован. Его сделали для Артура, и только ему он принадлежал и снова будет принадлежать когда-нибудь, когда он вернется бить англичан. С этим мечом в руке ты можешь не бояться, что кто-то на тебя нападет. Теперь, доченька, иди и надень ту красивую одежду, которую я приготовила для тебя в твоей комнате, а потом я сама доставлю тебя на берег. Оттуда ты иди прямо и окажешься перед старой часовой, о которой я тебе говорила: там твой брат, на него просто жалко смотреть». Вот так, братец, я была спасена и смогла прийти к тебе на помощь. Сейчас я намажу твою рану лекарственной мазью, боль твоя утихнет, а потом и совсем пройдет. Всего три раза мне надо здесь появиться, чтобы ты стал совсем здоров. Еще две ночи подряд я буду приходить к тебе, а потом нам нельзя больше будет видеться.

— Как же? — спросил ее брат. — А нельзя ли тебя вырвать из рук Морганы? Если бы сын короля Ирландии узнал, что ты здесь, такая красивая, то я не думаю, что тебе пришлось бы возвращаться на дно морское, он смог бы тебя удержать, ведь он так любит тебя!

— Увы, — со вздохом отвечала Энори, — ему было бы нелегко меня заполучить. Ты видишь эту веревку, которая привязана к моей ноге. Она сделана из железа, стали и алмазов: вот что это за веревка. Чтобы помешать мне вернуться к Моргане, надо разрезать эту веревку на много кусков в то самое время, когда пробьет час моего возвращения на дно морское, и не думаю я, что найдется топор или какой-нибудь еще инструмент, достаточно сильный и острый, чтобы перерубить ее одним ударом. А ведь она должна быть разрублена с первого удара, иначе второй уже не поможет.

И вскоре после того, как она сказала это брату, она поцеловала его и вдруг исчезла как молния, вся окруженная прекрасным сиянием.

А теперь отвлечемся от Энори, которая вернулась в морскую пучину и оставила брата в ожидании до следующего вечера.

Пока эти двое разговаривали, какой-то пастух их услышал и увидел.

Этот пастушок потерял своих коров и до поздней ночи искал их по лесам. Он бродил возле часовни и вдруг увидел яркий свет, появившийся неведь откуда и двигавшийся к нему. Сначала он подумал, что это солнце взошло, но тут же он вспомнил, что оно закатилось всего два часа назад, и сказал сам себе:

— Тут случилось что-то новое, ведь это не солнце, или оно слишком быстро вернулось назад. Но это и не луна.

И он смотрел, как сияние приближается к нему. И что же он сделал? Да спрятался за стеной и смотрел оттуда, вытаращив глаза. Он увидел прекрасную барышню, которая вошла в часовню. Пастушок был настолько любопытный, что ничего не боялся, и он подошел к двери, чтобы посмотреть, что же делает девушка в часовне. И сквозь замочную скважину увидел, как девушка поцеловала бледного юношу, который был в часовне. Видел пастух, как она промывала рану брата, и слышал, как она с ним разговаривала. И как он ей отвечал: «Если бы сын короля Ирландии узнал, что ты здесь, он был бы рад, просто счастлив, и обязательно пришел бы за тобой!» А пастушок все подглядел, услышал эти слова, да все и запомнил.

Пошел он прочь, но коров своих искать больше не стал, а отправился к себе домой так быстро, как только мог, и поведал матери о том, что видел в лесу. Мать научила его пойти к сыну короля Ирландии и рассказать — да не кому-нибудь, а только самому королю — все, что он видел. Тогда мальчик (а было ему лет двенадцать) встал на следующее утро пораньше и сразу отправился к королю. Он попросил стражников пропустить его во дворец.

— Выслушайте меня, — сказал он, — и вы не пожалеете. Я должен рассказать принцу важную вещь, которую только он

должен выслушать и больше никто. Он очень обрадуется, когда это услышит.

И солдаты пропустили его. Когда он вошел во дворец, он попросил разрешения поговорить с сыном короля, и ему сказали подняться наверх и поговорить с ним. Мальчик поднялся, постучал в дверь, и ему тут же отворили. Пастушок увидел красивого молодого человека и без лишних слов спросил, он ли — сын короля Ирландии.

— Да, это я, — сказал принц, — а что случилось, мальчик?

— Мне нужно кое-что вам рассказать.

— Говори.

— Здесь я говорить не буду, господин, а то вдруг кто-нибудь услышит. А нет ли у вас какой-нибудь другой комнаты, подальше этой? — и мальчик посмотрел на дверь, которая была закрыта на ключ. — Пойдемте туда, господин принц, и там я вам все расскажу, потому что матушка мне сказала, что только вы один должны слышать мой рассказ, ведь это только вас одного касается.

Молодой принц удивился, услышав мальчика, открыл дверь и зашел в комнату. Пастушок пошел за ним следом и, когда принц запер дверь, рассказал все, что видел и слышал, от самого начала до самого конца.

Сын короля сразу же понял, кем была эта девушка, о которой рассказывал пастушок. Он догадался, что это и есть сестра его друга и что она приходила, чтобы вылечить брата.

— Я должен узнать, — сказал мальчику принц, — правду ли ты сказал. Ты останешься здесь до вечера, а потом, ночью, мы отправимся вдвоем и я сам посмотрю, придет ли она еще два раза, как ты мне сказал.

— Конечно, господин, я же слышал это от нее самой, и даже если это и неправда, то я только повторил вслед за ней.

— Ну хорошо, — отвечал сын короля.

Вот пришла ночь, и принц с мальчиком пошли в лес и вскоре, около десяти часов, увидели прекрасное сияние, которое стало двигаться прямо на них.

— Видите, — сказал мальчик, — это она! Бежим за часовню, а потом вы сможете все и услышать, и увидеть, как я вчера.

Как сказал ему мальчик, так принц и сделал: спрятался, и девушка снова вошла в часовню, пошла к брату и сделала все, как в

прошлый раз. Принц пригляделся к ней внимательно и увидел, что она удивительно похожа на портрет, который он видел у ее брата, и что девушка даже красивее портрета, как и говорил когда-то Эрри.

— Это его сестра, — сказал принц, — теперь я вижу, что не Эрри должен быть осужден, а те две женщины. Я их найду обязательно. Теперь главное — вызволить эту девушку.

Тут он стал слушать внимательнее и услышал, что говорил ей брат и что она говорила брату.

— ...Вот если бы сын короля узнал об этом! — говорил Эрри.

— А если бы даже и узнал, — вздыхала девушка, — он все равно не сможет вырвать меня из рук Морганы. Она же все умеет, и болезни лечить, и все остальное. Она же колдунья.

— Посмотрим, — сказал про себя принц.

И вот по пути обратно во дворец принц обратился к мальчику:

— Правду ты мне рассказал, а теперь ты должен снова идти со мной, чтобы я сегодня же отыскал все, что нужно: и инструменты, и сильных людей. Нам нужно суметь с первого удара рассечь веревку и разрубить ее на много частей.

Вернувшись во дворец, король приказал всем кузнецам рода прийти к нему. И когда они все собрались, некоторым из них раздали куски железа, стали, бриллианты и велели смастерить веревку еще толще и прочнее той, которая была привязана к ноге девушки. А другим дали железо, сталь и бриллианты и приказали сделать шесть острых топоров, достаточно прочных, чтобы рассечь эту веревку.

И веревки и топоры должны были быть готовы к двум часам пополудни. И горе тому, кто не успеет выполнить задание, он поплатился бы собственной шкурой.

Но никто в тот день не был наказан: веревка и топоры были сделаны вовремя и как следует. Шесть силачей тут же стали рядом с цепью, все шестеро разом ударили по ней и одним ударом разрубили ее на шесть частей.

— Вот и хорошо! — обрадовался сын короля. — Люди добрые, не расходитесь по домам, оставайтесь здесь до тех пор, пока мы все вместе не отправимся.... А куда — я вам укажу.

Как он сказал, так все и было сделано. И вот когда солнце закатилось, они пришли в лес и подошли к старой часовне. Пастушок сказал всем спрятаться и ждать девушку.

И когда пастушок и принц увидели, что Энори вошла в часовню к брату, они построили силачей в ряд. Пастушок остался с ними и приказал им:

— А теперь станьте в два ряда, так, чтобы вы смогли ударить все вместе со всей силы по веревке, которая лежит перед вами, когда я вам прикажу. Держите топоры наготове. И ни в коем случае не отставайте один от другого, бейте все сразу. Смотрите на меня!

И вот пробило полночь, еще немного — и часы пробьют половину первого, пора уже сестре уходить от брата навсегда.

Вздыхает брат, плачет, да и сестра горюет всем сердцем. А ей еще надо дать брату силы. Больше — увы! — не сможет она его увидеть, не сможет прийти к нему из морской пучины, она навсегда останется там с Морганой, будет готовить снадобья, которые не смогут излечить ее от страдания и жалости. Да, тяжело доброй сестре уходить от брата, уходить навеки с земли. Как бы ни было хорошо ей под водой, ей лучше было бы остаться и страдать на земле, если придется, как и всем остальным людям. Но делать нечего! Что тут еще скажешь? Поцеловала она брата, обняла его, обливаясь слезами, и попрощалась с ним.

Она торопилась, потому что веревка, привязанная к ее ноге, натягивалась. И тут пастушок приказал силачам ударить по веревке, и разом раздались шесть ударов топоров, и веревка была разрублена на шесть кусков. Оставшаяся ее часть соскользнула в море, и больше никто эту веревку не видел.

Девушка, которая ни о чем не знала, обрадовалась и удивилась, когда увидела, что произошло. Сын короля взял ее за руку, подошел с ней к своему другу и сказал:

— Вот теперь я вижу, что ты ни в чем меня не обманул. Вот твоя сестра, я узнал ее по портрету, я ее люблю и стану ее мужем.

А девушка, когда поняла, что ей не придется больше возвращаться в море и что она сможет отныне остаться со своим братом, сказала королю, что от слова своего, данного принцу, она не отказывается.

— Вот и хорошо! Все, что ни делается, все к лучшему, — сказал молодой принц. — А теперь пойдете все во дворец.

А по дороге домой принц услышал от своего друга рассказ обо всем, что случилось с Энори, о том, как ее сбросили в море кормилица с дочерью. И первое, что сделал принц, когда вернулся во дворец, это приказал зажечь огонь в большой печи и бросить в печь кормилицу вместе с ее дочерью. Поделом досталось обоим злодейкам!

А через несколько дней отпраздновали новую свадьбу — принц Ирландии женился на красавице из нашей страны.

Два месяца подряд длился свадебный пир, без перерыва, и слышал я, что молодая принцесса пригласила много людей из Бретани. Они поехали в Ирландию, а когда вернулись, то рассказывали только хорошее об этой стране и ее жителях, а были это люди очень хорошие, из старинных бретонских семей.

Слух о том, что произошло, быстро пролетел по всем странам; и вот из-за того, что сожгли в печи двух женщин, жизнь которых и гроша ломаного не стоила, пошла войной англичане на короля Ирландии. Это был не лучший повод для войны, но сгодился и такой.

А король к тому времени уже состарился и поставил своего сына во главе своих солдат, чтобы защитить страну. Принц был смелым и твердым человеком. Когда он узнал об этом, не стал отнекиваться, хоть и не хотелось ему от молодой жены уходить и оставлять ее в доме отца. Отец же его, старый король, был очень хорошим человеком, и сын приказал ему следить, чтобы молодой жене никто не сделал ничего плохого.

— Никто ей ничего не сделает, за это не беспокойся, и если ты будешь так обороняться от англичан, как я буду оберегать твою жену от любых бед, то скоро мы опять встретимся, веселые и счастливые.

Правду сказал добрый отец. Он слишком любил свою невестку, чтобы допустить, чтобы кто-то сделал ей что-нибудь плохое.

Прошел месяц или два с тех пор, как молодой принц уехал из дома. Молодая жена каждый день гуляла в саду со своим свекром. Энори обращала внимание на все, что ее окружало, все запоминала, что видела. Однажды она встала рано и пошла в сад.

Калитка была открыта, и принцесса выбежала из сада. В руке она несла меч, который дала ей Моргана. Дошла Энори до дома мельника, который был неподалеку, и попросила у него коня. Мельник дал молодой женщине какую-то клячу, которая стояла у него в конюшне. Энори вскочила на клячу и поехала прочь. Но сколько она ни пыталась заставить свою лошадку скакать побыстрее, кляча все спотыкалась да падала головой вперед.

— Да, вот это подарочек! — сказала принцесса, — Далеко я на ней не уеду! Тпру-у-у, вот тут есть зеленый луг...

Она спешила и пустила лошадь пастись на лугу. Принцесса знала что делала, иначе бы не ушла из дому. Она знала, какова сила меча-косы. Тому, у кого в руках меч, достаточно было только попросить, и он исполнял желания. Принцесса знала об этом и поэтому приказала:

— По велению меча пусть сейчас же здесь будет самый красивый конь, какой только есть на свете!

И тут же перед ней оказался конь такой, каких никто не видал до того, оседланный, под серебряной уздой. Вскочила принцесса ему на спину, и — вперед! Вскоре она оказалась там, где сражался ее муж. А одета принцесса была так, что ее никто не мог узнать, одета она была, как красивый воин.

Две армии сошлись в бою и дрались изо всех сил. Солдаты ее мужа падали за смертью, как мухи, и, как ни старались они выстоять против неприятеля, ничего у них не получалось.

И вот принцесса вскочила на коня и бросилась в самое пекло боя. Она обнажила меч и, как косарь посреди луга, стала косить врагов, и не передохнула, пока не полегла перед ней половина всех англичан, которые сражались против сына короля Ирландии.

А принц и его солдаты тоже в стороне не стояли, они бросились вперед и начали рубить, но, как они ни старались, англичане на них наседали, и нелегко было победить англичан. Молодой принц, видя, что за тяжкий труд ему предстоит, бросился вперед, как дикий бык, и смял англичан. Он сражался яростно, но, если бы не жена, он проиграл бы сражение и ему пришлось бы отступить. Опять начали теснить англичане его людей, но снова показался молодой воин (а на самом деле это была принцесса) и во второй раз помог. Почти половина из тех врагов, которые

остались в живых, были им убиты, а пока он расправлялся с неприятелем, остальные солдаты, как лесные вепри, сражались позади него.

Сын короля Ирландии приказал своим людям подойти к молодому воину и привести его с почестями, чтобы узнать, кто он такой. Но как ни старались они это сделать, ничего не вышло: он умчался из-под самого их носа, и никто не знал, куда он скрылся. Тогда сын короля снова бросился на тех англичан, которые еще оставались перед ним, и храбро принялся их истреблять, и его солдаты тоже ринулись в бой. Но сколько ни били они англичан, а убили они, наверно, больше трети самых лучших бойцов из тех, кто еще оставался в живых, англичан было все же больше, чем солдат войска Ирландии.

И тут вновь показался молодой воин, и снова он набросился на англичан. Этот бой был для них последним. Воин продвигался вперед, и было видно лишь, как справа и слева от него падают отрубленные головы, валяются наземь люди, а крови вокруг было столько, что грудь коня этого воина была вся красная, как огонь.

Страшно и ужасно было смотреть, как столько людей убивают друг друга, слышать шум, от которого материнские сердца разрывались. И почему же люди, у которых есть разум, не могут договориться без того, чтобы убивать друг друга, хуже диких зверей? Увы! Если встретятся на земле два живых человека и один из них будет родом с одного края света, а другой — с другого, обязательно затеют войну, как только смогут.

На этот раз молодой воин так задал жару англичанам, что пришлось им просить пощады. Им пора было это сделать, потому что все воины, какие только были в Англии, воевали в Ирландии, чтобы, как они говорили, всем сподручнее было унести добычу, которая им в бою достанется. Да уж, славно им досталось, не смогли даже ноги свои унести. Так и остались в чужой земле Страшного суда дожидаться. Высотой в целое лье, а то и больше была гора трупов англичан. А кровь англичан, говорят, не очень хороша для земли, потом на этой земле растут сорняки и всякая дрянь. Но хорошо это или плохо, а много было пролито в тот день английской крови, так что ликовали сердца ирландцев.

И вот настал мир, молодому принцу не терпелось вернуться к жене. Он был рад, что выиграл войну. Только одно его тяготило: так он и не смог узнать, кто же был тот воин, который так выручил и его, и всю армию. Во время последней битвы с англичанами молодой принц смог приблизиться к незнакомцу и спросил у него, кто же он такой.

— А какая вам разница, кто я такой? — ответил тот. — Ничего вам не прибудет от того, что вы имя мое узнаете. Мы победили, так радуйтесь! Мне нужно было вам помочь, и я помог. Этого достаточно.

— Недостаточно, — отвечал принц, снял с груди свой нагельный крестик и отдал его воину в знак благодарности.

Тот принял крестик и ускакал прочь, не сказав ни слова. Этот воин — а мы с вами знаем, кто это был, — скоро прибыл домой, ведь задерживаться по дороге ему не хотелось. Когда молодая принцесса — да-да, это была именно она — очутилась на лугу, там все еще паслась лошадь мельника. Принцесса удивилась, что лошадь стала такой откормленной — а раньше была тощая! Хозяин после этого сам своей лошади не признал, когда принцесса ее обратно привела.

Поблагодарила молодая женщина мельника и быстро отправилась во дворец. Когда она встретила своего свекра, тот удивился и очень обрадовался ей, а потом спросил, где это она была так долго.

— Да так, — отвечала принцесса, — третьего дня гуляла я по саду, увидела, что калитка открыта, пошла в лес, который здесь неподалеку, а когда решила вернуться обратно, дороги не нашла. Только сегодня смогла из лесу выбраться и вернуться во дворец.

— Ну и хорошо что смогла, — сказал ей король, — если бы ты еще немного задержалась, твой муж бы наперед тебя домой приехал, и мне бы от него попало, да и за дело, ведь он мне наказал тебя беречь.

— Ладно, ладно, батюшка, об этом больше не думайте, давайте лучше порадуемся тому, что, если не врет молва, война закончилась.

— Так и есть, — отвечал старый король, — мир заключен! Твой муж написал мне вот это письмо. Посмотри и узнаешь все сама. Оно даже больше для тебя написано, чем для меня. Глав-

ное, что он сам здоров, слава тебе Господи! Говорит, что сегодня вечером вернется или, самое позднее, завтра утром.

— Ой как мне не терпится, — сказала принцесса, — увидеть его и услышать про его подвиги, а ведь он их много совершил, вон в письме написано. Да еще какой-то герой ему помогал..

Не успела она сказать последнее слово, как прибыл гонец и объявил, что сын короля уже подъезжает к городу. Старый король и его невестка вышли принцу навстречу. Вскоре они встретили его и втроем вернулись во дворец.

Во время обеда невестка короля спросила у мужа, что это был за великий воин, о котором говорилось в письме, тот самый, который такие подвиги совершал.

— Ей-богу, трудно мне сказать, кто это был, — отвечал принц, — я и сам этого не знаю. Я уж спрашивал несколько раз его имя, а ему все не хотелось признаваться, кто он, скрывал он свое имя ото всех. Наверное, он не из нашей страны, потому что у себя в стране я не знаю ни одного такого силача.

Молодая жена сделала вид, будто удивилась, она посмотрела на своего мужа и, приглядевшись (а вслед за нею пригляделись и все остальные), не увидела крестика на его груди.

— Ой, — сказала она, — а куда ж ты дел свой крест? Ты его потерял или что-то еще приключилось?

— Потерял, наверное, — отвечал ей принц, уж очень ему не хотелось говорить правду. — Наверное, его сбilo ударом меча или копья во время боя, он упал и потерялся, а я и не заметил.

— Боюсь, муженек, что неправду ты говоришь! Ты отдал его кому-то, и, может быть, вот этот самый крестик и есть твой? — спросила принцесса, достала из кармана и показала всем крест, который получила от мужа.

— И правда, — изумился принц, — это мой крестик, — а как же он к тебе попал?

— А как же ему ко мне не попасть, — отвечала жена, — если ты сам мне его дал?

И тогда принц и все, кто был там, узнали, что это она приезжала на поле боя и совершала те подвиги, о которых принц писал в своем письме. А принц встал из-за стола и при всех поцеловал свою жену.

А молодая жена рассказала:

— Если ты победил и если я смогла тебе в этом помочь, то только благодаря косе-мечу, который был у меня. Против этого меча никто и ничто устоять не может, если тот, у кого в руке этот меч, сражается за правду. Я получила его от Морганы, и, как она мне сказала, до того только одному воину принадлежал этот меч. Этому воину его вручил сам Мерлин. А теперь, муж мой, я передаю этот меч тебе. Береги его, и никогда англичане не смогут тебя победить. И не теряй его никогда: ведь тебе придется сражаться, и много сражаться, с англичанами на протяжении многих лет. Да, должно настать время, когда этот проклятый народ будет раздавлен и изгнан отсюда. Как волков, их погонят прочь из страны или перебьют поодиночке. Со всех четырех сторон света поднимутся люди против них. Будут летать и кричать черные вороны, носиться стаями над трупами англичан, горами лежащими здесь и там. Запомните мои слова, это истинная правда. То, что я вам здесь говорю, я услышала на дне морском в хрустальном дворце от самой Морганы.

После этого, ровно столько, сколько жили на свете сын короля Ирландии и его жена, ни разу не приходили англичане грабить их страну. И правильно делали, потому что заплатились бы своей шкурой. Они это знали и не забывали, как однажды им здорово досталось от отважной бретонки. У бретонцев руки крепкие, и какие-то та дрянные англичане не могут обратить в бегство бретонских девушек.

Как слышал я эту историю от бабки с дедом, так я ее вам и пересказываю. А раз больше нечего рассказать, давайте набьем наши трубки табаком!

Волшебная книжечка

Давным-давно плыл корабль из Бретани в Индию. На этом корабле служил матрос родом из бретонского города Ландерне, бесстрашный был парень и ловкий. А для того чтобы доплыть до Индии, нужно было шесть месяцев провести в открытом море, а то и больше. Ну что ж! На этот раз не полгода, а целых три года плыл корабль до Индии: ветер, шторм и всякая непогода его задержали. И вскоре люди на корабле начали умирать. Они были еще далеко от земли и не знали, как добраться до ближайшего берега. И все уже готовы были надевать траур друг по другу, когда вдалеке показался какой-то остров.

— Ура, — закричали все матросы разом. — Может быть, там мы что-нибудь раздобудем, пусть даже просто пресной воды, и тогда наши усилия не пойдут прахом, ведь мы умираем от жажды.

И вот корабль подплыл к острову, и те матросы, которые еще могли ходить, высадились на берег. А среди них и тот парень, о котором я веду речь, он был среди самых первых.

Когда они очутились на середине острова — а он был небольшой, — то не увидели никого и ничего, кроме маленькой лачуги. Они тут же вошли в нее. Пусть так, может быть, там найдется хоть что-нибудь поесть и попить. Но ничегошеньки они там не нашли, и тут же ушли оттуда все, кроме нашего бретонца. Он задержался после всех остальных и начал там и сям искать и шарить. В каждый угол заглянул, везде посмотрел — а вдруг что найдется? Но ничего он так и не нашел. И вот он уже собрался

уходить вслед за остальными, как вдруг увидел нишу за дверью, а в нише что-то лежало.

— Что это такое? — спросил он сам себя. — А ну-ка посмотрим.

Он протянул руку и вытащил оттуда маленький ларец, довольно неказистый на вид.

— Постой, постой, — пробормотал матрос, — если есть здесь ларчик, не должен он быть пустым. Поглядим-ка.

Стал он крутить ларец в руках, попытался приподнять крышку. И что же он нашел там внутри? Маленькую-маленькую книжку.

Удивился моряк, ведь он-то думал, что там внутри будет что-нибудь покрасивее этой книжицы. Выбросил он ее, так и не открыв, и ушел из хижины, оставив и дверь, и ларец открытыми.

Но когда ему надо было уже возвращаться на корабль, он подумал, что, наверное, книжку в ларец положили не зря.

— Может быть, — подумал он, — там что-то хорошее написано, я сам не знаю что, ведь я даже не посмотрел туда. Ладно, ладно, ничего, раз я умею читать, то смогу узнать, что это за книга такая.

И вот он вернулся назад, нашел книжку и стал листать страницу за страницей. Но листал он ее, листал и не видел ничего, кроме листов бумаги, которые когда-то были белыми, а со временем пожелтели и были изъедены червями. Но все же он просмотрел все страницы до самой последней и разглядел, что на последней странице что-то написано. Трудно было ему разглядеть, что именно. Так что пришлось ему выйти из хижины, чтобы разобрать, что именно. Но вот он прочитал: «Всякий, кто станет моим хозяином, будет иметь все, что пожелает, и сможет делать все, что ему захочется: он должен только попросить об этом».

— Черт возьми, вот здорово! — воскликнул моряк. — Не много же найдется на свете таких же ценных книг! Везет мне сегодня, если, конечно, правда то, что здесь написано. Надо бы проверить.

И тут же — очень ему хотелось есть и пить, — произнес:

— Пусть здесь будет много еды и питья!

И не успел он это сказать, как тут же появилось перед ним все, о чем он просил. И наш бретонец спрятал книжку в карман и набросился на еду. И так он наелся и напился, что едва-едва держался на ногах. А когда его трапеза закончилась, он пошел прочь со своей книжечкой, весело напевая:

— А я нашел еду и питье!

— Ну-ка поторапливайся, — кричат ему, — и где это ты застрял?

А он знай себе напевает:

— А я нашел еду и питье!

— Скорее скажи, — закричали остальные, — где ты столько всего нашел?

— Вон в той хижине, крытой соломой, — ответил он. — Вот если бы вы так же хорошо искали, как я, то нашли бы сами. Дураки вы все, вас пока мордой не ткнешь, ничего не найдете. А я вот уже свой мешок набил и еще унесу еды, если смогу.

Матросы опечалились, когда увидели все, о чем говорил бретонец. Но, как ни вертись, они ничего не могли сказать против: у него в руках был хлеб, а сам он был изрядно навеселе.

Первое, что у них спросили, когда все они вернулись на корабль, было: «Что вы нашли на берегу?»

— Ничего мы не нашли, — ответили они, — только он один задержался там, на середине острова, и нашел то, что мы все искали, а найти не смогли. Он и наелся и напился, так что пришел полупьяный.

Когда оставшиеся на корабле это услышали, то двое или трое из них пошли и доложили обо всем капитану.

Позвали бретонца, и он рассказал, что наелся до отвала всяких вкусных вещей и сделает это еще раз, как только захочет. Но он никому не сказал, как он это сделает, он ведь был не дурак.

— И не стыдно тебе? — спросил его капитан. — Остальные будут за тобой приглядывать.

— Хорошо, — отвечал матрос, — но только, если я захочу, и у всех у них будет и еды и питья столько же, сколько было у нас, когда мы отплывали из Бретани. Но только сделаю я это при одном условии: если вы меня отпустите домой.

— Так я и сделаю, — ответил капитан, — если ты наполнишь корабль всем, что нам необходимо.

— Сейчас вы увидите, — сказал матрос, — если сможете чуть попозже прийти за мной.

И вот он отошел в сторону и сказал:

— Пусть на корабле будет столько еды и питья, сколько было тогда, когда мы отплывали из Бретани!

И тут же корабль был полон еды и питья. Увидел капитан, что бретонец ему правду сказал.

— А теперь отпустите меня, — попросил матрос.

— Не такой уж я безмозглый! — ответил ему капитан. — Ты слишком уж полезный человек на корабле, чтобы я тебя отпустил.

— Ах так, — рассердился матрос, — посмотрим, как я вам понадоблюсь.

А и в самом деле, понадобился он еще до того, как корабль доплыл до Индии. Все, что было на корабле, оказалось выпито и съедено, и капитан пошел к своему матросу и рассказал, что случилось и что нужно сделать.

— Я все сделаю, — отвечал ему матрос, — если только вы мне напишете на бумаге, что отпускаете меня, а иначе — никак!

— А если ты после этого не сделаешь того, о чем я прошу?

— Сделаю обязательно. Я не такой, как вы, я зря не обещаю.

И вот пришлось капитану выполнить то, о чем матрос его просил, а после этого корабль тут же наполнился и едой, и питьем.

— А теперь, — сказал капитан, — посмотрим, как же ты вернешься домой, мы ведь к Индии подплываем!

— А вы за меня не беспокойтесь, — отвечал тот, — я до дома раньше вас доберусь, до того даже, как вы два лье проплывете.

Вышел он от капитана и, улучив момент, когда никому до него дела не было, сказал:

— Хочу быть в Ландерне, в доме матушки!

И тут же исчез с корабля и появился в доме матери, в Ландерне.

А старушка его не ждала и очень удивилась, когда вдруг ее сын открыл дверь. Она так и опешила.

— Как же ты дома очутился? А я думала, ты в Индии!

— Я был недалеко оттуда, матушка, — ответил ей сын. — Но вот я здесь и вернулся насовсем. И больше я не буду по морям плавать, — добавил он и расцеловал мать и старую тетушку, которая с его матерью вместе жила.

Старушки обрадовались и сказали:

— Надо бы пойти и найти, чем тебя угостить.

В доме было немножко денег, хотя старушки жили небогато. И мать моряка сказала сестре:

— Возьми вот эту бутылку и пойдй раздобудь вина, отметим возвращение моего сына.

— Идите вместе, а я дом посторожу, пока вы там ходите, — сказал ей сын.

Обе старушки ушли. Не успели они назад вернуться, а в их маленьком доме на столе уже был накрыт стол, да такими яствами, которых они никогда не видели и не пробовали. Принялись они за еду, как вернулись, и удивлялись, откуда столько всего взялось.

— Теперь, матушка и тетушка, ешьте и пейте вволю. Сколько вы лишений терпели, вам теперь хочется скорее попробовать чего-нибудь вкусенького.

— Но как же, — спросили они, — все это здесь оказалось?

— А это, — отвечал он, — только я один и знаю. Поверьте мне, я ничего ни у кого не украл. Подождите, вам недолго осталось жить в убогом домике, я построю вам новый красивый дом.

И он не соврал. Через восемь дней обе старушки вместе с ним перебрались в красивый дом, самый красивый, какой только был в городе Ландерне и его окрестностях, а как был построен тот дом — никто не знал. Стали люди поговаривать, что моряк, мол, колдун.

И стал он жить вместе с двумя старушками, пока не услышал, что бретонский король объявил по всей стране, что все молодые люди знатного и высокого происхождения должны приехать свататься к его дочери. И вот взбрело же в голову нашему моряку сказать матери, что решил он отправиться в Нант посмотреть, а не стоит ли ему жениться на принцессе.

— Лучше бы тебе, — отвечала мать, — оставаться здесь с нами и выбрать в жены девушку, которая будет тебе по сердцу,

а не ехать искать неизвестно где девушек, о которых не знаешь, ни кто они, ни что собой представляют.

Мудро говорила старая женщина. Но ее сын, который мог делать все, что ему только захочется, считал, что заставит трепетать сердце всякой, на которую падет его выбор.

Ну что ж, посмотрим, что из этого получилось.

Уехал он из Ландерне, а за ним ехали кареты, да такие, каких никогда не видывали: сделаны они были из золота и серебра. Сияли они, будто солнце, и такие были яркие, что никто на них смотреть не мог.

Вот так он и приехал в Нант. Люди в городе говорили, что это, наверное, принц какой-нибудь прибыл в их город. А матрос из Ландерне разоделся как господин. Однако не удалось ему повидать короля так быстро, как ему хотелось. И тогда, чтобы обратить на себя внимание короля, он выстроил за одну ночь перед его дворцом свой дворец, прекраснее королевского.

Когда наутро бретонский король проснулся, он очень удивился (да и кто не удивился бы?), увидев такой красивый дворец, который заслонял от него солнце. Тут же он послал узнать, кто хозяин того дворца. Ему ответили, что это, должно быть, тот самый принц, который приехал в Нант не так давно и у которого такие кареты, каких нет и у самого короля.

— Что ж, — сказал король, — надо бы мне на него посмотреть.

И вот разыскали этого человека и велели ему прийти к королю.

— Я пойду, — сказал он, — сейчас же.

Он пошел к королю, а король принял его как самого знатного принца. Да, когда вы богаты, перед вами как только не расстилаются!

Король и рад был послушать бывшего моряка: язык у парня был хорошо подвешен. А перед тем как уйти, моряк обронил будто нечаянно, что пришел-то он затем, чтобы посвататься к его дочери.

И тогда король сказал:

— Если вы хотите взять замуж мою дочь, то так и скажите.

Моряк так и сказал королю.

— Хорошо! — отвечал ему король. — Вы ее получите. Я сейчас ее сюда позову.

Принцесса пришла, и отец спросил у нее, пойдет ли она замуж за этого молодого человека, который пришел просить ее руки.

— Я буду рад, — сказал король, — если ты станешь его женой.

— Я желаю того же, чего желаете вы, — отвечала принцесса, а она, между прочим, любила другого человека, который был тогда далеко. И ей не хотелось выходить замуж за моряка.

Но она вышла за него замуж. И вот они обвенчались, и король был очень доволен. А вот принцессе все это не нравилось, и, как только ей удавалось, она бегала, как и раньше, на свидания к своему старому другу. А тот, как и все вокруг, удивлялся — откуда это у ее мужа появляется столько красивых вещей, ведь он толком ничего не делал для того, чтобы они появлялись.

— Что-то есть у него такое, — часто говорил принцессе ее друг, — что помогает ему достать что угодно. Тебе нужно выпросить у мужа, что же это такое, а если ты у него эту вещицу еще и сможешь взять незаметно, то принеси ее мне. И тогда мы вдвоем сможем быть счастливы, ведь я вижу, что и ты мучаешься и жалеешь, что вышла за него замуж.

Дочь короля отказываться не стала и сказала, что все выпросит у мужа и узнает, откуда он берет все, что у него есть. И стала она спрашивать. Но не сразу у нее получилось все выпытать. Он все отнекивался, да изворачивался, да отшучивался, пока, наконец, все ей не рассказал. И однажды ночью, когда она упрашивала его еще слаще, чем обычно, он, дурень эдакий, рассказал ей, что никакой особенной силы у него не было бы, если бы не маленькая книжечка.

— Эта книжечка, — объяснил он, — дает все, чего захочется, мне нужно только попросить.

— А где же, — спросила принцесса, — ты хранишь эту книжечку?

— Я всегда, днем и ночью, ношу ее на груди. Она всегда при мне, и никогда никто ее от меня не получит, разве что кто-нибудь ее украдет.

Принцесса ничего не сказала и сделала вид, будто заснула. Зять короля тоже заснул, и когда жена услышала, что он захрапел, тихонько положила руку ему на грудь и забрала книжечку.

А наутро она встала и отнесла книжечку своему приятелю.

Муж принцессы спохватился, увидел, что книжку украли, но было уже поздно. Он пошел в лес охотиться, а когда вернулся домой, спросил, куда подевалась его жена, и ему ответили, что никто ее с самого утра не видел.

— Вот уж провела она меня!

И в самом деле, так оно и было. Дочь короля тут же отдала книжку своему другу и сказала, что с помощью этой книжицы можно достать все, что угодно, нужно только пожелать. Тот приказал книжке:

— Пусть мы вдвоем окажемся за две тысячи лье отсюда, в замке посреди острова, где большой лес, в котором никто не живет, кроме кротов, крыс и мышей!

И не успел он это сказать, как очутились они в этом замке.

Когда король узнал, что его дочь сбежала, он приказал зятю разыскать беглянку. А если не разыщет — то, кроме смерти, нечего ему ожидать. И отправился наш моряк искать свою жену. Вот работка-то — искать ее! Шел он, шел, сколько хватало сил идти. Спрашивал у всех, кто ему на пути попадался, но никто ничего не слышал о принцессе. Но он не отчаивался. Он шел и шел дальше. И вот однажды, уже под вечер, очутился — а ему очень хотелось есть и пить — у большой пустоши, протяженностью в шесть лье. Он решил идти по ней, а когда очутился посередине, уже наступила ночь, стало темно, он споткнулся обо что-то и куда-то упал.

А когда поднялся на ноги, то увидел при свете луны стену из торфа и крышу на ней, будто это дом. Но дом этот был необычный, он занимал столько земли, сколько можно было вспахать за девять дней.

Он удивился и вошел в этот дом, но ему долго пришлось походить, прежде чем он нашел дверь. Когда он ее нашел, он постучался, и ему открыла сторбленная, будто сложенная пополам старушка. С огромными, длинной в руку, зубами.

— Что ты здесь ищешь? — спросила она.

— Я хотел бы остановиться здесь на ночь, если вы будете так добры.

— Я-то соглашусь тебя приютить, но боюсь это делать. Как бы не съел тебя мой сын, а он скоро домой вернется. Он съедает всякого, кто забредает сюда, никого не жалеет.

— А если вы будете так добры, что спрячете меня где-нибудь в уголке, может, он и не съест меня?

— Спрятать-то спрячу, а только он в любом месте человека найдет по запаху и никого не пощадит, кроме родственников.

— Кроме родственников? Но и вы, и ваш сын приходитесь мне родней, ведь ваша бабушка и моя бабушка обе были бабушками!

— И то верно! — согласилась старуха. — Ну тогда все хорошо! Заходи и поешь чего-нибудь.

— С удовольствием, я очень проголодался.

— Тогда иди к столу, вот блины, а вот молоко.

Так оно и было: на столе была огромная гора блинов. Каждый блин был величиной с городскую площадь Ландерне, и наш моряк даже не мог сдвинуть блин с места и, сколько ни ел, не смог съесть даже четверти его, хоть и был ужасно голодный. Миска с молоком была величиной с чан для стирки, а ложка — больше таза, так что пришлось ему обойтись без молока.

Едва он успел поужинать, как услышал ужасный шум, будто ветер поднялся.

— Это что такое? — спросил он у старухи.

— Это мой сын домой возвращается, мой сын, Нижний ветер, давай иди куда-нибудь спрячься.

Моряк так и сделал.

Тут в дом вошел старухин сын. Страшный он был на вид: его руки, ноги и голова были перемешаны друг с другом, то вытягивались, то уменьшались. У него было три больших крыла, а на них — маленькие крылышки. Они лежали сложенными вдоль его хребта. Весь он мог принять какую угодно форму, мог привязать свою голову к своему же горлу. Длинные волосы были обернуты вокруг тела, глаза у него были как у дикого быка, а рот — больше, чем устье печи.

Едва он вошел в дом, как тут же закричал:

— Матушка, здесь кто-то есть!

— Да, есть, — отвечала мать, — твой двоюродный братец пришел к тебе, чтобы спросить тебя кое о чем.

— Двоюродный брат, говоришь?

— Да, точно, твой двоюродный брат, ведь его бабушка и твоя бабушка обе были бабушками.

— Точно! — сказал Нижний ветер, который тоже не был семи пядей во лбу и не стал думать, что бы это значило. — А для чего он сюда явился? Ну-ка подойди, я на тебя посмотрю... — и протянул моряку свою руку.

— Я хотел спросить, — отвечал тот, — не видал ли ты мою жену, когда летаешь по свету.

— Я, — отвечал Нижний ветер, — по белу свету не летаю, я только четверть его облетаю каждый день, и не видел ее там, где я бываю.

— Может, и правду говоришь, братец, — огорчился моряк, — а может, смотрел ты невнимательно. Наверное, она сейчас в каком-нибудь неприметном месте, далеко от людей со своим дружкой, и есть у них незнамо где какой-нибудь красивый замок.

— Если хочешь сам поглядеть, — отвечал ветер, — полетишь завтра со мной, а если вместе ее не найдем, то я отправлю тебя к своему брату, Северо-Западному ветру, и он в своей части света поищет.

— Я полечу с тобой, если ты будешь так добр и возьмешь меня.

И вот на следующий день Нижний ветер поднялся в воздух, а моряк устроился у него на спине. Раньше, когда он плавал на корабле, ему казалось, что быстро несется парусник при попутном ветре, а сейчас он понял, что такое быстрота и как летает сам ветер. Удивительно, каким большим сделался ветер, когда расправил ноги, руки и все свои крылья и полетел по небу так быстро, что слышно было только, как он шумит. Облетел Нижний ветер ту часть света, которая была ему подвластна, но напрасно высматривал моряк свою жену везде, где только мог; так он ее и не нашел. Сказал он об этом Нижнему ветру, а тот, перед тем как отправиться домой, отнес его к Северо-Западному ветру, одному из трех других своих братьев.

— Смотри, — сказал он брату, — это наш двоюродный брат, который ищет свою жену по всему свету. Она сбежала от него со своим дружкой и, верно, далеко запряталась, раз мы не смогли ее найти. Посади его завтра к себе на спину, как я сегодня, а если и с тобой он ее не найдет, то переправь его к одному из двух других наших братьев. Он нам родственник, ведь его бабушка и наша бабушка обе были бабушками.

— И то правда, — согласился Северо-Западный ветер, — он нам близкая родня. Ну что ж, человечек, иди ко мне, садись на спину и держись хорошенько за мои волосы, а то свалишься. Мой братец по сравнению со мной тихоня. А я такой, что, если разозлюсь, ничто меня не остановит: я и деревья в лесу валяю, ломаю в море мачты кораблей, заставляю волны вздыматься до самого неба. Так что берегись. Я быстро летаю и очень тороплюсь вернуться домой.

Дом этого ветра был на вершине самой высокой горы, которая только была в той стране, под большой и широкой скалой, на вершине которой лежал снег. Чтобы войти в дом, ветер изменил свой облик, как делал его брат, и шумно выдохнул воздух, так что сдул с вершины весь снег, который скатился целыми сугробами.

Поев в доме Северо-Западного ветра, моряк как следует выспался и отогрелся, потому что, пока он летал на спине у Нижнего ветра, его как следует, до дрожи, пробрал мороз.

А на следующее утро его разбудило дуновение Северо-Западного ветра.

— Пора нам в дорогу собираться. Давай поторопимся.

И наш моряк, схватившись за белую гриву ветра, холодную, как ледышка, оседлал гостеприимного хозяина.

— Держись как следует и смотри внимательно, вдруг увидишь свою плохую жену.

И ветер полетел со страшным шумом, таким, что горы вокруг задрожали. И вот за два часа облетел он свою часть света, но моряк и там не увидел свою жену.

— Ну как, — спросил ветер, — нигде ее не приметил?

— Нет, — ответил моряк, — боюсь, в твоих краях ее нет.

— Ну ничего, если хочешь, я отвезу тебя к моему брату, Верхнему ветру. Время еще не позднее, и ты успеешь облететь с ним по небу его часть света.

И понес его Северо-Западный ветер к Верхнему ветру.

— Слетай, — сказал он брату, — с этим человеком над твоей частью земли, может, найдет он там свою жену, которую давно уже ищет. Он нам двоюродным братом приходится, мне так Нижний ветер сказал.

— Ну тогда, — сказал Верхний ветер, — ему нужно поспешить, а то мне надо успеть облететь свою часть света до заката. Мне повелели с Небес помешать английским кораблям, которые везут солдат, прибыть сегодня в Индию. Я должен потопить большую их часть, а остальные разметать во все стороны.

И вот наш моряк очутился на спине Верхнего ветра и, когда они пролетали над Индией, смог посмотреть вниз и увидеть в порту тот самый корабль, на котором он служил когда-то. И тут Верхний ветер набросился на английские корабли, и моряк глядел, как ветер их топит и разгоняет. Но пока они летали над морем, моряк все время внимательно смотрел вниз, боясь пропустить дом своей жены, но нигде его не увидел.

— Все, — сказал он Верхнему ветру, — устал я летать по воздуху, наверное, сам черт ее унес!

— Что до моей части света, в ней твоей жены точно нет, ведь я нигде уже давно не видел новых замков. Мы сейчас прилетели к моему брату, Юго-Восточному ветру. Если хочешь, полетай с ним, ему еще много нужно сделать, прежде чем домой отправляться.

— Да, может быть, он что-то видел.

— Послушай, Юго-Восточный ветер, — сказал Верхний ветер, когда очутился подле брата, — а ты ничего не видел нового в своей части света? Вот наш двоюродный брат, который ищет свою жену по всему свету, да все никак не найдет. Он уже готов поверить, что ее черт унес, ведь неизвестно, куда она могла подеваться.

— Да, — сказал моряк, — я в себя не могу прийти от удивления. Думается мне, что она где-нибудь в четырех стенах, и если она на земле, то я скоро найду ее, ведь уже три четверти мира я оглядел.

— Как это так? — удивился Юго-Восточный ветер.

— Наверное, — продолжал моряк, — она в каком-нибудь месте, где никто не бывает, на каком-нибудь острове посреди моря. Кто ее знает?

— Хорошо ты все объяснил, — сказал Юго-Восточный ветер. — А давно она от тебя сбежала?

— Сегодня как раз шесть недель с того дня будет.

— Ну, тогда я знаю, где ее искать. Как раз шесть недель назад я заметил на большом острове посреди моря, где есть только большой лес, прекрасный замок, который поднялся посреди деревьев. Я опускался сегодня туда отдохнуть и увидел там женщину, прекрасную, как принцесса, а с ней какого-то господина. Они прогуливались по лесу, играли, бегали друг за другом. Видно, они там счастливы, и никого больше им не надо, ведь на этом острове больше нет никого, только мыши, крысы да кроты там живут. И что они едят, если только не этих зверушек, я не знаю. Как они там живут — непонятно.

— Это они и есть, — закричал моряк. — Они слишком нежные, чтобы есть мышей и кротов, мы с вами таких блюд не ели, какие они обычно едят.

— Ну хорошо, — сказал Юго-Восточный ветер, — залезай на мою спину, скоро мы окажемся там, и ты сам увидишь, правду или нет я тебе сказал.

И вот наш моряк снова отправился в путь и скоро очутился на том острове. Когда они подлетели к дому, ветер сказал:

— Нагни-ка голову, я вместе с тобой полечу вдоль комнат, и мы заглянем внутрь замка.

И они вдвоем полетели возле окон, и тут же моряк увидел в комнате за столом свою жену и ее приятеля.

— Погляди-ка, братец ветер, и увидишь, что они не крыс едят. Вот, смотри, курицу режут, сам видишь. А мне и перекусить-то нечем... Ладно, надо мне вниз спускаться, спасибо тебе, что меня сюда доставил. Благодарю тебя и всех твоих братьев. Сколько буду жив, столько буду вам четвертым признателен.

— Я тебя здесь на землю спущу, если так тебе угодно, — ответил ему Юго-Восточный ветер. — Жалко мне тебя, ведь ты голодный, а есть тебе нечего. У меня с собой только один блин, если хочешь, отдам тебе половину.

— Спасибо, — сказал ему моряк, — мне и трети его хватит.

И Юго-Восточный ветер опустил его на землю возле замка и отдал треть своей еды — моряку и этого было больше чем достаточно, он еле нес на своих плечах кусок блина.

Он присел и поел немного, а пока ел, отовсюду повылезали мыши и крысы, да так много, что они копошились вокруг, как муравьи. Тогда моряк стал отламывать от своего блина кусочки и давать по кусочку каждой из них. А крысы и мыши, когда им удавалось схватить кусочек, тут же убегали прочь, чтобы соседки не успели его отобрать. И чем дальше, тем меньше становился кусок блина. И вот уже все мыши и крысы разбежались, когда к моряку приблизилась старая-старая крыса, которую привезла на спине слепая крыса.

— Это что еще такое? — спросил моряк.

— Что такое? — удивилась крыса. — Дряхлый несчастный старик, который уже не может ходить и ездит на спине своего слепого сына. Вот что это такое, а иначе бы я вместе с другими раньше здесь оказался, и мы оба получили бы от тебя по кусочку. Если ты будешь так добр и не откажешь нам, мы тебе тоже доброе дело сделаем.

— Удивительно, что ты можешь разговаривать!

— Только я один здесь и могу говорить по-человечески, особенно если меня об этом попросят. Я король надо всеми крысами, мышами и кротами этого острова.

Тогда моряк покормил этих двух крыс, не просто по кусочку им дал, а накормил до отвала. Тогда король крыс спросил, чем он мог бы отблагодарить моряка.

— Я бы попросил тебя об одном деле, да не знаю, сможешь ли ты мне помочь.

— А что такое? Ты скажи сначала.

— Мне нужна одна маленькая книжечка, которая находится в этом замке, хозяин замка носит ее у себя на груди, ее только ночью можно будет забрать, если, конечно, кто-то сможет это сделать.

— Подожди, — отвечала крыса, — сейчас поглядим.

Крикнул король крыс, и тут же к нему прибежали крыса, мышь и крот.

— Что нового? — спросили они.

— Вот перед вами, — отвечал им крысиный король, — добрый человек, которому нужно достать маленькую книжечку из того замка. Книжечку хозяин замка хранит у себя на груди. Ночью, когда он заснет, заберите ее у него. Кто из вас это сделает?

— Я, — сказал крот, — пророю нору до самой его спальни.

— А я, — ответила крыса, — залезу к нему на кровать.

— А я тоже, — сказал мышка, — да еще заставляю его чихать, пока крыса будет доставать книжку.

— Хорошо, — обрадовался моряк, — посмотрим, что у вас получится. А если вы сможете утащить у него книжечку, вы не только кусок блина от меня получите: я вас буду хорошо кормить всю вашу жизнь. Только пока вы не убежали, я привяжу на шею крысе вот этот мешочек с перцем. Мышка обмакнет свой хвост в перец, и хозяин замка будет чихать до упаду.

Привязали мешочек с перцем крысе на шею, и три зверюшки побежали прочь. Крот был впереди всех. Он начал копать и рыть так быстро и так хорошо, что все трое скоро очутились в доме, в спальне принцессы и ее друга. В полночь крот проделал дырку под самой кроватью, и тут же вслед за ним мышь и крыса выпрыгнули на пол и вскарабкались на кровать.

Принцесса и ее друг лежали на кровати и всю храпели.

— Погоди-ка, — тихонько шепнула мыши крыса, — я посажываю твой хвост до того, как пустить его в дело. Сейчас ты засунешь свой хвост ему в рот, и ты увидишь — он сразу проснется. А пока ничего не делай, надейся на меня. А я разведую, где же эта книжечка находится.

И крыса стала прикусывать то там, то здесь, пока не раскусила, где же была книжечка. Тогда она стала грызть рубашку так, что спящий господин даже и не просыпался. С каждым укусом дырка все росла. Когда крыса увидела книжку и поняла, что дырка достаточно большая, чтобы можно было эту книжку вытащить, ей вдруг взбрело в голову разорвать рубашку. Так она и сделала. И, конечно же, хозяин замка тут же проснулся.

— Ну, мышка, давай! — сказала крыса.

И мышка тут же обмакнула свой хвост в перец, а потом сунула хвост в нос хозяина замка, а тот как пошел чихать, так что и кровать зашаталась, и комната затряслась.

— Что это с вами, друг мой? — закричала принцесса, которая проснулась от этого шума.

— Не знаю, — ответил он, — мне казалось, что пока я спал... Апчхи! Апчхи! Пока я... Апчхи! Апчхи! Апчхи! Апчхи! Что-то такое... Аа-апчхи!

— Давай, мышка, давай! — повторила крыса.

— Апчхи! Что со мной?

— Да я не вижу ничего, — удивилась принцесса.

Но ее друг только «апчхи» и мог сказать.

— Оставь его в покое, мышка, и бежим отсюда, — приказала крыса, — книжечка у меня.

И они побежали вниз с кровати. И пока они не вернулись туда, откуда пришли, хозяин замка все чихал и чихал. А как перестал чихать, так сразу стал нащупывать книжечку и не нашел ее, да еще увидел, что рубашка его вся порвана.

— Попали мы в переplet, — сказал он принцессе, — украли у меня книжечку. Сейчас что-то должно случиться.

И не успел он договорить эти слова, как тут же перенесся невесть куда и упал в глубокое море и там утонул.

И замок отправился вслед за ним и утонул, и осталась на его месте только принцесса в одной ночной рубашке.

— Ну что, прекрасная принцесса, — сказал ей моряк, когда подошел к ней, — хорошо тебе здесь живется? Я знал, что где-нибудь да найду тебя. Теперь отправляйся к своему отцу и скажи, что я вслед за тобой приеду.

И вот принцесса отправилась в полет и очутилась во дворце, в комнате своего отца так быстро, что тот даже испугался.

— Откуда ты взялась?

— Я и сама не знаю, — соврала она. — Меня сюда прислал мой муж, он скоро тоже здесь появится. Он мне так сказал.

А вот это было правдой, потому что еще вечер не наступил, а моряк, зять короля, пришел к тестю вместе с тремя крысами, кротом и мышью. Он обещал пятерым зверькам, что они получат все что пожелают, если смогут принести ему волшебную книжку. Они его просьбу исполнили, поэтому он поселил их в особой комнате, и там они жили, и было у них все, чего им хотелось.

И вот зять короля рассказал тестю, как они вместе с принцессой в его королевском дворце очутились. Король и сам видел, в каком наряде принцесса явилась к нему. И сказал он, что не по своей воле прибыла сюда принцесса.

— Все это, — сказал он, — сделалось по воле одной книжечки, которую я нашел на острове посреди моря. На этом острове была только одна хижина, а в ней — сундук, в котором лежала только эта маленькая книжка, самая первая из тех, которые на этой земле напечатали. Твоя дочь у меня ее похитила и своему приятелю отдала. А я за книжкой отправился, а не за вашей дочерью, потому что с ней мне ни к чему больше жить. Я вам ее возвратил и делайте теперь с ней, что хотите. Прощайте! Больше вы меня не увидите.

И вернулся он в Бретань, и стал там жить, да там и жил до самой смерти.

А книжка эта — наша бретонская мудрость, которая по всему миру разнеслась.

Примечания и приложения

Сказочник Гонто

Pipi Gonto

Этим предисловием открывается цикл сказок, обработанных и изданных Э. Ар Моалем и озаглавленный *Pipi Gonto* по имени рассказчика. О существовании реального прототипа рассказчика неизвестно, вероятнее всего, это собирательный образ. Имя *Pipi*, уменьшительное от *Pier, Peg* — Петр, в русском переводе звучит не очень благозвучно, и, поскольку мы адресуем книгу не только академической, но и более широкой публике, решено было пренебречь точностью ради красоты. *Gonto* — не фамилия, а прозвище: *Pipi 'gonto* по-бретонски означает «Пипи расскажет». Для нас предисловие интересно прежде всего как литературно-этнографическая зарисовка, благодаря которой современный читатель может составить представление об информантах собирателей фольклора (см. соответствующую главу).

Тексты, собранные Э. Ар Моалем, были талантливо обработаны, и в результате герои обрели характеры, их переживания стали близки и понятны читателям — современникам автора. Для нас же интерес представляют не только литературные достоинства сборника, но и попытка автора сочетать сказочные сюжеты с привычной для бретонской литературы отсылкой к христианским ценностям и попыткой разъяснить читателю что такое праведная, а что — неправедная жизнь.

Подобное морализаторство читателям XXI века может показаться излишним: сказка «Парень-дьявол» явно проигрывает

в сравнении с другими: рассуждения о несправедности главного героя тормозят действие и делают развитие сюжета предсказуемым. В сказке «Кабачок с хорошим сидром» антиалкогольная мораль выглядит несколько наивной и комичной. Однако там, где автор избегает излишне дидактического тона и пытается донести до читателя мысль о том, «что такое хорошо и что такое плохо», через переживания героев, как в сказках «Собака мертвой головы» и «Волшебная дубинка», это идет лишь на пользу развитию сюжета. Единственная сказка, к которой автору не удалось подобрать соответствующую мораль, — «Мальчик с кожаной плеткой». Возможно, мотив ритуального поедания зверя для обретения целостности настолько архаичен, что его сложно подогнать под более современные понятия о добре и зле.

Собака мертвой головы

Ki ar Penn-Maró

О символике красного цвета и о возможном происхождении мотива замка, который должен стореть, см. приложение.

Мотив ожившей отрубленной головы отсылает нас к заведительствованному античными авторами воинскому обычаю охоты за головами. Отрубленные головы врагов, хранимые в качестве трофеев, часто упоминаются в древнеирландской литературе. В древнеирландской и средневековой валлийской литературе встречаются упоминания об отрубленных головах, которые, расставшись с телом, продолжали жить и могли навредить убившему. Здесь же мотив воинского ритуала трансформирован: убийство совершается не ради воинской славы, а с целью наживы.

Кабачок с хорошим сидром

Ostaliri ar Jistr mad

Эта легенда больше напоминает занимательную антиалкогольную проповедь, чем фольклорный текст. Вероятно, она представляет собой художественную переделку одной из поучительных историй, сочинявшихся приходскими священниками и проповедниками для того, чтобы уберечь паству от грехов. До-

вольно часто рассказ подобных историй сопровождался показом картинок, изображавших мучения грешников в аду.

Поскольку алкоголизм был и остается серьезной проблемой в Бретани, неудивительно, что виновником бедствия в сказке становится сам дьявол. Тем не менее некая доля исторической правды в этом нравоучительном сочинении имеется. Традиционным бретонским напитком является сидр, изготавливаемый из местных сортов яблок. Яблоки собирают ранней осенью и складывают горками в саду, где и оставляют до первых холодов. Слегка подкисшие яблоки режут на куски, измельчают (до того, как в Бретани появилось электричество, это делали с помощью машины, напоминавшей большую мясорубку; в нашем переводе она названа ручной мельницей). После этого кусочки яблок попадают под пресс; выжимается сок, которому предстоит еще перебродить. В результате получается легкий алкогольный напиток, крепость которого колеблется в пределах 2-4%. Сидр в Бретани принято пить из керамических мисок. В силу небольшого содержания алкоголя серьезной опасности для здоровья этот напиток не представляет даже в больших количествах.

Сидр до сих пор остается излюбленным напитком бретонцев; вино в Средние века было недоступно по цене для подавляющего большинства жителей полуострова, так как климатические условия не позволяют выращивать виноград в Бретани. Пиво появилось на бретонском побережье в XVI веке и столетие спустя распространилось по всему полуострову.

Уже в XVII веке вино, несмотря на дороговизну, часто упоминалось как основная причина алкоголизма. В это же время бретонские моряки познакомились с более крепкими колониальными напитками, например ромом. В XVIII веке сидр начали перерабатывать и получать из него яблочную водку, называемую *lambic*. Ее использовали не только как питье, но и как универсальное средство от всех болезней. Неумеренное потребление этого напитка привело к таким серьезным проблемам, как значительное повышение смертности в сельской местности, вспышки насилия и т.п.

Антиалкогольную пропаганду долгое время вели священники. Они периодически добивались запрета на торговлю ал-

коголем во время мессы, так как мужская часть паствы, имея выбор между церковью и кабаком, неизменно предпочитала посетить последний. Впрочем, есть сведения и о значительном распространении женского алкоголизма. Так, Ж. Минуа приводит следующие факты: 31% женщин, нашедших приют в монастыре города Гвенгамп (Gwenganp, Guingamp), в 1770 году были алкоголичками [Minois, G., с. 472].

При этом алкоголизм поражал не только крестьян и моряков. Минуа приводит курьезный факт: некоторые знатные барышни не считали зазорным потреблять литр яблочной водки ежедневно [ibid., с. 472]. И даже среди священников далеко не все поддерживали борьбу за трезвость; некоторые из них подавали плохой пример прихожанам, валяясь в канавах или падая посреди церкви во время мессы.

В Бретани бытует мнение, что неумеренное употребление крепких напитков было связано с привычкой выпивать значительное количество сидра ежедневно. Мнение это сложно как подтвердить, так и опровергнуть, но оно нашло отражение в сказке «Кабачок с хорошим сидром».

Дьявол как фольклорный персонаж, встречающийся не только в этом тексте, заслуживает особого рассмотрения. В сказке он назван своим именем, но в быту поминать его не следовало, чтобы не накликать беду. В качестве обозначения дьявола использовались следующие «имена» и эвфемизмы: Paol (Павел), Paolig (уменьшительное от Paol), Paol goz (старый Paol), Tonton Jean Paol (дядюшка Жан-Поль), кроме того, он мог фигурировать под именами Gwihoù, Herpin; Ar paotr brav (красивый молодой человек), Ar marc'hadour glaou (продавец углей), Satan goz (старый сатана), Paotr e dreid marc'h (мужчина с конскими ногами), ar Patr rouz (рыжий мужчина), Ar priñs ruz (рыжий (красный) принц), Lucatan, Lukaz kozh (старик Лука), an Egoant (змея, чудовище), Kornik (рогатый), Paotr e ivinoù houarn (мужчина с железными когтями).

В балладах он часто обозначается как «молодой человек» (иг paotr yaouank, иг mal yaouank). Герои сказок, легенд, быличек и баллад опознают дьявола по следующим признакам. Во-первых, дьявол не нуждается во сне. По этой причине он считает ночи

как дни, и, если с ним заключить договор, он приходит, когда истекла половина срока, что объясняется поговоркой:

C'hwec'h miz deiz ha c'hwec'h miz noz / A ra d'an diaoul ur bloaz kloz.

Шесть месяцев дня и шесть месяцев ночи / Для дьявола составляют полный год.

Второй признак: у дьявола конские копыта вместо ног и отсутствуют белки глаз:

Gwennoù daoulagad n'oc'h eus ket / Ho treid a zo vel treid kezek.

У вас нет белков глаз / Ваши ноги как лошадиные.

— Так разоблачает дьявола отец девушки, заключившей брак с нечистым, в балладе Janet Ar Wern [Luzel F. M. 1971, Gwerzioù, 1, p. 28]

Большое количество сказок и быличек указывает на связь дьявола с лошадьми. В сказках, где молодой человек становится слугой дьявола и покидает владение последнего при помощи человека, превращенного в коня, это превращение не является чем-то типичным для бретонского фольклора, подобный мотив встречается в сказках многих народов, в том числе и русского. Однако в бретонских фольклорных текстах этот момент подчеркивается особо. Ле Браз в быличке *Le cheval du diable* [Le Braz, A., p. 449] сообщает нам, что дьявол отправляется в поездку за очередной несправедливой душой на лошади, у которой ноги женщины, что и обнаруживает его случайный попутчик. Лошадь дьявола оказывается женщиной, о чем она сама и сообщает герою. Можно провести параллели между женщиной-лошадью из бретонской былички и схожей ролью королевы Рианнон в «Мабиногионе». Рианнон в качестве наказания за преступление, в котором была несправедливо обвинена, должна была носить мужчин на спине, как лошадь, и рассказывать каждому свою историю. Имеются и более древние параллели. Известно также, что галльская богиня Эпона представлялась то женщиной, то лошадью. Сделать однозначные выводы о том, каким образом мотив женщины-лошади связан с внешним обликом дьявола в бретонской народной литературе, на данный момент не представляется возможным.

Женитьба Анку

An Ankou dimezet

«Женитьба Анку» — одна из многих бретонских сказок, где в числе главных персонажей оказывается тот, кому сложно дать однозначное определение: вестник смерти, орудие смерти или сама смерть в обличье мужчины, похожего на крестьянина. Этот персонаж настолько яркий и запоминающийся, что в последнее время он стал своеобразной визитной карточкой бретонского фольклора, а книга Анатоля ар Браза «Легенда о смерти» (*La légende de la Mort*), где собраны былички о смерти как явления и об Анку как персонаже, выдержала множество изданий и была переведена — частично или полностью — на многие языки мира, так как автор благоразумно издал ее на французском, а не на бретонском.

Дать в примечании к сказке детальное описание этого персонажа и его особенностей — задача заведомо неосуществимая, поэтому автор отсылает читателя к статье, опубликованной в качестве приложения к книге Патриции Лайсафт «Банши» [Лайсафт П., 2007]. Здесь же ограничимся кратким перечислением основных черт этого персонажа и его роли в комментируемой легенде.

В современном бретонском фольклоре фигура Анку (др.-брет. *Ansoù*, ср.-брет. *Ansaou*, совр. *Ankou*, ср.-валл. *angau* — смерть) занимает особое место. Однозначно интерпретировать эту фигуру и дать ей четкое определение довольно сложно. Обычное для словарей или энциклопедий объяснение этого слова «персонификация смерти в бретонском фольклоре» неполно и отражает лишь одно из значений этого слова и только часть функций этого персонажа.

Для начала обратимся к этимологии слова *Ankou*.

Современное *Ankou* (в раннем современном бретонском *анкоу*, в ваннском диалекте *анкеу*) < среднебрет. *ансоу*, *ансцоу*, *анцоу*, *ансау* < древнебрет. *ансоу*, так же как и средневаллийское *a(n)gheu* (совр. валл. *angau*) и корнское *анкoу*, происходит от бриттского **ансоу-*, < **анкoуес* < *пĕкoуес* и представляет собой множественное число. Эта форма восходит к тому же корню, что и древнеирландское *éc* — «смерть», сов-

ременное *éag*, шотл. *eug*. Перечисленные выше кельтские корни принято возводить к и-е. **nəku* [Jackson K., 1986, Льюис Г., Педерсен. X., 1954] или **nek'* [Фалилеев А. И, с. 4] — 'умирать' ср. тохар. *A nāk* 'исчезать, погибать', авест. *nasyeiti* 'исчезает, погибает', *nas-* 'нужда, несчастье' лат. *pex* 'насильственная смерть', греч. *νεχus* 'труп'.

Что касается формы множественного числа (при значении единственного), на первый взгляд ничем не мотивированной, можно предположить, что множественное число относится не ко множеству смертей, а к мертвецам, населяющим «тот свет» (ср. ирландское *do ésaib* [Михайлова Т. А., Николаева Н. А., 1998]).

Считается также, что индоевропейский корень **nek'*- исторически связан с **ank-* (*nġk-*) «необходимость, принуждение» > древнеирландское *éceп* «нужда, необходимость», современное *éigeap*, валлийское *angen*, мн. ч. *anghenion*, корнское и бретонское *anken* (< среднебрет. *anquen*), ср. греч. *αναυχη* «необходимость». В современном бретонском языке слово *anken* имеет несколько иное значение: «тревога», иногда «желание», часто «голод», причем в отличие от первого два последних значения связаны с понятием «необходимость» [GBV]. Производными от этого существительного являются: глагол *ankeniañ* — тревожить, и прилагательное *ankenius* — тревожный (соответствующее валлийское прилагательное *anghenus* имеет иное значение: бедный, нуждающийся).

Согласно А. Фалилееву [Фалилеев А. И, с. 5], первоначальное значение слова *anken* «было связано с идеей неизбежности смерти (связь обоих понятий — «смерть» и «неизбежность» — прослеживается на материале других языков). В валлийском языке эти два понятия (*angheu* и *anghen*) были тесно связаны между собой, при этом прилагательное *angheuol* (от *angheu*) означает одновременно 'мертвый' и 'смертельный, фатальный' [Фалилеев А. И, с. 4]. Близость этих понятий к тому же закреплялась в сознании говорящих благодаря созвучию *angheu* и *anghen*, которое обыгрывалось в ранней валлийской поэзии: *Ac yny vallwyf y hen/ym dygyn agheu aghen* [там же, с. 4].

В современном бретонском языке лексема *Ankou* оказывается изолированной, в отличие от слова *marv* «смерть» (прил. *marv* «мертвый», глаг. *mervel* «умереть»). К тому же в бретонском язы-

ке слово *Ankou* обозначает смерть не как явление, а как персонажа, ее приносящего (подробнее см. ниже). Однако связь Анку с фатальной неизбежностью ухода в мир иной прослеживается достаточно четко, особенно в наиболее ранних памятниках.

Первые известные нам упоминания об Анку содержатся в ученых трактатах, философских размышлениях о бренности земного мира. Однако Анку часто упоминается в литературных произведениях XVI и последующих веков, таких как: *Mirouer de la mort* — автор *Maestr Iehan An Archer Coz*, написано в 1519-м и издано в 1575 году; пьесах: *Passion, moulet e Paris* (1530, автор *Eozen Quillivere*), *Ar Varn divesan* (автор *Mary [Henry] Ricou*, 1792).

Наиболее ранние письменные произведения, создававшиеся в основном учеными людьми и рассчитанные на образованных читателей, трактовали смерть согласно канонам христианской религии и употребляли слово *Ankou* как синоним слова *marv*. Так, например в *Buhez Mabden — Ar Bassion*¹ Анку служит аллегорией смерти и имеет мало общего с фольклорным персонажем, представленным в народных пьесах и сказках:

<i>Goude da stat ha rompadou</i>	После твоего положения и почестей,
<i>Guyscamant ha paramantou</i>	Одежда и украшений
<i>Ez duy an anquou ez louen</i>	Придет Анку с радостью,
<i>Pan troy enhaf da lazaff mic</i>	Когда ему придется тебя совсем убить,
<i>Ma-z duy da neuz da bout euzic</i>	Когда твой вид будет ужасен
<i>Ha tristic da bizhuyquen</i>	И грустен навсегда.

Вообще, письменные источники, где так или иначе упоминается Анку, можно условно разделить на две группы. С одной стороны, это жития святых, поэмы и пьесы религиозного содержания, и, с другой стороны, это различные легенды, песни, сказки и былички. Образ Анку в житиях, трактатах и поэмах несколько отличен от сказочного. Во многом это объясняется спецификой самих текстов: если первые предназначались для чтения и, соот-

¹ См. Очерк по истории литературы на бретонском языке: поэма *Passion* (Страсти Господни), 4650 стихов, написанная Мессиром Лораном Ришу (*Missire Laurans ar Richou, bellec ha cure en partrous a Plounez, escorty Sambrieuc*), священником и викарием прихода Плулез епископства Сен-Брие, в 1678 г.

ветственно, создавались образованными людьми, то вторые изначально бытовали в устной форме и отражали прежде всего народные верования. Поэтому часто сказки и былички, собранные Люзелем и А. Ар Бразом во второй половине XIX века, и даже фольклорные тексты, записанные в конце XX века, содержат более архаические черты образа Анку, нежели «ученые» произведения XVI века. В поэмах XVI века Анку представлен как некая сила, которая должна неотвратно поразить любого человека. В *Migouet ar Maro, Passion — Buhez mabden* Анку представлен скорее как философская категория, тогда как пьесы и сказки его очеловечивают.

Где-то посередине между этими двумя группами источников можно поместить поздние пьесы бретонского народного театра, написанные в эпоху, когда бретонский язык перестал быть языком образованных людей. Эти пьесы создавались на основе более ранних текстов, часто сочиненных образованными людьми, но потом неоднократно переписывались и переделывались, причем переписчики в большинстве своем были малограмотны и многие эпизоды создавали под влиянием устной народной литературы.

По вышеуказанным причинам проследить историю развития образа Анку хотя бы на протяжении Средних веков и Нового времени весьма трудно.

Исследователи бретонских пьес, однако, отмечают, что, несмотря на схожесть пьес бретонского народного театра с французскими мистериями (заимствование сюжетов, пересказ отдельных фрагментов текста, манера исполнения и т. п.), персонаж, подобный Анку, никогда не встречается во французских пьесах: в них, в отличие от бретонских, Смерть достаточно редко появляется на сцене, а если и появляется, то представляется всегда в образе женщины (*La Mort*), тогда как Анку — персонаж мужского пола. Более того, распространенная в средневековых мистериях идея «вечной» красоты женщины, над которой не властна смерть, обретает несколько иной смысл (заигрывание с мужчиной).

Так, в *Dialogue avec la Mort* («Диалог со смертью») 1656 года девушка собирается соблазнить смерть (*Maro*):

Me à ravis pep den, certè dré va quenet,
Dré va tal aliou loar, va diou geus goularet
Dré va corfà so drant, galant epep andret,
Charmi'r maro deiz ha nos, ameus me proposet

Я соблазняю всех мужчин, конечно, моей красотой,
Моим челом лунного цвета, моими коралловыми губами,
Моим веселым телом, ко всем благосклонным,
Я собираюсь соблазнять смерть днем и ночью.

О том, что фигура Анку не заимствована из французской традиции, может свидетельствовать также и то, что этот персонаж с тем же именем встречается в корнских и валлийских пьесах [Le Menn, 1983, p. 32—33].

Предположительно средневековый Анку унаследовал черты персонажа, связанного с дохристианским культом смерти. Образ Анку не был вытеснен христианством, напротив, он органично вписался в церковную идеологию. Политика церкви, нацеленная на то, чтобы страх смерти и адских мучений держал христиан в повиновении, по-видимому, сплелась с народными представлениями о смерти и не разрушила их, тем более что для объяснения прихожанам таких абстрактных явлений, как грех, добродетель и т. п., священникам приходилось прибегать к аллегориям, изображать отвлеченные понятия в виде неких легко узнаваемых персонажей¹. Анку, уже знакомый прихожанам, как нельзя лучше подходил для этой цели, и, таким образом, стал частью новой веры.

Следует подчеркнуть специфический характер фигуры Анку. Она не тождественна образу смерти, который встречается во многих других европейских фольклорных традициях. Границы этого образа и связь его с самим явлением смерти несколько размыты и спорны, несмотря на особое внимание к нему со стороны собирателей фольклора и исследователей. Некоторая неясность и неоднородность описаний этой любопытной во

¹ Довольно часто скульптурные изображения подобных персонажей располагались в церквях и служили наглядными пособиями для верующих. Так, например, в церкви города Батц-Сюр-Мер (Batz-sur-mer) семь смертных грехов изображены в виде семи диких зверей. Скульптурные изображения Анку в бретонских церквях встречаются весьма часто.

всех отношениях фигуры объясняется в основном характером источников (см. выше), но даже в сходных текстах (например, сказках) Анку представлен в разных качествах.

Представление о внешнем облике Анку на ранних этапах проследить довольно трудно, ремарки театральных пьес редко дают описание сценического костюма, однако известно, что актер, играющий Анку, облачался в белую простыню, символизирующую саван, т. е. изображал мертвеца. Скульптурные изображения Анку в церквях представляют этого персонажа скелетом, вооруженным метательным оружием или косой. В более поздних источниках Анку все больше напоминает человека (чаще всего бродягу или бедного крестьянина), мертвеца или скелет человека (соответственно, в словарях слово *Ankou* переводится как «мертвец» и «скелет» — ср. одно из значений шотландского *eug* — «смерть», но также «призрак, скелет»)

Однако несовпадение некоторых деталей, таких, например, как облачение Анку (белый саван на сцене и одежда бедняка в сказках), не означает полного расхождения в трактовке самого образа. Объяснить их и понять происхождение тех или иных явлений может только подробное исследование и сопоставление имеющихся в нашем распоряжении текстов.

При сопоставлении материалов, относящихся к различным эпохам, можно проследить эволюцию представлений об Анку. Они, несомненно, сложились под сильным влиянием церкви. Порой нелегко определить, какие черты были изначально присущи Анку, а какие возникли от смешения с образом смерти, навязываемого христианскими проповедниками.

Некоторые детали, исчезнувшие не так давно, можно восстановить, можно и объяснить их замену новыми. Такой атрибут, например, как коса, пришел явно из церковной символики: на самых древних изображениях Анку держит в руке стрелу (копье, дубину), которой поражает живых. Эта же архаичная черта образа Анку прослеживается и в языке: смерть не косит, а ударяет человека (глагол *skeiñ*, *scoiñ*): *An amzer a dro, an Ankou a sko.* («Время идет, смерть приходит», букв. «Время вертится, Анку ударяет») [Kergoat, L., Spezet, 1996], глагол *skeiñ*, *scoiñ* в пьесах обозначает действие Анку, приносящее смерть действующим лицам.

Идея смерти как удара встречается у многих индоевропейских народов. Так, мы встречаем смерть как удар для древнегреческой традиции: гр. ἄθνατος восходит к и.-е. корню *g^hnh₂, передающему идею удара, убийства, та же идея прослеживается в хетт. kuenzī 'он бьет, убивает' [Казанский, Н., Н., с.84]; ср. русск. бить, убить.

Идея убиения с помощью удара прослеживается на ирландском материале: у Дагды имелась палица, одним концом которой он умерщвлял, другим — оживлял людей; имя Балора, предводителя фоморов, также связано с идеей удара острым оружием: Balor < *g^ulro-s < и. е. *g^uel 'колоть, убивать'.

Идея смерти как удара сохранилась, несмотря на позднейшее переосмысление образа Анку. Коса, заменившая стрелу или копье, стала несколько иным символом: Анку не «косит» человеческие жизни, а отталкивает их от себя, т. к. по народным поверьям лезвие его косы повернуто в другую сторону.

Несмотря на различие некоторых деталей в различных жанрах (поэмы, пьесы, сказки, былички), образ Анку достаточно цельный и устоявшийся. Можно выделить ряд характерных признаков этого персонажа. В отличие от известной во всей Франции и многих других странах смерти в образе костлявой старухи, Анку всегда представлялся мужчиной. Постоянный атрибут Анку в сказках и быличках — плохо смазанная повозка, которую везут тощие лошади (karrig an Ankou, karrigel an Ankou). Появлению повозки Анку нередко предшествуют знаки (брет. sin, франц. intersigne), такие, как запах горящей свечи, крик петуха посреди ночи и так далее.

Часто Анку представляется полуразложившимся мертвецом, т. е. человеком, вернее, бывшим человеком (ср. диалектное значение слова Ankou — первый человек, умерший в текущем году)¹.

Описания Анку в сказках и быличках практически совпадают. Так в «Легенде о смерти» Анку приходит на пир к гос-

¹ В случае если под Ankou подразумевается умерший человек, его считают исполнителем божественной воли: и если в текущем году умирает больше людей, чем обычно, говорят: War ma fe, heman zo eun Anko drouk (Sur ma foi, celui-ci est un Ankou méchant) — «Ей-богу, это злой Анку». [J. Gros, 1989]

теприимному хозяину, его принимают за бедняка, похожего на кого-то из давно умерших соседей:

С виду он был похож на нищего — не одежда на нем, а прилипшие к коже лохмотья, а от самого падалю пахнет [Мурадова А. Р., 2000, с. 41].

И далее:

Услышав Лау, он поднял голову, и богатый хозяин увидел вместо головы у гостя череп мертвеца. Встал странный гость, отряхнул на себе лохмотья. Тут Лау увидел, что к каждой тряпичке были привязаны кусочки гнилого мяса. [Мурадова А. Р., 2000, с. 42].

Здесь следует отметить, что сказанное выше относится к поверьям, бытовавшим во внутренней части Бретани. На побережье Анку представляют несколько иначе. Если в сельской местности Анку походил на крестьянина, то в рыбацких поселках он являлся в виде моряка. Иногда Анку называли первого, кто утонул в текущем году. Он носится по морю в одиночестве на «корабле мертвых», который движется против ветра и течения [Helias, P.J., 1981, p. 156]

Взаимоотношения Анку и самого явления смерти также довольно сложные. Так, например, в пьесе *Ag varn Divesan* слова Анку — «Анку» и Маго (орфографический вариант *magu*) — «смерть, мертвый (человек)» иногда употребляются как синонимы. В сказках Анку и Маго (в значении «смерть») взаимозаменяемы (см. цитаты ниже), что позволяет избегать повторов. Однако, как будет показано ниже, полными синонимами эти слова не являются, и если Маго всегда может заменить Анку, то противоположная замена не всегда возможна, так как круг значений первого слова гораздо шире. Если первое обозначает и явление смерти, и процесс умирания, и периодически персонажа-«исполнителя», то второе, как мы уже видели, обозначает лишь персонажа, т. е. персонифицированную смерть, существо, принадлежащее к миру мертвых, пребывающее в некоем неизвестном нам месте и периодически появляющееся среди живых с целью «исполнить свой долг» и переместить некоторых из них в мир мертвых.

Анку — бывший человек. Следовательно, он ближе к людям, чем, скажем, дьявол, также вошедший в литературу и фольклор.

Часто в сказках Анку принимают за человека. Именно на этом построена завязка «Женитьбы Анку»: шурин Анку долгое время не догадывается, за кого вышла замуж его сестра.

Если в сказках и быличках Анку максимально очеловечивался, то в пьесах он занимает промежуточное положение между Богом и людьми. В пьесах Анку располагался вне мира людей, однако не стоял на одном уровне с Богом.

Весьма трудно определить место Анку в иерархии персонажей христианской мифологии, хотя в религиозных представлениях бретонцев Анку играет очень важную роль. Анку не принадлежит ни к ангелам, ни к демонам. Он не враждебен Богу, но и не является его прямым посланником, хотя и действует по его указанию. Анку не столько посланник, сколько помощник Бога:

Men so anvet hanco cannat ha messenger
galvet on gant doue da ober ma deuer
pa bligo gant doue eff sur a gomando
ha mencredet assur yue aseruigo.

Зовут меня Анку, я — почетный посланник¹,
Бог призывает меня, чтобы я выполнил мой долг,
Если будет угодно Господу, он будет повелевать,
А я — поверьте мне — стану ему служить.

В сказке *Labous ar wirionez* [Troude A., Milin G., 1963] имеется эпизод, где Анку является сторожем древа добра и зла, находящегося на острове посреди большого озера. Связь с деревом добра и зла, возможно, возникла в результате смешения библейских легенд с поверьями, относящимися к мировому дереву.

Происхождение Анку устная народная традиция также связывает с библейскими персонажами, как в комментируемой сказке «Женитьба Анку», где Анку становится первым сыном Адама и Евы.

При этом и в сказках, и в пьесах особо подчеркивается, что Анку убивает людей не по своей воле, а по приказу Бога:

¹ Оба слова — *kannad* (современное значение — «депутат») и *messenger* означают «посланник, вестник», второе выше по стилю, т. к. является заимствованием из французского.

Doue am ordrenas dre effet arpechet
laret gant doue din lasan ol bobl ar bet
an ol dut nos ha de rac ariu an termen
ma teuy da varn an ol credet dar maro yen.

Бог приказал мне под влиянием (людского) греха,
Сказал Бог мне убивать всех людей мира,
Всех людей днем и ночью, ибо пришел срок
Прийти на суд, верьте холодной смерти.

[Ar Varn Diwezhan (12v°/p.32) 575]

Часто, особенно в сказках, Анку является лишь предвестником смерти. Интересно то, что он вовсе не враждебен людям, хотя и внушает ужас, а, напротив, помогает праведным христианам подготовиться в своей кончине и умереть достойным образом. Только для грешников смерть — жестокое наказание. Для остальных она — лишь избавление от страданий. Анку ни в коем случае нельзя ставить в один ряд с inferнальными существами, он не только не является «нечистой силой», но в какой-то степени противопоставлен ей, т. к. не искушает людей, а, напротив, наставляет их на путь истинный. Немаловажная деталь: в сказках часто подчеркивается, что Анку уходит из дома утром, чтобы сделать свою работу, и возвращается вечером в дом к жене, тогда как всяческие привидения и оборотни, встреча с которыми чревата смертью, вступают в контакт с людьми только ночью. В быличках, правда, часто упоминается появление повозки Анку ночью.

Примечательно также, что Анку иногда нуждается в помощи людей: так, он вынужден чинить свой инструмент (косу) у кузнеца (сказка *La faux de l'Ankou* [Brekilien, Y., 1994]), который, как в фольклоре кельтских народов, так и в эпосе обладает сакральными функциями.

Интересно, что в бретонском фольклоре чрезвычайно редко встречается мотив обмана смерти, известный по сказкам других народов (типа сказки «Солдат и смерть»). В бретонских сказках одураченным оказывается обычно дьявол или иная «вражеская» сила, тогда как Анку врагом христиан не является. Единственный известный нам пример — сказка «Адольфик, который обманул Анку» (*Adolfig, en doa tromplet an Ankoù* [An Uhel, F., 5, 1994,

с. 49—50]). Однако и в этой сказке герою, хитростью проникшему в рай земной и оставшемуся там на пятьсот лет, удастся лишь на время спрятаться от Анку. Когда Адольфик возвращается в родной дом и понимает, что все его родные давно умерли и самому ему пора умирать, он намеревается как можно быстрее вернуться в рай земной. Но Анку не дает ему убежать и убивает его. По всей видимости, никто из людей не может обмануть Анку, отдалить время кончины или вовсе избавиться от смерти.

Для всех смертных его приход — фатальная неизбежность. Никаких отсрочек получить невозможно. Единственная поблажка, которую можно заслужить праведной жизнью, — предупреждение о приходе смерти за некоторое время до нее. Этот мотив часто встречается в «Легенде о смерти» А. ар Браза, где праведный человек получает некий знак от Анку или же Анку сам является к нему, чтобы предупредить о смерти (Анку приглашен на пир), что воспринимается как особый вид благодати.

Впрочем, нужно отметить, что на бытовом уровне смерть не рассматривалась как нечто ужасное, напротив, естественная смерть воспринималась как избавление от тягот жизни и страданий. Из приведенного выше примера видно, что «правильная», благочестивая смерть — счастье и для самого человека, и для его семьи. Подобное отношение к смерти характерно и для ирландской традиции [Михайлова Т. А., Николаева Н. А., 1998].

Анку уважаем как носитель справедливости: он не придает значения социальному статусу людей, их богатству, заслугам и т. п. Он рано или поздно уносит всех. Более того, в народном сознании справедливость Анку выше справедливости Бога. Так, в сказке Люзеля An den gwirion [An Uhel, F., 5, 1994, с. 128—130] бедняк ищет крестного для своего сына, причем крестным может стать только справедливый человек. Сначала бедняк встречает Господа Бога, который предлагает себя в качестве крестного, но получает отказ, так как он несправедлив: во-первых, допускает рождение больных и неполноценных людей, во-вторых, не вознаграждает одних за тяжкий труд, а другим, ленивым и бессовестным, дает все блага земные. Точно так же получает отказ и святой Петр, потому что он закрывает двери рая для хороших людей, которые много работают и иногда позволяют себе немного согрешить (выпить лишнего, например), к тому же он

допускает совершение церковных обрядов за деньги и, следовательно, отдает предпочтение богатым, а это тоже несправедливо. И только Анку достоин стать крестным, так как он: 1) не жалеет никого и никому не делает поблажки, 2) хорошо исполняет свою работу, 3) не обращает внимания на деньги, его нельзя подкупить или разжалобить.

Так Анку оказывается в каком-то смысле выше самого Бога и его апостолов, что с трудом вписывается в каноны христианской религии и свидетельствует об особом почитании этого персонажа, стоящего не только вне иерархии ценностей, почитаемых церковью, но и над ней. По всей видимости, эта идея не поддерживалась церковью. Как видно из отрывков из пьесы «Страшный суд», согласно «официальной» версии Анку подчинялся Богу, но ни в коем случае не соперничал с ним.

Мотив женитьбы Анку встречается в бретонских сказках неоднократно. Сюжет сказок этого типа таков: женщина (старуха) выходит замуж за Анку, и один из ее родственников (чаще всего брат) по приглашению Анку или самовольно отправляется смотреть на то, как Анку исполняет свою работу.

Сам факт женитьбы Анку парадоксален, т. к. в сознании христиан брак — это то, что должно дать начало новой жизни. Анку же не может дать начало новой жизни, так как сам он — мертвец. Не случайно ни в одной сказке у Анку нет детей, хотя он может быть крестным (сказка *An den gwirion*). Роль жены Анку также непонятна. В одной из версий за Анку выходит старуха, которой поздно создавать семью и уже пора умирать, причем после свадьбы она попадает в замок, который находится где-то очень далеко. В данном случае ситуация представляется достаточно логичной: этот брак можно интерпретировать как смерть женщины, т. к. она находится в ином мире, где и обитает Анку. В нашей же версии, однако, за Анку выходит молодая женщина, и живут они среди людей. Более того, если в первой версии брат жены лишь навещает сестру в замке Анку (и больше оттуда не возвращается), то в «Женитьбе Анку» он живет с сестрой и с зятем и долгое время видит Анку и разговаривает с ним, оставаясь невредимым до тех пор, пока не пытается узнать, куда уходит муж сестры каждое утро.

Не совсем ясна также и связь Анку с миром мертвых и с душами умерших (Апаон). Интересный материал содержится все в тех же сказках о женитьбе Анку или в тех, где Анку крестит чьего-либо ребенка, а потом приглашает отца крестника в гости. В результате родственник (отец крестника) оказывается в некоем «хранилище», где души живых представлены в виде свечей. В сказке «Женитьба Анку» для того, чтобы попасть туда, герой вначале идет по дороге, которая исчезает за ним, а после этого должен перейти через реку.

Несомненно, данное описание отражает некое верование о путешествии в иной мир. Переправа через реку как необходимое условие попадания в иной мир — чрезвычайно распространенный мотив, встречающийся в мифологии многих народов. Этот мотив также представлен в бретонских сказках, где подобная переправа является способом проникновения в «иное царство», причем реку чаще всего не переплывают, а строят через нее мост.

Идея о том, что, умирая, человек угасает, подобно пламени, характерна не только для бретонского фольклора. Она прослеживается и на ирландском материале, где отчетливо видна связь идеи умирания и угасания¹. При этом действия умирания и угасания в бретонском языке обозначаются одним и тем же глаголом *mervel* (см. выше), а насильственная смерть, так же как и тушение огня, обозначается глаголом *lazhañ*: *lazhañ un den* — «убить человека», *lazhañ ar goulou* — «погасить свет». В описаниях смерти человека могут присутствовать оба значения этого глагола, что наглядно показывает следующий пример из комментируемой сказки, где обыгрывается двойное значение этого глагола, лишь отчасти передаваемое в переводе:

— ...*Ankou, kemer e vube! ete an èl.*

Neuze ar Maro a c'houeas war e zaoulagad, hag e varvjont da viken.

— ...Анку, бери его жизнь.

И тогда смерть дунула ему в глаза, и они навсегда *погасли...* (букв. «умерли»)

¹ Подробнее см.: Михайлова Т. А., Николаева Н. А., 1998.

Часто Анку предупреждает о смерти человека или его близких с помощью разнообразных знаков (примет) или посылает вещие видения (*Seblant ar walenn eured*, *Seblant ar roeñvou* в «Легенде о смерти», а также многочисленные былички, собираемые в Бретани вплоть до нашего времени),

Иногда в качестве вестника выступает не сам Анку, а его посредник, например, птица, чаще всего — сорока. Чем ближе она сидит у дома больного, тем ближе его смерть. Это может быть также необычный шум, например, стук молотка на пустом чердаке (через три дня скончался обитатель дома и на чердаке стали сколачивать гроб), шум несмазанной телеги.

Для своих передвижений Анку использует особые дороги (*Hent an Ankoù*, *hent ar Maro*, *hent corf*), А. Ле Браз в «Легенде о смерти» говорит о том, что тропинки, проходившие параллельно большим дорогам и использовавшиеся в дождливое время, когда большие дороги заливало водой, а после реконструкции больших дорог ставшие ненужными, считались дорогами Анку. По местным поверьям, по старым тропинкам и души умерших отправлялись в последний путь. Часто именно по этим тропинкам отвозили покойников на кладбище, так как их предки когда-то пользовались этими дорогами. Также по этим дорогам ездил Анку, и поэтому ни в коем случае заброшенные тропинки нельзя было перегораживать. Считалось также, что человеку, перегородившему дорогу Анку, не дадут покоя души умерших. В настоящее время это поверье исчезло, но название *Hent an Ankoù* сохранилось на уровне микротопонимики:

Pelloc'h e oa ur wenodenn vihan a bake Ri, hounnez a oa hent an Ankoù a soñj din... E Pouldahu ez eus an Ankoù ivez, hag an Esperañs hag ar Garantez.

Дальше была тропинка, которая шла до Ри, кажется, **дорога Анку**... В Пульдаю тоже была (**дорога**) Анку, Надежды и любви [Denez, Gw. 1996, с. 95].

Несмотря на то что в некоторых местностях среди пожилых людей до последних десятилетий XX века сохранялась вера в Анку, в наши дни его принято воспринимать как вымышленного персонажа. В современном литературном бретонском языке слово *Ankoù* (кроме обозначения персонажа народной литературы) является поэтическим синонимом слова *Marv* — «смерть»:

Dek vloaz ha tri-ugent e oa ha ne vane nemet spes eus he c'horf brevet. Gouzout a rae edo an **Ankou** en-dro d'he gwele o c'hedal... Re bell amzer a lakae an **Ankou** da zont.

Ей было семьдесят лет, и от ее изношенного тела отсталась одна видимость. Она знала, что смерть уже близко (букв. «что Анку поджидал ее у ее постели»)... слишком медленно приходила смерть (букв. «слишком медленно приходил Анку») [Denez, P., 1996, с. 77].

При этом следует отметить, что в современном бретонском языке слово *Ankou*, употребляемое в значении «смерть», в отличие от слова *marv*, не обозначает самого процесса умирания. В устной речи слово *Ankou* входит в состав устойчивых словосочетаний типа:

Tremenet eo an *Ankou dreizon*.

Я сильно вздрогнул (букв. «сквозь меня прошел Анку»).

Ar wegnn-mañ, 'vat, a zo amañ etre daouarn heh *ankou*.

Этот стакан стоит в опасном месте, может разбиться (букв. «этот стакан в руках Анку») [Gros, J., 1989].

Иногда это слово является синонимом слова «скелет»:

Evel an *Ankou* eo. Piv eo an *Ankou* *krignet-mañ*?

Он как скелет (как Анку). Что это за обглоданный скелет (обглоданный Анку; говорится об очень худом человеке) [Gros, J., 1989], ср. русское «вылитый Кощей» о худом человеке.

На любом из этих примеров видно, что, входя в состав устойчивых выражений, слово *Ankou* не отражает понятие смерти как процесса завершения жизни, оно обозначает в первую очередь персонажа, несущего эту смерть: «находиться в руках Анку» = быть под угрозой разрушения и т. п.

Таким образом, в современном бретонском языке Анку становится скорее обозначением фольклорного персонажа или метафорой смерти и разрушения.

Парень-Дьявол

An Diaoul-Potr

Несмотря на то что сюжет сказки довольно банален и скорее характерен для былички, а не для волшебной сказки, эпизод встречи с бесом из Дисплей заслуживает особого рассмотрения.

Место встречи с Фаншем Торшенном, в обличье которого герою является бес, не случайно. Перекрестки считались в Бретани опасными участками дороги: запоздалый ночной путник рисковал повстречать на перекрестке нечистую силу. Именно на перекрестках или около них чаще всего возводились придорожные кресты, согласно поверьям оттонявшие нечисть. К тому же в сознании носителей бретонского языка (так же как и русского и многих других) перекресток мог изначально ассоциироваться с крестом, так как дороги, как правило, при пересечении образуют крест: совр. *kroazhent* от *kroazh* (от латинского *stich*) «крест» + *hent* 'дорога'.

Установление крестов в «опасной зоне», на пересечении дорог, наводит на мысль о том, что в дохристианскую эпоху перекрестки использовались в неких ритуально-магических целях. Фольклорный материал подтверждает эту догадку.

Так, в сказке *Raotr e bod-houarn* (в нашем переводе «Человек в чугунном котле») девушка должна совершить некий обряд для того, чтобы вернуть бывшего супруга, в процессе совершения обряда она раздевается догола, идет и становится на колени возле креста.

Возвращаясь к сказке «Парень-Дьявол», следует отметить одну деталь: магический ритуал, результатом которого стало получение денег от дьявола, совершается не только возле распятия, но и возле растущего рядом с ним дуба. Имеются основания предполагать, что почитание придорожных крестов в Бретани может быть связано с отголосками дохристианского культа деревьев. Аналогом мирового древа в кельтской (и индоевропейской) традиции чаще всего является дуб. После принятия новой религии в сознании христиан дуб так и остался священным деревом. Исторические источники свидетельствуют, что именно на дубах или около них устанавливались придорожные кресты.

Б. Мердриньяк в статье *L'espace et le sacré dans les leçons de bréviaires de l'ouest Armoricaïn consacrés aux saints bretons (XV—XVI e siècles)* [Mérdrignac, B., 1983, с. 273—293] сообщает, что достаточно часто жития святых говорят об установлении крестов на деревьях. Возможно, речь идет всего лишь о кресто-

образных насечках на деревьях, указывающих на границы владений [Martin, H., Martin, L., 1977, с. 27]. В таком случае кресты на дубах могли служить обозначением границ, т. е. указывали на пограничность помеченного участка, что, возможно, также имело некую сакральную коннотацию. Однако некоторые жития упоминают любопытный эпизод, касающийся укрепления креста на дереве: во время молитвы святой Түрио (Turiau) видит, как разверзаются небеса, и истолковывает это как приказ установить деревянный крест в том самом месте, где ему явилось видение. По одной из версий этого жития, «без всякого сомнения, этот крест и по сей день укреплен на дубе, посаженном по приказу того самого епископа» [Médriņņas, B., 1983, с. 279]. Нелогичность текста жития бросается в глаза: на только что посаженном дубе невозможно установить крест. По мнению Б. Мердриньяка, подобное изложение представляет собой наивную попытку христианизировать традицию поклонения священным деревьям.

В сказке «Парень-Дьявол» дуб и крест представляют собой единый сакральный комплекс. Встреча главного героя с бесом и заключение сделки с дьяволом происходит на дороге возле местечка, называемого Кервезен (Kervezen), и название это не случайно. Первый элемент ker- является достаточно распространенной в Нижней Бретани частью топонимов и может быть переведен как «ферма, хутор», а второй, -vezen (в современной орфографии -wezenn, с инициальной мутацией от исходного gwezenn), собственно, означает «дерево».

Герой сказки совершает сделку с дьяволом в грозовую ночь у подножия креста возле дуба, причем присутствие распятия не пугает нечистую силу. Молния, которая символизирует гнев Божий, попадает одновременно в дуб и крест, при этом от дерева отламывается огромная ветка, которая, падая на распятие, отбивает правую руку Христа.

Естественно, дуб в данном случае является дохристианским, враждебным рассказчику элементом, поэтому присутствие дьявола и беса, искушающего героя, не случайно. Следует отметить, что, как это ни парадоксально, по логике повествования и крест в данном случае представляется тоже чем-то нечистым: он пострадал от молнии вместе с дубом. Даже если

мы относим эту деталь на счет воображения писателя, обработавшего фольклорный текст и стремящегося добиться наибольшего драматического эффекта, мы не сбрасываем со счетов тот факт, что в его сознании, как и в сознании читателя, подобное отождествление не являлось святотатством. Более того, когда справедливость торжествует и дуб как языческий символ искоренен, крест также подлежит замене. Так неразделимость комплекса «крест + дерево» подчеркивается дважды.

Как мы видим, почитание священных деревьев, видимо, не всегда положительно рассматривалось священниками, а в народном сознании оно часто ассоциировалось с дьявольщиной. Таким образом, крест в сознании бретонцев, с одной стороны, ассоциировался с пересечением дорог, с другой — слился с образом мирового древа и далеко не всегда отождествлялся с распятием.

Мальчик с кожаной плеткой

Potr e skourje ler

Эта легенда, благодаря оригинальному и совершенно нетипичному для бретонских волшебных сказок сюжету, стоит особняком. Э. Ар Моаль по всей видимости, не стал искусственно привязывать к этой сказке мораль и поучения; никакой автоматически следующей морали из действий героев не следует. Более того, обычно рассказчик в устной версии сказки или автор ее литературной версии находит какое-то объяснение мотивам действий героев, понятное ему самому и его слушателям или читателям. В данном случае сколько-нибудь вразумительное объяснение действиям Персоника, придумавшего способ вылечить покалеченных принцесс с помощью поедания похитителя-волка, отсутствует. Более того, не понятны и действия волка, который вместо того, чтобы попросту съесть девушек, как поступил бы любой хищник, приходит глотать их заживо, причем по какому-то одному ему известному принципу: одной он гложет конечности, другой — уши, третьей — щеки и т. п.

Не совсем понятно Э. Ар Моалью (и читателю) предназначение плетки, которая может добывать еду, наказывать воров

и укрощать дикого зверя. И если поведение героев и их фантастические приключения во всех остальных текстах получают подробное объяснение, то в данном тексте чувствуется некая недосказанность, вызванная, вероятно, замешательством автора.

Поскольку подобных эпизодов в других бретонских фольклорных текстах на данный момент не обнаружено, можно лишь с осторожностью высказать предположение о том, что эпизод с поеданием опасного хищника и последующего присвоения его качеств (волчьи глаза видят лучше человеческих, волчий нос лучше чует, волчьи уши лучше слышат) восходит к архаическим охотничьим ритуалам, утраченным и забытым. Однако никаких прямых доказательств существования веры в то, что сила поедаемого зверя может передаваться его победителю, в Бретани не зафиксировано.

Волшебная дубинка

Ar Penn-bazh dero

В отличие от предыдущей легенды «Волшебная дубинка» изобилует поучительными эпизодами, в которых затрагиваются многочисленные моральные проблемы: любовь к родной стране, верность выбранному пути и обещанию, данному матери; соблазны и умение им противостоять с помощью молитвы...

При этом, как и в других текстах этого сборника, мотивация героев и оценка автора накладываются на фольклорные сюжеты, требующие отдельной интерпретации для того, чтобы быть хотя бы отчасти понятными.

Дом с приветливыми хозяевами-убийцами, куда ведет кривая дорожка, страшные сараи с мертвецами и бои красных собак ассоциируются с миром мертвых, куда могут попасть путники, потерявшие бдительность. Красные, окровавленные собаки — не только деталь, подчеркивающая жестокость хозяев дома. Красные или красно-белые животные в средневековой литературе кельтских народов и в современном фольклоре принадлежат к иному миру. В качестве примера можно привести красноухих псов Аравна, правителя Аннуна, Иного мира из Мабиногиона. (О символике красного цвета см. Приложение.)

Девушка-рыцарь *Marc'heger ar Gergoad*

История о девушке травести, отравляющейся на службу королю и пленяющей лесного человека, известна в различных вариантах. Один из вариантов этого сюжета вошел в состав сказки Жозебик и Мерлин, перевод который был опубликован издательством «Менеджер» в 2000 году.

Если появление девушки, переодетой в мужскую одежду, при дворе короля, ее последующее разоблачение и брак с молодым правителем вряд ли претендует на оригинальность, то поимка лесного человека, Мерлина, или в варианте, записанным Йоном а Го, Мерлика, заслуживает более пристального рассмотрения.

Несмотря на то что персонажи легенд артуровского цикла периодически встречаются в произведениях средневековой бретонской литературы (см. Приложение), в фольклоре XIX—XX веков они отсутствуют за одним исключением. Персонаж по имени Merlin, Merlik, лесной дикарь, при виде изысканных яств с королевского стола теряющий бдительность и попадающий в ловушку, чтобы позже стать мудрым советником короля, соотносится, с одной стороны, с Мерлином, советником Артура, и лесным человеком по имени Мирддин из валлийских легенд.

Еще один персонаж, сопоставимый с бретонским Мерлином, — ирландский безумный король Суибне, потерявший разум на поле боя и превратившийся в дикаря, живущего в лесах. Этому персонажу и теме безумия в древнеирландской литературе посвящено исследование Т. А. Михайловой [Михайлова Т. А., 2001].

К сожалению, тема лесного человека в современном бретонском фольклоре не исследовалась так же детально. Отчасти это объясняется предельной осторожностью бретонских исследователей во всем, что касается обнаружения элементов, так или иначе связанных с артуровским циклом и вообще «слишком кельтских» элементов. Эта осторожность объясняется подозрительным отношением к любым отсылкам к артуровским легендам после скандала, разразившегося вокруг знаменитого сборника Barzaz Breiz (см. Приложение), где при обработке

народных песен и баллад их персонажи были переименованы, а сюжет подкорректирован так, чтобы у читателя создавалась иллюзия того, что перед ним песни, дошедшие до нас из седой древности и сочиненные чуть не при дворе самого Артура. Еще одна причина настороженного (если не сказать больше) отношения к подобного рода исследованием — обилие «кельтоманской» литературы, где в исполнении современных интерпретаторов-любителей попытки привязать современную народную литературу к артуровским легендам выглядят неуклюже и претенциозно.

Не следует забывать также, что при обнаружении в сказке или легенде, подвергшейся литературной обработке, артуровского персонажа подозрение падает на автора литературной версии, придавшего фольклорному произведению тот вид, который соответствует его собственному эстетическому вкусу. Искусственное добавление в сказку артуровских персонажей для придания ей «интересности» — не редкость для патриотически настроенных бретонских авторов. Прекрасной иллюстрацией такого вплетения в повествование артуровских персонажей и заодно — антианглийских настроений автора может служить вошедшая в этот сборник сказка «Сын короля Ирландии» в обработке Г. Милина.

Однако в случае с Мерлином в сказке «Девушка-рыцарь» (Marc'heger ar Gergoad) речь не идет о нарочитой архаизации. Как уже было сказано выше, эпизод с пленением лесного человека встречается как минимум дважды, причем сказка Жозебик и Мерлин (Jozebik ha Merlin) не была подвергнута литературной обработке. Записавший ее Жеф Филип в предисловии в своей книге *War goudeù Merlin e Breiz* (см. список литературы) особо подчеркивает, что не счел нужным вносить какие-либо изменения в текст, записанный от своего информанта.

Еще одна немаловажная деталь: с легкой руки Т. Э. де ля Виллемарке в современном литературном варианте бретонского языка имя Мерлина принято передавать как *Marzhin*. У Й. ар Го и Ж. Филипа, как мы видим, персонаж именуется иначе. Весьма вероятно, в этих двух случаях мы действительно имеем дело с фольклорной версией истории о Мерлине, лесном человеке.

Человек в чугунном котле

Paotr e bod-houarn

Особенность этой и многих других сказок из коллекции Ф. М. Люзеля состоит в минимальной обработке записанных им текстов и в оригинальных деталях распространенных сказочных сюжетов. Вместо зооморфного или просто уродливого персонажа, за которого должна выйти замуж младшая дочь, чтобы спасти отца, — странный человек на костылях, помещенный в чугунный котел; лошадь с острым хребтом, — именно эти моменты делают сказку запоминающейся.

Что же касается эпизода на перекрестке дорог, — см. комментарий к сказке «Парень-Дьявол».

Некоторые моменты отсылают нас к социально-экономическим реалиям. Человек в чугунном котле называет себя хозяином старика, но это не подразумевает личной зависимости крестьянина от своего господина. Речь идет об отношениях землевладельца и арендатора: старик, как явствует из сказки, обязан ежегодно выплачивать господину определенную сумму за право пользоваться его землей.

Сын короля Ирландии

Mar roue an Hiberni

Эта сказка может быть хорошим примером того, как фольклорный текст перекраивается и обрастает новыми интерпретациями действий героев в соответствии со вкусами автора.

В обработке Г. Милина сказка о русалке, записанная также Люзелем, то превращается в слезливую мелодраму, то вдруг становится продолжением артуровских легенд и антианглийским воззванием одновременно. Эпизод получения меча Артура от русалки выглядит довольно искусственно и никаких параллелей в бретонской народной литературе не имеет. Поводом отождествления русалки с феей Морганой служит созвучие бретонского *ar vorganez* (от древнебрет. *morgen*, вероятно, от *mor* + *genel* 'море' + 'рождаться') с именем последней. При этом фея Моргана никак не связана с морем, а меч Артур получил не от обитающей в море русалки, а от Девы Озера. Однако Г. Милин,

по всей видимости, не ставил целью сделать из обработанной им сказки литературную фальшивку и подбросить ее в качестве сенсации просвященной публике. Поэтому подобные нестыковки вполне можно принять за условность, допускаемую в авторской сказке.

Тем не менее русалка Моргана — весьма распространенный персонаж волшебных сказок и быличек, бытующих главным образом на морском побережье.

Моргана, или Мария Моргана (*Marî Vorgan*), упоминается во всех версиях легенды о городе Ис: принцесса *Dahut* или *Ahes* была сброшена отцом в море, стала жить на дне морском в наказание за свои грехи и получила имя Морганы. П. Ж. Элиас описывает ее как девушку с медно-рыжими волосами и рыбьим хвостом, которая показывается на поверхности моря ночью при луне.

В сходной по сюжету с «Сыном короля Ирландии» сказке *Marî hag Yvon hag ar Sirenn* [*An Uhel*, F, 1, 1984, с. 245—258] Люзель, бережно обращавшийся с собранными текстами, дает гораздо более лаконичное описание русалки и ее подводного жилища. Как и у Г. Милина, русалка живет на дне моря во дворце, однако ничего об этом дворце не сообщается. Русалка (обозначается заимствованным из французского *sirenn* — *sirène*) приковывает пленницу цепями к скале и обучает ее врачеванию с помощью снадобий.

Волшебная книжечка

Al leorig burzhudus

Еще один весьма распространенный сказочный сюжет получает оригинальную трактовку. Особенно интересен характерный для бретонских волшебных сказок эпизод с путешествиями на спине ветра, встречающийся также в сказках Люзеля.

У Люзеля внешность ветра никак не описывается. Г. Милин в комментируемой сказке, напротив, дает развернутое описание внешности ветра. К тому же здесь каждый из ветров облетает «свою» часть света. Сами имена ветров связаны с частями света: *Avel-draoñ* — нижний (восточный) ветер, *Gwalarn* (*Avel-gwalarn*) — северо-западный ветер, *Avel-Uhel* — верхний (за-

падный) ветер, Gevted — юго-западный ветер. Немаловажная деталь: несмотря на то что ветра делят свет на четыре части, среди них нет южного и северного ветра. Это не случайное «упущение», а отражение особенностей ориентации по сторонам света у бретонцев. Направление север—юг не играло большой роли в пространственной ориентации. Напротив, те направления, которые в привычной нам системе являются дополнительными (северо-запад — юго-восток, северо-восток — юго-запад), являются основными и имеют собственные названия. В целом система сторон света выглядит следующим образом:

‘Север’ Nort, Norz < франц. Nord, Hanternoz, Kreiznoz ‘полночь, полуночная сторона’ < брет. образ. kreiz ‘середина’ + poz ‘ночь’; kreiz ‘середина’; Sterenn ‘звезда’, ‘Полярная звезда’;

‘северный’ kleiz ‘левый’, nec’h, krec’h, lein ‘верхний’, часто в составе сложных слов, в частности названий ветров.

‘Юг’ Su, Sud < франц. Sud, Kreisteiz ‘полдень’, ‘полуденная сторона’, < брет. образ. kreiz ‘середина’ + deiz ‘день’;

‘южный’ dehou ‘правый’.

‘Запад’ Kognog, Kognaoec, < kogn ‘угол, изгиб, rog’ < древнебрет. cogn ‘то же’, ср. валлийское cogn, сугн, древнеирландское cogn, лат. cogni ‘то же’;

Kuzh-heol ‘заход солнца’ < брет. образ. kuzh ‘прятание’ + heol ‘солнце’; Goueled ‘пучина, глубина’ в топониме Goueled Breizh ‘западная часть Бретани’; West < франц. Ouest.

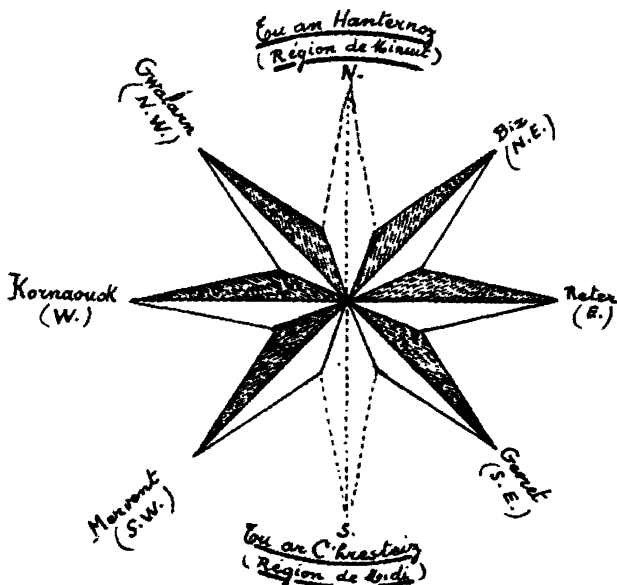
Восток, Reter Reter от древнебрет. recter < rec ‘перед’ + ter (значение неясно), возможно соотнести с древнеирл. airther ‘восток’; Sav-Heol < брет. образ. sav ‘вставание’ + heol ‘солнце’; Krec’h ‘восточный’ в broioù-krec’h ‘страны Востока’, Gogte ‘верх’ в составе топонима Gogte Leon ‘восточная часть Леонской области’.

Северо-запад Gwalarn — этимология не ясна.

Юго-запад Mervent < брет. образ. mer (значение неясно) + gwent ‘ветер’, ср. валл. gwunt ‘ветер’; Su-West < франц. Sud-Ouest.

Северо-восток Biz — этимология не ясна.

Юго-восток Gevred < среднебрет. geffret ‘противоположная сторона’, ср. валл. gyfeirid ‘то же’.

Наличие столь дробной восьмичленной системы (см. рис.) было обусловлено жизненной необходимостью моряков ориентироваться во время плавания.

Шесть из восьми сторон света имеют исконные бретонские названия: Kornaouk 'запад', Reter 'восток', Gwalarn 'северо-запад', Biz 'северо-восток', Mervent 'юго-запад' и Gevred 'юго-восток'. Две остальные — обозначаются либо заимствованными из французского словами Nord 'север' и Su 'юг', либо словами dehou 'право' и kreisteiz 'полдень' для юга и kleiz 'лево' и hanternoz 'полночь' для севера (возможно, также под влиянием французского).

При этом даже в бретонских текстах, написанных на латинском языке, где, казалось бы, можно было обойтись латинским словом, употреблялись словосочетания «левая сторона», «правая сторона». Так, в бретонских житиях, написанных на латыни, север обозначался как *pars sinistra* [Cuillandre J., 1927, p. 265].

Подобное обозначение севера и юга имеется в корнском языке: заимствованное *north* является синонимом к исконному *cleth* 'левая сторона'. В корнском житии св. Мериадека (1504) демон произносит следующие слова:

Me agis son an barth cleth — «Я благословляю вас с левой стороны», на что ему отвечают следующее: Agen tassens an barth north/ re roys thynny/ ruguir y venediconn — «Наш святой отец с северной стороны нам действительно дает свое благословение» [Цитируется по: Cuillandre J., 1927, p. 265].

Такое расположение сторон света относительно предполагаемого центра, где находится говорящий (север — по левую руку, юг — по правую), напрямую связано с ориентацией по солнцу. Соотнесение севера с левой стороной, а юга с правой характерно не только для бретонской, но и для ирландской, валлийской и корнской традиций, восходящих к индоевропейским представлениям о расположении оси мира в направлении восток—запад.

Литература на бретонском языке. Краткий исторический очерк

Легенды и сказки, с переводом которых могут ознакомиться читатели этой книги, сами по себе представляют немалый интерес. Однако для того, чтобы лучше понять их ценность, нелишне ознакомиться с историей литературы на бретонском языке.

Формат этой книги не позволяет дать подробный очерк истории бретонской литературы на бретонском, латинском и, позже, французском языках. Поскольку все тексты, приведенные выше, переведены с бретонского, вполне уместно будет ограничить себя (и читателя) и довольствоваться рассказом о наименее знакомой русскому читателю бретоноязычной литературе.

Собственно, история литературы на бретонском языке, так же как и история самого языка, подразделяется на три периода:

1. Древнебретонский — с V—VII века, то есть со времени переселения бриттов в Арморик, и до XII века. Граница окончания этого периода весьма условна, так как литературных произведений на бретонском языке, относящихся к этому периоду, не сохранилось. XII век считается важной вехой в истории бретонского языка, однако первый дошедший до нас литературный текст, как мы увидим позже, относится к XIV столетию.

2. Среднебретонский период — XII—XVII века. XVII век ознаменован реформой католического ордена иезуитов, оказавшей большое влияние на литературу.

3. Современный период — с XVII века и по настоящее время. Иногда внутри этого периода выделяют раннесовременный,

т. е. XVII—XVIII века, так как начало XIX века было ознаменовано орфографической реформой и попыткой создания литературной нормы.

Первые письменные памятники бретонского языка (те многочисленные глоссы, отдельные слова и имена собственные, которые встречаются в латинских рукописях) достаточно сложно идентифицировать, поскольку бретонские и валлийские формы трудно различить. Язык бретонцев в этот период был близок языку островных бриттов. Более того, литературный язык бриттов Уэльса, Корнуэла и Бретани был единым и обозначался в латинских текстах как *Lingua Brittanica*. Он являлся литературной нормой по отношению к бриттским (древневаллийским, древнекорнским и древнебретонским) диалектам, между которыми, по нашему мнению, уже в то время намечались некоторые различия. Образованные бритты, вероятно, говорили на наддиалектном варианте устного языка, который достаточно долгое время был понятен по обе стороны Ла-Манша. О существовании литературных произведений на территории Бретани того времени нам неизвестно; можно лишь предположить, что на континенте существовала бардическая поэзия, схожая с валлийской. В VI веке Венантий Фортунат, епископ Пуатье, утверждал, что в его время «на кельтском или армориканском языке были воспеваемы памятные события истории и что песни эти назывались *лэ (leudi)*» [цитируется по *Toute l'histoire de Bretagne*, 1996, с. 134].

Поэзия была неразрывно связана с музыкой, так как поэтические произведения исполнялись под аккомпанемент различных музыкальных инструментов. Бретонцы использовали нотную систему, которую они унаследовали от островных бриттов.

В течение всего древнебретонского периода центрами бретонской культуры были, как и в других кельтских странах, монастыри (Ландевеннекский, Пленанский, Редонский и другие). Там создавались, хранились и переписывались многочисленные рукописи, большая часть которых была впоследствии утеряна. До наших дней не дошло никаких литературных произведений на бретонском языке, созданных в монастырях: все, что мы имеем, это бретонские глоссы в латинских текстах: правовые термины, имена собственные.

Одним из наиболее значимых письменных памятников той эпохи является Редонский картулярий, который включает в себя 273 грамоты, составленные до 900 года, каждая из которых содержит топонимы, личные имена, правовые формулы. Кроме этого в картулярии имеется незначительное количество грамот XI—XIII веков.

Кроме Редонского существуют и другие картулярии: Ландевеннекский (XI в.) и Кимперлейский (XII в.). К тому же имеются свидетельства о существовании иных письменных текстов. Так, в лейденской рукописи Codex Vossiani Latin F 96 A сохранился фрагмент двуязычного медицинского трактата, в котором содержится более 70 названий растений и болезней по-древнебретонски. Текст, вероятно, восходит к VIII веку и считается самым древним из дошедших до нас памятников бретонского языка.

В IX—XI веках Бретань неоднократно подвергалась набегам викингов. Страна сильно пострадала от разорений, и в результате набегов большое количество письменных документов было уничтожено. Многие монахи покидали Бретань, которая, таким образом, лишалась носителей «ученой» культуры. Многие из знатных бретонцев укрывались в это смутное время во Франции и восприняли язык и культуру этой страны. После нормандского завоевания (1066) герцогство Бретань долгое время находилось под влиянием то Франции, то Англии, где в то время также господствовал французский язык. Бретонский язык и бретонская культура в силу этих и других причин становились менее престижными, зона распространения бретонского языка сокращалась.

Несмотря на это, бретонская литература продолжала развиваться и достигла расцвета в более спокойном для полуострова XII столетии. Именно в это время бретонская поэзия становится популярной за пределами Бретани. Большим успехом пользовались бретонские и валлийские жонглеры. До нас не дошли образцы поэтических произведений, которые были весьма популярны во Франции и Англии. Мы можем судить о характере бретонской поэзии лишь по отзывам современников и по тому огромному влиянию, которое она оказала на творчество трубадуров и труверов. Нужно отметить, что бретонский язык в ту

пору все еще обладал некоторым престижем, по крайней мере владеть этим языком было модно. Так, об одной прекрасной даме говорили: «Ее красота была совершенной с любой точки зрения. Умная и приветливая, она одинаково хорошо говорила по-бургундски, по-франсийски, по-фламандски и по-бретонски...» [Lavaud, R., Nelli-Brüge, R., 1960, p. 743].

Известно, что в основу французских лэ и так называемых бретонских романов Марии Французской, Кретьена де Труа, Беруля и Тома легли сюжеты, заимствованные из бретонской литературы, и часто действие этих произведений разворачивалось на территории Бретани. Менее известен тот факт, что в ту же эпоху создавалось множество анонимных поэм, таких как Graelent, Guingamor Lecheog, которые, по всей видимости, были гораздо ближе к оригинальным бретонским версиям [Toute l'histoire de Bretagne, 1996, с. 137].

В конце XI и начале XII века мода на бретонскую литературу достигла своего апогея. В это же время отмечен наибольший отток населения из Бретани на территорию тогдашней Франции.

Первое поэтическое произведение на бретонском языке, сохранившееся до наших дней, датируется XIV веком. В латинской рукописи *Speculum historiae* («Зеркало истории»), датированной приблизительно 1350 годом, имеется несколько среднебретонских стихотворений с внутренними рифмами. Одно из них, переписанное клириком Ивонетом Омнесом (Ivonet Omnes), вероятно, является образцом бретонских лэ того времени:

... An guen henguen am laouenas
an hegarat an locat glas...
mar ham guorant va karantit
da vout in nos oh he costit
uam garet nep pret...¹.

...белая, улыбающаяся, меня обрадовала
приветливая, голубоглазая,
Если моя любовь мне пообещает
провести ночь рядом с ней,
вечно любимой женщиной

¹ Жирным шрифтом выделены внутренние рифмы.

Этот отрывок ценен тем, что по крайней мере дает нам представление о том, какова была бретонская поэтическая традиция.

Многие сюжеты, присутствовавшие в литературных произведениях, сохранились в устной народной традиции вплоть до конца XX столетия.

Так, например, баллада *Gwerzh santez Enori* (Баллада о святой Энори) обнаруживает связи с сюжетными линиями жития святого Эффлама, легендой о короле Лире и трех его дочерях, такими произведениями, как: *Caradoc de Vannes* («Карадок ваннский»), «Персеваль», «Тристан» (прозаическое произведение), *Le Lai du Cor* («Лэ о роге») и *Vita Budoci* («Житие святого Будока») [Piriou, Y.-B., 1982].

К этому следует добавить, что темы, присутствующие в современной устной литературе и существовавшие в Средние века, зачастую являются общими для бретонской и валлийской средневековой литературы. Современный исследователь бретонского фольклора Д. Лоран опубликовал исследование, посвященное бретонской балладе *Gwerzh ar Skolan* (Баллада о Сколане) и легенде о Мерлине [Ethnologie française 1., 1972 с. 3—4].

Персонаж бретонской баллады по имени Сколан, в других вариантах: Янник Сколан, Сколван (*Skolan, Yannig Skolan, Skolvan*), осужден за многочисленные грехи на вечные адские муки. Только благословение матери может спасти его от этой участи. Он является с того света на черном коне, в черном одеянии, с черным лицом. Вся баллада посвящена описанию его преступлений, среди которых — убийства, изнасилования, уничтожение скота, разгром церкви, причем самым страшным грехом является то, что он утопил книгу. Различные версии этой баллады (одна из которых была обработана Т. Э де ля Виллемарке) продолжают существовать в бретонской фольклорной традиции по сей день. Так, одна из последних версий была записала Ж. Филиппом в 80-х годах XX века. Исполнитель баллады — Жан-Луи Ролан (1904—1985) [Philippe, J., 1986, с. 75—78].

Аналогичный персонаж по имени Исколан (*Yscolan*) является героем валлийской поэмы XII века из Черной книги Кармартена. Так же как и бретонский Сколан, Исколан осужден за

то, что поджег церковь, зарезал скот и утопил книгу. Описания Сколана — Исколана в обоих текстах схожи:

Валлийский текст:

Du dy uarch du dy capan	Черен твой конь, черна твоя одежда,
Du dy pen du du hunan	Черна твоя голова, черен ты сам,
Ia du, ae ti ycsolan?	Итак, ты — Исколан?
- Mi Iscolan, Yscolheic,	— Я Исколан, клирик,
Yseawin y puill iscodic	Легок ум дикаря,
Guae ny baut a gaut Guledic	Утопиться тому, кто оскорбляет Бога!

Бретонский текст:

Du eo da varc'h ha du out-te	Черен ты и конь твой черен
Pelec'h hoc'h bet ha da belec'h 'het?	Откуда вы и куда ты едешь?

[Toute l'histoire de Bretagne, 1996, с. 140]

При сопоставлении средневековых бретонских текстов с произведениями устной народной литературы, с одной стороны, и со средневековыми валлийскими текстами, с другой, мы можем вычлениить определенные детали, восходящие, возможно, к периоду языковой и культурной общности бретонцев и валлийцев. В качестве примера можно привести также мотивы артуровских легенд, легенд о Мерлине, сохранившихся по обе стороны Ла-Манша вплоть до наших дней (Мерлик, лесной человек из сказки «Девушка-рыцарь», — один из подобных примеров).

Начиная с XIV века количество письменных памятников возрастает, причем теперь уже мы можем говорить о дошедших до нас связных текстах на бретонском языке.

Так, в аббатстве Ландевеннек (Финистер) долгое время хранилась рукопись, датируемая 1450 годом, в которой содержалась так называемая королевская песнь под названием *An dialog etre Arzur ha Guinglaff* («Диалог между Артуром и Гуингланом»). В XVIII веке рукопись была утрачена, и о ней известно лишь благодаря выпискам, сделанным бретонскими лексикографами XVIII века Луи Ле Пеллетье и Грегуаром де Рострененом (о них см. ниже). В 1924 году филолог Ф. Гурвиль обнаружил записи Ле Пеллетье на чердаке одного замка близ Морлэ.

Текст «Диалога» весьма интересен по многим причинам. Во-первых, по мнению Я.-Б. Пириу, текст является прямым про-

должением легенд артуровского цикла, когда-то бытовавших в Бретани [Pirioù, Y-B., 1984]. Во-вторых, бретоноязычный клирик, автор этого текста, построил поэму таким образом, что диалог короля Артура и прорицателя Гуинглана является панегириком королю Франции, на которого бретонцы возлагали большие надежды перед лицом опасности, исходившей от англичан.

Вне всякого сомнения, эта поэма была неоднократно переписана более или менее безграмотными клириками, подверглась многочисленным изменениям и деформациям, так что судить о языковых и литературных особенностях исходного текста весьма затруднительно. Сохранившиеся до наших дней отрывки из поэмы изобилуют французскими заимствованиями и несовершенны с точки зрения стихосложения. Тем не менее некоторые архаизмы и чудом сохранившиеся внутренние рифмы указывают на то, что, скорее всего, первый вариант «диалога» был более интересен и в художественном, и в языковом плане [Pirioù, Y-B., 1984].

Важным событием в истории бретонского языка и литературы является словарь *Catholicon* (Католикон), составленный Жаном Лагадеком (Jehan Lagadeuc). Этот трехязычный бретоно-латинско-французский словарь *ad utilitalem clericorum rauregum Britaniae* (для использования бедными клириками Бретани) является также первым словарем французского языка. Самая старая из известных нам рукописей Католикона датируется 1464 годом, первое печатное издание — 1499-м. В этот же период увидела свет и латинская грамматика *Donoet*, написанная по-бретонски.

Основную массу литературных произведений того времени, как и раньше, составляли жития святых. Сохранилось достаточно большое количество стихотворных и прозаических произведений этого жанра, причем обилие документов XVI века создает ложное впечатление расцвета бретонской литературы в эту эпоху. На самом деле тексты XVI столетия свидетельствуют о начале упадка бретонской письменной литературной традиции. За редким исключением тексты этого периода изобилуют французскими заимствованиями, литературные достоинства этих произведений также нельзя назвать выдающимися.

Появление в Бретани книгопечатания в 1480 году и последующее его развитие в XVI столетии повлияло на увеличение количества литературных памятников. Распространению печатных книг способствовала также передвижная торговля, организованная в 1480 году Гийомом Лепином (Guillaume de Lespine) по поручению реннского книготорговца Гийома Туза (Guillaume Touse). Однако большое количество печатных произведений было составлено на французском языке и на латыни, сведений о сколько-нибудь значимых печатных изданиях на бретонском языке у нас не имеется; исключение составляет, пожалуй, вышеупомянутый Католикон. Следует также отметить, что рукописная традиция, несмотря на ранее появление книгопечатания в Бретани, продолжала существовать вплоть до XIX века, причем в рукописном варианте существовали преимущественно произведения на бретонском языке.

Более того, некоторые произведения создавались на двух языках. Так, например, в первых бретонских мистериях авторские ремарки были написаны на латинском языке. Одно из подобных произведений под латинским названием *Venicreator* написано наполовину по-латыни, наполовину по-бретонски «в честь госпожи Анны, герцогини-королевы», — *Enn henor dan Ytron Anna hon ducgez gouanez* — по случаю ее приезда на паломничество в Фольгоат в 1505 году¹.

Бретоноязычная литература XVI века известна нам в основном по произведениям религиозного содержания: *Tremenvan an Ytron Guerches Maria* («Успение Госпожи Девы Марии»), *Pemzec levez Maria* («Пятнадцать радостей Марии»), *Buhez tab-den* («Жизнь сына человеческого»). Особо следует отметить поэму *Migoet de la Mort* («Зеркало смерти») из 3 602 строк, написанную в 1519 году Мэтром Жаном Ан Аршер Коз из прихода Плонговен (*Maestr Iehan An Archer Coz a barrez Plongonven*). Эта поэма была напечатана в 1575 году, она посвящена, как и *Buhez Mab-den*, размышлениям о судьбе человека, о смерти и ее последствиях. На ту же тему рассуждает и безымянный автор

¹ Автором текста предположительно является Yves Mahyeuc, епископ Реннский [см. Le Menn, Gw., 1979].

поэмы *Passion*, напечатанной в Париже в 1530 году Эозеном Киливером (Eozen Quillivere).

Сюжеты этих произведений большей частью заимствованы из французских мистерий и житий святых. И тем не менее в некоторых из них прослеживаются параллели с литературными произведениями Британских островов, как в житии святой Нонны (*Buhez santes Nonn*), рукопись которого датируется началом XVI века и предположительно является списком с более древнего манускрипта, который, по мнению Ж. Л. Деффика, происходит из скриптория аббатства Даулас (*Daoulas*) и датируется временем между 1350 и 1398 годами. [*Toute l'histoire de Bretagne*, 1996, с. 245]. Сравнительно поздний список этого произведения нашпигован французскими заимствованиями, система внутренних рифм распатана, текст изобилует плеоназмами, вставляемыми для того, чтобы соблюсти стихотворный размер. И все же, согласно Я.-Б. Пириу [*Pirioù, Y.-B.*, 1986], некоторые отрывки текста являют собой отголоски старинных бретонских лэ.

Житие святой Нонны представляет собой театральную пьесу из более чем 2000 стихов. В ней упоминается более семидесяти персонажей, среди которых — святой Патрик, святой Гильдас, святой Диви, Мерлин. Содержание пьесы перекликается с бретонскими легендами о святых: Бог предрекает, что через тридцать лет родится святой Диви. Юная Нонна, готовящаяся стать монахиней, изнасилована королем Керитиком, что приводит к рождению святого Диви. По представлениям эпохи, зачатие в результате изнасилования было противоестественно; таким образом, рождение святого является результатом чуда.

На этом примере видно, что многие из дошедших до наших дней произведений известны нам по поздним спискам. Исходный текст, однако, возможно частично восстановить, опираясь на математически безупречную систему внутренних рифм, присутствовавших в среднебретонских стихотворных произведениях.

Однако среди тех документов, которые имеются в нашем распоряжении, есть и литературные произведения, представляющие несомненную художественную ценность, как, например, «Житие Святой Женевьевы Бранансткой». Однако еще одна

проблема состоит в том, что не все тексты дошли до нас целиком, как, например, пьеса «Житие святой Барбы» (Buhez Santez Barba), которая была издана в 1557 году. Другие, не менее интересные пьесы сохранились лишь в отрывках: Destruction de Jérusalem («Разрушение Иерусалима»), Buhez an itron Sanctes Cathell («Житие святой Катерины»), Buhez Sant Gwenole («Житие святого Гвеноле»), Amourousted eun den coz («Любовные похождения старика»). Последние три пьесы известны нам благодаря рукописным копиям, сделанным ле Пеллетье. По утверждениям лексикографа, в его распоряжении имелись рукописи этих пьес, причем рукопись «Разрушения...» была выполнена еще до введения книгопечатания в Бретани. Пьеса «Житие св. Гвеноле» имелась в двух вариантах, более ранний был датирован 1580 годом. Что же касается последней пьесы, то, по словам ле Пеллетье, она была напечатана и представляла собой небольшую книгу, вышедшую в Морлэ в 1647 году. Она примечательна тем, что это первая известная нам пьеса светского содержания. Как видно уже из самого названия, пьеса представляет собой комедию: старик хочет жениться на юной девушке, в результате она достается предприимчивому слуге. По причине фривольного содержания этой пьесы ле Пеллетье, священник-бенедиктинец, не осмелился переписать ее целиком, и в нашем распоряжении оказались лишь незначительные отрывки из этого произведения. Однако самим фактом своего существования пьеса указывает на то, что к этому времени в Бретани имелась традиция светской литературы. К тому же действие комедии разворачивается в Бретани (в отличие от подавляющего большинства других пьес) и ее персонажи носят бретонские имена.

Параллельно с приходящей в упадок письменной литературной традицией существовала живая и сильная традиция — устная народная литература. Разумеется, судить о ее наличии мы можем лишь по позднейшим источникам, относящимся к тому времени, устные произведения были записаны собирателями фольклора начиная с XIX века. Исключение составляют песни религиозного содержания, так называемые кантики, которые являются для нас весьма ценным материалом.

Среди многочисленных жанров устной бретонской литературы особый интерес представляют баллады (gwerzhioù), в

которых, в отличие от других жанров, часто запечатлевались не выдуманные, а реальные исторические события. Так, Донасьен Лоран в своем исследовании показал, что в основу некоторых баллад, собранных и записанных в XIX веке, легли события предыдущих столетий, самое раннее из которых датируется XV веком: одна из баллад повествует о высадке английских войск на Леонское и Трегьерское побережье. В другой балладе отражена осада Гвенгампа (1488), к описанию которой примешаны детали событий 1591 года. Еще в одной балладе подробно описываются события крестьянского восстания 1490 года, произошедшие на фоне франко-бретонской войны, однако первые ее строки относят нас к еще более раннему событию.

Границу между среднебретонским и современным бретонским языком, а также начало нового периода в истории бретонской литературы принято отождествлять с появлением произведения «Катехизис и обучение для католиков» (*Catechism hac Instruction evit an Catholicqet*) Жилия де Каранпюилля (*Gilles Keranpuil de Bigodou*) (1530—1578), который представляет собой перевод латинского катехизиса иезуита Канизюса (*Canisius*). На рубеже XVI и XVII веков и позже литература на бретонском языке подверглась мощному влиянию (если не сказать — цензуре) иезуитов, проводивших церковную реформу и осуществлявших миссионерскую деятельность в глухих уголках Нижней Бретани.

Говоря о сценических произведениях XVII века, необходимо прежде всего упомянуть мистерию *Santez Jenovefa a Vrabant* («Святая Женевьева Брабантская») [Le Duc, 1983]. Эта пьеса сохранилась в трех поздних версиях и предположительно была написана около 1640 года неким иезуитом, который, по мнению Г. Ле Дюка, не только был разносторонне образованным человеком и обладал тонким художественным вкусом и незаурядными литературными способностями, но и великолепно знал бретонский язык и виртуозно владел техникой бретонской версификации. Автор максимально использует возможности бретонского языка (полисемия, внутренняя и финальная рифма, игра слов, изменения смысла слова) для достижения своих целей. Согласно Ле Дюку, помимо буквального смысла текста,

существует «второй план», второй смысл, создаваемый с помощью вышеупомянутых языковых и литературных средств. При этом автор текста не изобретает новых рифм или новых смыслов общеизвестных слов, многие из употребляемых им рифм банальны, некоторые являются так называемыми клише, однако ни в одном случае их употребление не является случайным. К тому же зачастую автор прибегает к использованию нескольких языковых и стилистических примеров одновременно, чем достигает максимального эффекта. При этом, как отмечает Ле Дюк, язык этой пьесы есть «утрированный пример нормального функционирования языка».

В это же время публиковались и сборники поэтических произведений, такие как *Novelov ancien ha devot* (Старинные набожные рождественские песни; 1650) или *Tragedienn Sakt* (Священная трагедия; 1651) и *Dialogue avec la Mort* (Диалог со смертью; 1656), где среди действующих лиц выступает Анку.

Несмотря на то что мы имеем в нашем распоряжении несравненно больше документов на бретонском языке, относящихся к периоду после XVII века, характер их постепенно меняется. Престиж бретонского языка в этом столетии упал настолько, что его уже называют «нижнебретонским наречием» (*le bas-breton*). Однако в то же время появляются первые попытки «возвысить» бретонский язык в глазах просвещенной публики и представить его «праматерью всех языков».

Так, в 1659 году была опубликована книга П. Монюара (P. Maupoir) *Sacré Collège de Jesus* — катехизис на бретонском и грамматика бретонского языка, а также его словарь *François-breton armoigique*. Это сочинение оказало большое влияние на бретонскую орфографию (так, именно он ввел обозначения инициальных мутаций на письме, предложил отменить диграф -ff и пр.), так что дату выхода этой книги в свет принято считать началом современного периода в истории бретонского языка.

Вторая половина XVII века заслуживает отдельного рассмотрения. Необходимо упомянуть поэму *Passion* («Страсти Господни»), состоящую из 4650 стихов (считается одним из шедевров того времени) и написанную Мессиром Лораном Ришу (*Missire Laurans ar Richou, bellec ha cure en parrous a Plounez*,

escorty Sambrieuc), священником и викарием прихода Плунез епископства Сен-Брие, в 1678 году; а также поэмы «Сотворение мира» (Creation ar bet), где пересказывается библейская история о сотворении мира, «Святая Трифина и король Артур» (Santez Tryphina hag ar Roue Arzur) «Жизнь Маларже» (Vue Malarge).

Чрезвычайно популярным в это и последующее время было произведение Buez ar revar tab Emon, («Жизнь четырех сыновей Эмона»), которая позже, в 1780 году, была зарифмована и продолжала свое существование в виде поэмы. Популярность «Четырех сыновей...» была такова, что вплоть до XIX века это произведение читали и знали по всей Бретани, и оно оказало влияние на устную народную литературу этого столетия. Не меньшей популярностью пользовалась книга Ar bugel fur da dri bloas («Ребенок, мудрый в три года»), переведенная с французского в 1660 году аптекарем Гийомом де Буазарди (Guillaume du Voishardy), которая переиздавалась вплоть до второй половины XIX века.

Также в XVII веке издается большое количество религиозно-просветительской литературы: Confessional, Euzen Gueguen Нант (1612), An mirouer a Gouffession, «Зеркало исповеди», изданное в Морлаэ (Montroulez) в 1621, которое было переведено Танги Гегеном (Tanguy Gueguen) с французского перевода испанской книги Doctrina Christina иезуита Диего Ледесма (Diego Ledesma).

В это же время был создан перевод Библии на бретонский язык, выполненный частично в стихах, частично в прозе. Его автором был Жан Хюэльван (Jean Huelvan), бывший сначала моряком, мушкетером, а позже — приходским священником в Брике (Brieg). Однако его перевод не получил одобрения церкви. Всего же им было написано 13 томов сочинений, о которых нам ничего не известно.

На этом моменте следует остановиться особо. Как следует из примера перевода Библии на валлийский язык, сам факт существования Священного писания на региональном языке может в корне изменить лингвистическую ситуацию и привести к укреплению позиций этого языка. Факт неодобрения церковью перевода Библии на бретонский, естественно, не способствовал престижу данного языка.

Позже неоднократно предпринимались попытки перевода Библии на бретонский язык. В частности, одним из переводчиков был Ле Гонидек (см. ниже).

Несмотря на то что мы имеем мало прямых указаний на существование светской литературы на бретонском языке в XVI—XVII веках, известно, что в это время создавалось большое количество разнообразных песен и баллад. Большинство из тех песен, которые были записаны собирателями фольклора в XIX веке, были сложены до Революции, в XVII—XVIII веках. Из тех баллад, которые были записаны до XIX века, нам известны: «Новая баллада» (*Gouers nevez*), переписанная в 1632 году Ивом ле Патезуром (*Yves Le Patezour*), нотариусом из Плебиана, а также баллада о битве при Камаре в 1694 году. Кроме того, сохранились образцы более «низкого жанра»: например, сатирическая песня, написанная в 1697 году. Известно, что в Бретани песни слагали в честь всех выдающихся событий, как, например, дошедшую до нас песню во славу Людовика XIV и дофина Франции.

Прежде чем продолжить перечисление литературных произведений следующего, XVIII, столетия, необходимо несколько более подробно остановиться на языковой ситуации, без понимания которой некоторые моменты могут показаться неясными.

Итак, в течение XVIII столетия зона распространения бретонского языка сокращается, и восточная граница его распространения сдвигается к Сен-Назеру, проходя через Рош-Бернар, Жосселин, Луэдак, Сен-Брие. Однако к западу от этой воображаемой линии подавляющее большинство населения владеет только бретонским. Число носителей языка равнялось примерно миллиону человек, большая часть из них проживала в сельской местности, однако в связи с оттоком населения из деревень в города бретонский язык стал языком наемных рабочих и ремесленников. При этом развитие портовых городов ведет к постепенному проникновению французского языка на территорию Нижней Бретани.

Церковь пользовалась двумя языками — службы проводились на латинском языке, а проповеди читались по-бретонски.

Важно отметить то, что в этот период создание школ в Нижней Бретани еще не было связано с навязыванием французского языка сельскому населению. Обучение в духовных заведениях велось на латыни, а в сельских школах — на бретонском, там ученики получали навыки чтения и письма на родном языке. Именно этим читателям было адресовано большое число произведений религиозного содержания, написанных по-бретонски.

Что же касается самих произведений, то их количество столь велико, а качество, увы, чаще всего оставляет желать лучшего.

Тем не менее именно в XVIII веке растет интерес к бретонскому языку среди образованных людей. Этот интерес, вызванный кельтоманией, которая к концу столетия достигает большого размаха, в результате приводит к попыткам создания литературной нормы бретонского языка. Так, в 1723 году выходит *Dictionnaire breton — français du diocèse de Vannes* (Бретонско-французский словарь Ваннской епархии), автор Пьер де Шалон (*Pierre de Chalons*). Несколько позднее, в 1732 году, увидел свет словарь Грегуара де Ростренена (*Grégoire de Rostrenen*) *Dictionnaire français-celtique ou français-breton*. В 1738 году вышла его же грамматика *Grammaire française-celtique ou française-bretonne*. В 1744 году в Лейдене был издан франко-бретонский словарь ваннского диалекта (*Dictionnaire français-breton ou français-celtique du dialecte de Vannes*), автором которого был Силлар де Керампуль (*Cillart de Kerampoul*). В 1756-м этот словарь был переиздан в Гааге. И, наконец, в 1752 году был издан Словарь бретонского языка (*Dictionnaire de la langue bretonne*) Ле Пеллетье.

Помимо этого в XVIII веке было создано несколько рукописных словарей, так и оставшихся ненапечатанными: словарь Коаталема (*Coatalem*), содержащий 8 800 рукописных страниц, франко-бретонский словарь Пьера де Шалона (*Pierre de Chalons*), Латино-кельтская грамматика (*Grammatica Latino-celtica*) Алана Дюмулена (*Alain Dumoulin*), которая позже, в 1800 году, была все же издана в Праге, равно как и Французская и бретонская грамматика (*Grammaire française et bretonne*)

Что же касается литературных произведений, то, несмотря на немалое их количество, о качестве произведений говорить чем дальше, тем сложнее. Многие число раз издаются книги

религиозного содержания, написанные такими авторами, как Герен (Guégen), Бри (Bris), Марион (Marion). Литературные достоинства этих произведений невелики, к тому же бретонский язык в них насыщен французскими заимствованиями. Гораздо больший интерес представляют сборники религиозных гимнов (кантик), издававшиеся повсеместно.

Особо следует отметить такое важное для бретонской культуры произведение, как *Buhez ar Saent* (Жития святых), написанное священником Клодом-Гийомом Мариго (Dom Claude-Guillaume Marigo). Эта книга стала настоящим бестселлером и пользовалась феноменальным успехом; многие поколения бретонцев выучились по ней читать, практически в каждом доме в сельской местности имелся экземпляр этой книги. Впервые изданная в 1752 году, она переиздавалась 18 раз, последний раз — в 1927 году.

Однако параллельно с письменной литературой, переживавшей не лучшие времена, существовала мощная традиция усной народной литературы, которая до конца XVIII века не пользовалась особенным интересом у читающей публики. Лишь на рубеже XVIII—XIX веков наступили серьезные изменения во взглядах на народную литературу на бретонском языке.

Бретонская народная литература и первые попытки ее письменной фиксации

Бретонская народная литература, несмотря на богатство и оригинальность сюжетов, мало известна за пределами своей родины — маленького полуострова, затерянного на западной окраине Европы.

Интерес к бретонской народной культуре пробудился во Франции и за ее пределами на рубеже XVIII—XIX веков, на волне кельтомании, возникшей благодаря выходу в свет «Оссиановых поэм» Макферсона. О бретонцах и их народной поэзии узнали после выхода в свет книги *Barzaz Breiz* (обычно переводится как «Бретонские песни»), в которой собрано множество баллад. В них фигурировали и барды, и друиды, и отважные рыцари. Ее автором был Теодор Эрсар де ля Виллемарке (1815—1895), который частично следовал примеру Макферсона и достаточно вольно обращался с текстами народных баллад, порой обрабатывая их до неузнаваемости с целью сделать их более «древними» и эффектными. Так, в настоящих бретонских балладах о друидах нет и речи, но от этого их сюжеты не были менее древними и почтенными.

Вскоре после выхода *Barzaz Breiz* автор был уличен в приукрашивании фольклорных текстов, и просвещенная публика была разочарована настолько, что *Barzaz Breiz* поспешно объявили подделкой. С тех пор французские ценители фольклора стали весьма скептически относиться к самому факту существования бретонской народной литературы.

Лишь в XX веке в результате исследований фольклориста Донасьена Лорана был частично реабилитирован де ля Виллемарке, и подлинность многих записанных им баллад была доказана. Но до середины прошлого столетия к публикациям бретонских фольклорных текстов и специалисты, и любители фольклора нередко относились с недоверием и пренебрежением. Во многом причиной этого было незнание бретонского языка просвещенной публикой, которая довольствовалась переводами на французский и не имела возможности обратиться к оригиналу и проверить аутентичность переводов.

Но все же энтузиасты продолжали собирать и публиковать фольклорные тексты. Первые записи бретонских сказок относятся к середине XIX века. Большое количество сказочных текстов было собрано и издано на французском языке Франсуа-Мари Люзелем (1821—1895), что позволило исследователям многих стран ознакомиться со сказками бретонцев (на родном языке сказки Люзеля были изданы гораздо позже — в конце XX века). Люзель же составил двуязычный сборник баллад и песен *Gwerziou ha soniou*. Широко известен и сборник *La legende de la Mort* Анатоля ар Браза, также первоначально опубликованный на французском, что опять же вызвало некоторые кривотолки. Публикация переводных, а не оригинальных текстов породила скептицизм. В то же время небольшими тиражами выходили сборники сказок на бретонском языке, которые не переводились на французский и, следовательно, не были доступны широкой публике. Коренным образом ситуация изменилась в XX столетии, особенно когда стало возможным записывать голоса певцов и сказителей — сомнения в подлинности сказок и песен отпадали сами собой.

Бретань на рубеже XIX—XX веков

Нелишне будет хотя бы вкратце обрисовать среду, в которой бытовали устные тексты XIX — начала XX века, легшие в основу переведенных и представленных в этой книге текстов.

Нижняя Бретань «неофициально» разделена на прибрежную часть *Argoat* и «лесную» *Argoat*. Разделение это скорее эт-

нографическое, нежели географическое. Население побережья составляли жители мелких городов, в основном моряки и торговцы; позже, когда были построены заводы по переработке и консервированию рыбы (например, в Дуарненез), к ним прибавились и рабочие. Жители прибрежных рыбацких городков несколько пренебрежительно относились к крестьянскому населению «лесной стороны». Обитатели ферм довольно часто проводили всю свою жизнь, не выезжая дальше ближайшего городка, где проводились ярмарки. Существенные изменения наступили лишь во время Первой мировой войны, когда большинство мужчин было мобилизовано.

Крестьянское население в основном состояло из арендаторов и землевладельцев; довольно часто знатные или просто зажиточные семьи в течение многих столетий сдавали землю одним и тем же семьям арендаторов.

Жизнь и быт бретонской деревни до второй половины XX века отличались крайней консервативностью, что объяснялось экономическими проблемами региона. Взять хотя бы одну деталь: во многих населенных пунктах Бретани электричество появилось лишь после 1960-х годов. До середины, а в некоторых областях — и до последних десятилетий XX века в сельской местности и в небольших приморских городах женщины носили традиционный костюм: бархатное платье, крахмальный чепец и накрахмаленный воротник. Детали костюма, самой характерной из которых считается форма чепца, варьировались от местности к местности, так что по костюму можно было с большой точностью определить, откуда родом его носитель. Мужчины, как более активная часть населения, отказались от ношения традиционного костюма раньше женщин.

Крестьяне жили в каменных домах, размер которых зависел от достатка. Самые скромные жилища назывались *pennti* и состояли из одной комнаты, начинавшейся дверным проемом и оканчивавшейся очагом у противоположной стороны. Пол был земляной; перед строительством дома землю утаптывали для того, чтобы пол получился ровным и плотным. В наиболее бедных семьях в одном помещении с людьми держали кур и мелкий домашний скот. В городах, особенно в прибрежной зоне, санитарно-гигиенические условия были на порядок лучше.

Жизнь церковной общины была строго регламентирована как правилами поведения, установленными католической религией, так и общепринятыми нормами поведения, основанными на местных поверьях. Нередко нормы морали, предписанные церковью, вступали в противоречие с народными обычаями. Так, например, традиция фестонов, ночных праздников с музыкой и танцами, осуждалась церковью как неприличная: юноши и девушки общались там слишком непринужденно.

Несмотря на то что на селе существовали церковно-приходские школы, где по инициативе священников проводилось обучение грамоте на бретонском языке, и на относительную грамотность населения, устная передача текстов долгое время сосуществовала с письменной.

Талант сказителя или певца был особенно ценен в условиях информационного голода, естественного для общества, где не существовало современных средств массовой информации и даже прессы, доступной в городах.

Бретонская народная сказка

Что же представляют собой известные нам бретонские сказки и легенды? Их жанровый состав крайне разнообразен, причем предпочтение отдается волшебной сказке. Согласно традиции любой сюжет может усложняться: обычно опытный сказочник нанизывал один сюжет на другой, чтобы создать «многосерийную» сказку, и каждый вечер рассказывал очередной эпизод. Особенно искусные рассказчики комбинировали сюжеты так, что рассказывали одну сказку более недели. Так постепенно сказки превращались в некое подобие авантюрного романа.

Хотя в бретонских сказках, как и в сказках любого другого народа, прослеживаются отголоски дохристианских верований, многие языческие мотивы подверглись переосмыслению. Например, часто присутствующее в сказках многих народов препятствие на пути героя — гора — превращается в Голгофу. Многие новеллистические сказки часто тяготеют к религиозным притчам, но даже их сюжеты не всегда соответствуют канонам католичества. В некоторых сказках-притчах даже сам Господь Бог оказывается посрамленным.

Распределение сказочных сюжетов по областям Бретани неравномерно. Точных статистических данных на этот счет нет, но все же если среди новеллистических сказок Корнуайской и Трегьерской области часты «плутовские» и сатирические сюжеты, насмешки над духовенством, то в Леонской области, где влияние духовенства традиционно было более сильным, сказки более «серьезные», часто — нравоучительные, внушающие уважение к духовенству и религии.

Информанты собирателей фольклора

Имена большинства из тех, кого фольклористы называют информантами, остались неизвестными. В основном сказители принадлежали к профессиям, предполагающим бродячий образ жизни (портные, чесальщицы льна, сапожники и их жены). Наиболее известна пряжа из Плазюнет (Plouzunet) Мархарид Фюлюп (Marc'harid Fulup), которая обязана своим фантастически обширным репертуаром тому, что многократно участвовала в паломничествах.

Были и профессиональные рассказчики, как, например, Ян Ар Гвенн (Yann ar Gwenn, 1774—1849). Слепой и неграмотный, он являлся не только сказителем и исполнителем песен, но и сам создавал оригинальные произведения. Сказителями и певцами иногда были бродячие торговцы, как знаменитая Мари из Кастеллина (Mari Kastellin, настоящее имя — Marie Guillermou), которая путешествовала по ярмаркам и религиозным праздникам на повозке, запряженной собаками.

Наряду с устной передачей текстов в Нижней Бретани вплоть до XIX столетия не угасала рукописная традиция. Несмотря на раннее появление книгопечатания, книги в силу дороговизны были труднодоступны для крестьян, поэтому произведения народной литературы нередко записывались и переписывались от руки.

Об авторах текстов, вошедших в этот сборник

Франсуа-Мари Люзель (1821—1895)

Франсуа-Мари Люзель (бретонский вариант его имени — *Fasch an Uhel*), родился в Плуаре (*Plouaret*) в замке Керамборн (фр. *Keramborne*, брет. *Ker-an-Born*) в семье зажиточных крестьян. В 1835 году поступил в Королевский коллеж города Ренна (*College Royal de Rennes*), который окончил в 1841 году, после чего продолжал учебу в Бресте. В 1845 году добился для себя поручения от Министерства общественного образования собирать фольклор в Нижней Бретани в рамках обширной государственной программы, целью которой были сбор и публикация памятников фольклора по всей территории Франции. За два года Люзель собрал обширную коллекцию народных песен, рукописей и печатных изданий, содержащих пьесы и поэмы на бретонском языке. С 1847 по 1868 годы преподавал в различных учебных заведениях Динана (*Dinan*), Понтуаза (*Pontoise*), Нанта (*Nantes*), Ренна (*Rennes*), Кемпера (фр. *Quimper*, брет. *Kemper*) и Лориана (фр. *Lorient*, брет. *An Oriant*).

В 1863—1864 годах Люзель вновь занимается сбором фольклорного материала близ Плестина (*Plestin, Plistin*) и Ланниона (*Lannion, Lannuon*) в рамках все той же программы. Кроме того, на этот раз ему удалось собрать 34 рукописи, содержащие различные мистерии. Продолжить такую работу он смог лишь в 1868—1872 годах, когда Люзель исходил пешком практически

всю территорию бретоноговорящей Бретани, исключая Ваннскую область (по причине непонимания ваннского диалекта). Этот период был наиболее плодотворным: поиски принесли большое количество сказок, песен, баллад, а также добытых с помощью различных уловок старинных рукописей, хранившихся в домах крестьян.

Работы Ф.-М. Люзеля ныне считаются классикой бретонской фольклористики. С 1868 по 1890 годы им было опубликовано четыре тома *Chants et Chansons populaires de la Basse Bretagne*, два из которых занимают баллады эпического содержания (*gwerziou*), а два других — лирические, сатирические и религиозные песни (*soniou*), всего около 450 баллад и песен. Будучи кропотливым и педантичным собирателем, Люзель указывал происхождение каждого произведения (имя исполнителя и название населенного пункта, где записана песня, а если песня записана не самим Люзелем — имя записавшего), ко многим песням прилагаются варианты.

Столь же объемная и тщательная работа была проделана Люзелем при составлении сборника сказок, вышедшего в пяти томах с 1881 по 1887 годы. В сборник вошло около трехсот сказок, собранных в Трегьерской и Верхнекорнуайской областях.

Амабль Труде (1803—1885) и Габриэль Милин (1822—1895)

Амабль-Эммануэль Труде (*Amabl-Emmanuel Troude*) родился в 1803 году в семье адмирала и всю жизнь вплоть до выхода на пенсию в 1852 году прослужил во французской армии. С детства знал бретонский язык и посвятил ему все свободное время. Им созданы бретонско-французский и франко-бретонский словари, однако более он известен как собиратель и издатель бретонских народных сказок.

Габриэль-Жан-Мари Милин (*Gabriel-Yann-Vari Milin*) родился в 1822 году и за всю свою жизнь ни разу не выезжал за пределы Нижней Бретани. Был служащим в порту Бреста, куда приезжали ремесленники со всех областей, которые и стали его основными информантами. Милином были опубликованы такие сборники народного творчества, как *Marvailhou Gwtac'h*

kozñ («Старушкины небылицы»), Fugnez ar Geiz («Мудрость бедняков»).

Выйдя на пенсию, участвовал в выпуске газеты Feiz ha Breiz («Вера и Бретань») на бретонском языке, которая одно время выходила под его редакцией.

Несмотря на существенную разницу в возрасте, Труде и Милин сотрудничали при подготовке к изданию различных книг на бретонском языке. Так, они совместно редактировали и готовили к печати перевод Библии, выполненный Ле Гонидеком (издан в 1886 году).

Эрвон Ар Моаль (1874—1957)

Эрвон Ар Моаль (Erwan ar Moal) — не самый известный из бретонских фольклористов. Его имя было бы вовсе забыто, если бы не сборник легенд *Pipi Gonto* (1925). В отличие от предшественников, подвергал записанные им легенды достаточно сильной литературной обработке. Это касалось в первую очередь не сюжета, а жанра: фольклорные сюжеты стилизовались под готические новеллы, что делало собранные тексты более динамичными и более привлекательными для современников, считавших легенды и сказки устаревшим и несерьезным чтением.

Йон ар Го (1897—1966)

Йон ар Го (Yvon ar Gow) считается одним из лучших бретонских писателей XX века. Наиболее известное его произведение — «В тени высокой башни Сен-Жермен» (*E skeud tour bras Sant-Jermen*), где автор рассказывает о собственном детстве. Йон ар Го не был фольклористом, но одну сказку с продолжением он все же записал. В наш сборник она вошла под названием «Девушка-рыцарь». Ее оригинальное название — *Marc'heger ar Gergoad*.

Приложение

Символика красного цвета в бретонской народной литературе

В современном бретонском языке красный цвет обозначается словом *гу(z)* (от древнебрет. *gud*), восходящим, как и валлийское *ghudd* и ирландское *гуа (dh)* (древнеирл. *guad*), к индоевропейскому **teudh-*, **toudh-* ‘красный’, известному во многих языках: санскр. *gudhirá*, лат. *guber*, старослав. *рьдрь*, совр. русск. *рудой* (рудый).

Кроме значения ‘красный’ в кельтских языках это прилагательное имеет переносные значения, обозначающие, как правило, некий отрицательный, враждебный признак.

Интересующее нас прилагательное в бретонском языке имеет несколько значений: Ф. Фавро дает в своем словаре два значения прилагательного *гуз*: ‘красный’ и ‘разнузданный’ *dechaïne*.

Красный цвет вообще воспринимается бретонцами негативно наряду с черным. Фавро приводит в своем словаре следующие фразеологические сочетания, в которых компонент *гуз* либо усиливает некий признак, чаще всего отрицательный, либо в сочетании с существительным, обозначающим нечто враждебное человеку, имеет значение «сильный, большой, жестокий». Жюль Гро отмечает: *Ruz marque le superlatif* — «*Ruz* обозначает превосходную степень»¹:

¹ Gros, J. *Le Trésor du breton parle*, 1989. P. 451.

d'an daoulamm (pevarlamm) guz;

быстрым галопом (буквально «красным галопом»);

fachiri guz;

сильная ссора (букв. «красная ссора»), ср. также: bezañ facht guz gant unan bennak 'быть очень сильно на кого-либо рассерженным';

ag skorn guz;

лютый мороз (букв. «красный мороз»).

В качестве синонимичного Фавро приводит выражение ag gew du, букв. «черный холод», таким образом, мы видим, в данном выражении красный и черный цвета взаимозаменяемы.

Однако «красным» может быть не только холод, но и жара: томм-гуз, букв. «красно-жаркий». Данное выражение может обозначать также и 'раскаленный докрасна'. Однако во всех этих случаях усиливается качество (холода, жара) представляется негативным, и guz в данном случае имеет значение 'сильный, жестокий'. Это значение особенно четко проявляется в следующем выражении: паон guz 'жестокий, (букв. красный) голод'

Мы отметим также существование восклицания mallozh guz, которое можно перевести как «ужасное (красное) проклятие» и «большое несчастье».

Ж. Гро приводит также прилагательное guz в значении существительного «буря»:

guz e oa;

eun tempest guz a gee.

Оба выражения Гро переводит французским il faisait une tempete épouvantable, «была ужасная буря». Однако перед нами две совершенно разные конструкции: в первом случае прилагательное субстантивировано и играет роль подлежащего, буквальный перевод: «было красное», во втором прилагательное является определением слова tempest: «была ужасная (красная) буря».

Далее Гро приводит еще один пример, где прилагательное guz обозначает именно бурю, а не ее эпитет.

Агуи ео гуз! С'est une tempête! — «Ну и буря!» букв. «Пришло красное!». В данном случае, однако, возможен и иной перевод: «Все стало красное», так же как в конструкциях типа: агуи ео козх Мари-Жан — «Мари-Жан стала ста-

рая» или *Aggu eo skuizh an tad* — «отец устал (сделался усталым)».

Итак, мы видим, что в современном бретонском языке прилагательное *guz* обозначает не только красный цвет, но и некое качество, опасное для человека, враждебное ему.

В бретонской народной традиции Дьявол ассоциируется с красным цветом, в сказках и легендах он часто представлен в виде человека, одетого в красное.

Вообще же в бретонском фольклоре присутствуют три основных цвета: белый и черный относятся к церковной символике, а красный является цветом именно Дьявола, а не зла вообще. В принципе бретонские фольклорные тексты слабо хроматизированы, и упоминание цветов того или иного предмета (одежды и т. д.) встречаются весьма редко, как правило в тех случаях, когда они указывают на особый статус упоминаемого предмета или персонажа. Логично предположить, что красный цвет «вписался» в христианскую палитру, поскольку был весьма значим в местной дохристианской традиции как цвет inferнальных существ, чье место в фольклоре после христианизации занял Дьявол. Это цвет угрозы, опасности для человека. Вспомним также, что тернарная оппозиция черный—красный—белый характерна для индоевропейской традиции в целом. Вероятно, именно эта оппозиция сохранилась в бретонском языке.

Та же оппозиция характерна и для островных кельтов. Красный цвет является атрибутом inferнальных существ не только в бретонской, но и в ирландской и валлийской традициях.

В древней ирландской литературе, как и в современном фольклоре, рыжий (красный) цвет волос является символом принадлежности к иному миру.

Особенно четко это прослеживается на фольклорном материале. Так, Т. А. Михайлова приводит большое количество быличек, в которых фигурируют рыжеволосые существа обоего пола, оказывающиеся сидами (жителями иного мира)¹. Встре-

¹ Михайлова Т. А. «Рыжая девушка» или о цвете волос как знаке принадлежности к иному миру в ирландском фольклоре // Миф в культуре: человек — не-человек, материалы конференции. М. 2000. С. 68—77.

ча с ними может быть в равной степени благоприятной и неблагоприятной для героя. В этих текстах сообщение о цвете волос персонажей фактически равнозначно сообщению об их принадлежности к иному миру. При этом цвет волос обозначается прилагательными *gua(dh)* либо *de(a)rg*. Оба они имеют значение 'красный', однако о последнем следует сказать особо. В древнеирландском *derg* обозначало красный цвет, цвет крови, оранжевый оттенок, рыжий цвет волос. Ряд производных от него существительных имеют отрицательную коннотацию: так, *dergarad* — «красная угроза» 'red warning' обозначало вину человека, приютившего беглого преступника, *dergfine* — семейная группа, виновная в нанесении ущерба родственнику потерпевшего ('family group that has been guilty of 'fingal'¹) и т. п. Также *derg* может играть роль префикса, усиливающего некий признак, чаще всего отрицательный: др.-ирл. *dergdasachtach* — 'буино помешанный, абсолютно сумасшедший' (raging mad) др.-ирл. *dergmaith*, *dergnama* — 'злейший враг' (bitter foe), др.-ирл. *dergnaimdenas* — 'жестокая вражда' (fierce enmity) [CDIL].

В отличие от него *guad* в древнеирландском обозначало красно-коричневый оттенок и имело иное переносное значение: *guad* в поэтическом языке обозначал положительные качества царя, воина — «сильный, доблестный», хотя и здесь компонент «красный» может обозначать враждебность, о чем будет сказано ниже.

Мы предполагаем, что прилагательное *derg* в древнеирландском частично взяло на себя функции более древнего *guad*, значение которого сузилось до обозначения одного лишь оттенка красного цвета. Подобное смещение оттенков красного цвета наблюдается и в русском языке, где прилагательное *рудой* (*рудый*), первоначально обозначавшее красный цвет, стало употребляться для одного из оттенков красного: рыжий, красноватый цвет естественного происхождения (для обозначения цвета шерсти животных или древесины)².

Рассмотрим тексты, где употребление ирландского *derg* и бретонского *guz* в сходных контекстах обнаруживает также и

¹ Dictionary of the Irish Language. Dublin, 1990 (далее — CDIL).

² Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. С. 109—116.

сходную функцию двух этих прилагательных в плане как цвето-обозначения, так и обозначения реалий иного мира.

Красный цвет играет большую роль в саге «Разрушение дома Да Дерга». Само название дома переводится как «Дом красного бога» (Da Derga = De Derga 'Красный бог'). Эпитет бога происходит от корня *derg-*, то есть значение 'красный' содержится в самом названии этого строения. Король Конайре вынужден нарушить магические запреты-гейсы один за другим, что ведет к его гибели и разрушению дома Да Дерга, где он остановился на ночлег.

Смерть короля связана с появлением красных (инфернальных) существ, красных всадников: «три красных плаща на них были, три красные рубахи, три красных копья да три красных щита в руках, три красные копны волос да три красных коня¹». Там же упоминаются три разбойника по прозвищу Три красных Пса.

Сюжет новеллы-сказки «Собака мертвой головы» имеет много общего с сюжетом саги «Разрушение дома Да Дерга». В произведении Э. Ар Моаля, несмотря на стилистическую обработку, приближающую его к готическим новеллам XIX века, сохранилось большое количество архаических черт (как, например, отрубленная голова, преследующая главного героя, — мотив, распространенный во всех кельтских легендах и связанный с культом отрубленных голов, отмеченным еще античными авторами). Однако мы остановимся лишь на моментах, имеющих отношение к красному цвету.

В «Собаке мертвой головы» отец, умирая, делит наследство между двумя сыновьями: старшему, Эрри, достаются конь и дом, младшему — собака и деньги. Далее старший брат Эрри, желая получить наследство целиком, убивает младшего, то есть преступает одну из десяти библейских заповедей, совершая самый страшный грех, так же как и король Конайре, нарушивший гейс. В обоих случаях это ведет к гибели героя.

Далее Эрри отправляется путешествовать и видит странное *красное* зарево. Местная жительница объясняет ему, что так

¹ Шкунаев С. В. Предания и мифы Средневековой Ирландии. М., 1991. С. 107.

каждый вечер пылает Замок Зеркал (Kastell ar Milourgiou), место это опасное, никто оттуда не возвращался.

Для описания цвета замка используется композит *gu(z)-gwad* 'кроваво-красный'. По всей видимости, автор таким образом подчеркивает связь замка с царством мертвых (оттуда тоже никто не возвращается).

Герой направляется в замок, по пути его преследует собака убитого брата. Не описывая деталей внешности животного, автор тем не менее указывает, что у собаки были *красные* глаза:

Eug c'hi braz a welas e-kichen e varc'h, e zaoulagad *ru* warnap.

Он увидел большую собаку около своей лошади, ее (собаки) красные глаза смотрели на него¹.

В замок ведет тропинка, по бокам которой находятся скалы «темно-красные, как сухая кровь» (*gu-mouç, liou ar gwad sec'h*²). Сама тропинка полита кровью (тропинка также красного цвета: далее про нее говорится, что она «окрашена кровью» — *liwet a wad*³) и усеяна человеческими костями. Скалы требуют человеческих жертвоприношений, того, кто не заплатит кровью, они не пропускают, раздавливая насмерть. В данном случае платой за проход в Замок Зеркал является кровь убитого брата.

В первом дворе замка героя встречают три слуги, одетых в синее, но с *красными* шапками (*gant tokou gu*), они срывают с Эрри головной убор и также надевают на него красную шапку. Когда Эрри пытается протестовать, оказывается, что они немые и глухи.

Герой проезжает во второй двор, где его встречает еще один немой слуга, он одет в красное, а шапка у него синяя. Он заставляет Эрри переодеться целиком в красное. В третьем дворе его заставляют надеть красные башмаки и перчатки, и только тогда он допущен в замок.

Замок, являясь неким «потусторонним», враждебным местом (напомним, что героя в конечном итоге ожидает смерть),

¹ *Ar Moal E. Pipi Gonto, Kemper, 1925. P. 6.*

² *Ibid. P. 7.*

³ *Ibid. P. 9.*

прочно ассоциируется с красным цветом (так же, как и дом Да Дерга, «дом красного бога»). Слуги, встречающие героя, немы и глухи, как мертвецы.

Далее героя встречает хозяйка замка. Слуги и свита хозяйки замка немы (за исключением слуги, приставленного к герою). Рядом с хозяйкой постоянно находится человек без головы — убитый брат героя. Итак, замок является частью мира мертвых.

Во многих островных фольклорных текстах мертвецы изображаются лишенными дара речи. Так, во «Второй ветви Мабиноги» описан котел, воскрешающий мертвых, которые представлены немыми.

Хозяйку замка (она обладает даром речи) сопровождает труп убитого брата, который ведет себя как живой человек, хотя он и лишен головы.

Герой допущен в замок только после того, как его переодели в *красную одежду*. По всей видимости, эта одежда является знаком принадлежности к замку мертвых, своеобразным пропуском в замок.

В замке герой подвергается всевозможным мучениям, самое тяжкое из которых — постоянные встречи с умершим братом и его отрубленная голова, являющаяся герою в видениях. Герой пытается бежать, но первые попытки неудачны. Наконец он убивает слугу, затем встречает старуху (ей оказывается сама хозяйка замка), которая подсказывает ему путь к бегству: нужно поджечь замок. Однако замок сделан из стали, и, чтобы его поджечь, следует намазать стены кровью убитого человека. Все, что принадлежит замку, должно сгореть, поэтому герой должен сбросить с себя красную «казенную» одежду.

Эрри проделывает все вышеуказанные действия, поджигает замок. Далее следует описание пожара, огонь сравнивается по цвету с кровью: *an tan a oa ru evel gwad*¹ — «огонь был красный как кровь», расплавленная сталь и стекло текут кроваво-красными ручьями, как кровь из сердца человека: *An dir, ar gwet teuziet hag a ruilhe ... henvel ouzh gwaziou gwad tomm o raouez donet er-mez eus kalon eun den.* — «Все, кто находится в замке, погибают».

¹ *Ibid.* P. 24.

Дом Да Дерга также поджигался (трижды горел и трижды был потушен).

И в том и в другом случае мы имеем дело с отголоском реального обряда, состоявшего в ритуальном поджигании некоего сооружения, специально предназначенного для этой цели. В качестве примера можно привести сооружение и разрушение огнем подобного сооружения в Ирландии (в Навад Форте, др.-ирл. *Etain Macha*) приблизительно в 100 году н. э.

Вполне возможно допустить, что подобные действия сопровождались человеческими жертвоприношениями. Так, в бретонской легенде герой убивает человека, прежде чем войти в замок (для того, чтобы войти в замок?) и прежде чем его покинуть (то есть для того, чтобы его покинуть). Несмотря на то что в центре внимания Э. Ар Моаля не столько действия героя, сколько его душевные переживания, раскаяние и наказание за смертный грех, многое указывает именно на соблюдение некоего ритуала: герой проникает в замок, чтобы его разрушить, причем хозяйка замка подсказывает ему, что нужно для этого сделать, несмотря на то, что сама погибает в огне. Отметим также, что сам герой погибает несколько позже в результате встречи с отрубленной головой младшего брата.

Подводя итог, отметим следующие моменты.

1. В обоих текстах герой нарушает запрет — король Конайре нарушает свои гейсы, а Эрри совершает смертный грех.

2. И в том и в другом случае разрушается некое здание, ассоциирующееся с красным цветом.

3. И в том и в другом тексте фигурируют персонажи, одетые в красное.

4. В обоих текстах одним из действующих лиц является отрубленная голова: в «Разрушении...» это голова самого Конайре, в бретонской легенде — голова убитого младшего брата, которая становится причиной смерти старшего.

Не берем на себя смелость утверждать, что оба текста восходят к какому-либо одному источнику, так как перечисленным их сходство исчерпывается. К тому же «Разрушение...» представляет собой эпическое произведение, а «Собака мертвой головы» отражает позднейшую стадию развития литературы, по жанру

и степени обработки этот текст сравним, например, с «Вечерами на хуторе близ Диканьки».

При этом многие детали обработанной легенды могут быть добавлены к исходному (устному) тексту автором, исходящим из собственных эстетических соображений. По нашему мнению, Э. Ар Моаль привнес в повествование лишь один существенный элемент: душевные терзания героя, муки совести и раскаяние, то есть все то, что обычно отсутствует в устных прозаических произведениях (сказки, легенды, в меньшей степени былички).

Обратим внимание и на тот факт, что описание внутреннего мира героя, по мере повествования доходящего до безумия, весьма удачно объясняет его «странные» с точки зрения современного человека поступки (непреодолимое желание попасть в страшный замок, убийство слуги, поджог замка и гибель людей) — здесь очевидна попытка автора мотивировать с современной ему точки зрения явно абсурдные действия героя. Вероятно, эти «странные» поступки изначально имели иную мотивацию, забытую носителями традиции.

В саге же «Разрушение дома Да Дерга» мы имеем дело с совершенно иной системой моральных ценностей, поэтому такие ключевые моменты, как необходимость для короля остановиться на ночь в доме Да Дерга, битва и гибель людей, поджог дома и т. д., в столь пространной мотивации не нуждаются. Необходимость совершить те или иные действия объясняется лишь в том случае, когда требуется, чтобы король нарушил один из гейсов.

Вероятно, однако, что оба текста в различной степени отражают некий обряд, совершение которого требовало разрушения и сожжения некоего культового здания, возможно, с человеческими жертвоприношениями; обряд каким-то образом был связан с культом отрубленных голов.

Мы не исключаем наличия некоего мифа, объяснявшего происхождение и назначение этого обряда. Возможно, перечисленные детали восходят к повествованию, где фигурирует красный дом, то есть здание, где обитают *существа*, принадлежащие к иному миру, которое неизбежно разрушается и сгорает в случае, если герой (король) нарушает некий запрет, погибает при этом и нарушитель запрета. Вероятно, изначально этот

миф был связан именно с фигурой короля (о связи королевской власти с красным цветом ниже) и был призван доказывать «от противного» целесообразность законов (запретов): если запрет нарушен, происходит катастрофа, нарушитель погибает, а вместе с ним рушится и часть мироздания, то есть воцаряется хаос.

Однако, прежде чем рассмотреть связь красного цвета с фигурой короля, вернемся к красному цвету как атрибуту инфернальных существ, фигурирующих в обоих рассмотренных текстах.

В саге «Разрушение дома Да Дерга» упоминаются красные всадники. Подобные персонажи в бретонском фольклоре встречаются крайне редко. Исключением является описание дьявола в легенде *Toull al lakez*, записанной и обработанной аббатом Ланом Инизаном. В этой легенде дьявол является герою в обличье рыцаря на огнедышащем коне. Внешность рыцаря практически не описывается, автор сообщает лишь одну, весьма важную для нас, деталь: шлем рыцаря был украшен лентами красного цвета:

... eun marc'heg, gantañ war benn eun tok houarn, ha, war gern e dok houarn, eun pourc' had teo a rubanou ruz¹.

Всадник, на голове которого был металлический шлем, на вершине которого — толстый пучок красных лент.

Итак, мы видим, что в фольклоре бретонцев, как и в ирландской и валлийской традиции, красный цвет является атрибутом дьявола и, шире, цветом инфернальных существ, возможно, всего мира мертвых.

Можно было бы предположить, что красный цвет имеет в современном бретонском языке только отрицательную коннотацию. Однако это не всегда так. Ф. Фавро приводит следующую поговорку:

Toud al liviou a zo mad med ruz eo an tad [GBV].

Все цвета хороши, но красный — отец (то есть главный цвет).

Это утверждение на первый взгляд никак не согласуется с нашим предварительным выводом, но тем не менее не исключает его. Красный цвет в кельтской традиции был одним из цветов иного мира наравне с белым (то есть «хорошим» цветом). В ка-

¹ *Inizan L. Toull al lakez, Kemper, 1930. P. 5.*

честве примера приведем животных, принадлежащих к иному миру и сочетающих в себе эти два цвета: красноухих псов из Аннуна, белую корову с красными ушами в ирландской традиции. Таким образом, красный цвет не противопоставляется белому, а сочетается с ним.

Из галльского материала видно, что элемент «красный» вошел в состав теонимов:

Rudianos — один из эпитетов Марса: крепкий, прочный / красный, возможно от *Rudios + суффикс -ono- (-ano-), от *tudhio- и.-е.*teudh- ‘красный’, вариант *Rudiodivos ‘мощный бог’.

Rudibos — также один из эпитетов Марса с тем же значением ‘крепкий, прочный / красный’, предположительно является результатом гаплогонии *Rudiodivos.

В данном случае эпитет «красный» является не столько цветообозначением, сколько характеристикой бога: сильный, мощный, крепкий. Отметим, что этот эпитет характеризует именно бога, а не богиню, вероятно, речь идет о качествах мужчины, воина. Точно так же в бретонском фольклоре красный цвет является цветом inferнальных существ мужского пола: в красное одеты Дьявол, слуги в Замке Зеркал (о цвете одежды служанок и самой хозяйки нам ничего не сообщается).

Сходную картину дает нам и ирландский материал.

Корень god- / guad- вошел в состав имен собственных. Так, в огамических надписях засвидетельствовано имя собственное Rodagni, уменьшительное от rùad¹. Нередко эпитет «красный» являлся частью сложных имен, принадлежавших ирландским королям: Ross Ruad, Roth-guad, Ruadguss (Rudguss), Ruad (mac Deigg), Derg (mac Deirgthened). Связь красного цвета с королевским саном соотносится с подобной же связью между красным цветом и властью кшатриев в древней Индии, причем галльское -rix соответствует санскритскому -raja, а ирландское Ruadri ‘красно-король’ сочетает в себе оба элемента — указание на красный цвет и королевскую власть². Как видно из галль-

¹ Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984, стр. 186.

² Boleli T., Campanile E. 1971, P. 123—140.

ского материала, элемент «красный» обозначал именно силу, прочность.

Одной из доблестей короля в древней Ирландии (как и во многих других архаических культурах) была способность к совершению деструктивных поступков: истребление вражеских армий, разрушение зданий, разорение земель. Естественно, «красная» доблесть короля, будучи разрушительной, вселяла ужас, была враждебной и опасной для его врагов. Таким образом, нет никакого противоречия в том, что красный цвет воспринимался как цвет доблести (положительная коннотация) и одновременно как цвет разрушения (отрицательная коннотация).

Вернемся к пословице, приведенной Ф. Фавро, где красный назван «отцом» всех цветов. В свете вышесказанного можно предположить, что он являлся цветом силы, власти, возможно, и мужской силы. Красный назван отцом всех цветов точно так же, как король, герой, языческий бог, ассоциирующийся с красным цветом, отождествлялся с властью отца, главы рода, родоначальника племени, дающего, с одной стороны, защиту, чувство надежности и защищенности членам своего рода, а с другой — несущий разрушение всем врагам. Фигура отца в традиционной модели амбивалентна — отец и защищает, и наказывает, и пугает. Поэтому грозного отца изначально нельзя рассматривать как однозначно «хорошего» или «плохого» персонажа. Именно так мы и предлагаем рассматривать значение прилагательного «красный» — как эпитета ирландских королей и галльских языческих богов.

Первоначально являясь атрибутом царской власти, прилагательное «красный» имело в кельтских языках переносное значение «сильный, мощный». Но если в ирландской традиции красный цвет является и женским и мужским атрибутом, то галльский и бретонский материал дает основания полагать, что на территории Галлии (в том числе Арморики) и позднее — Бретани красный был преимущественно «мужским» цветом. При этом данный эпитет неизбежно имел и некий негативный оттенок, так как одной из доблестей королей считалось нанесение ущерба врагам, разрушение. Таким образом, как мы видели на примере двух текстов, в которых речь идет о разрушении и

сожжении некоего «красного» дома, этот цвет ассоциировался с разрушением, насильственной смертью.

Являясь эпитетом языческих богов, при принятии христианства в Бретани эпитет «красный» постепенно отошел к Дьяволу и таким образом приобрел в бретонском языке однозначно отрицательную коннотацию.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем слабую хроматизацию бретонских фольклорных текстов: мы не встречаем в них подробных описаний цветов одежды, как в ирландских сагах, где присутствуют не только основные базовые цвета, но и различные их оттенки. При описаниях одежды людей и масти животных бретонский фольклор за редким исключением использует всего три цвета — черный, белый и красный. Причем у белого цвета ярко выражена положительная коннотация, у черного — отрицательная. Несомненно, во многом такое распределение сложилось под влиянием христианства. В современном бретонском языке прилагательное *du* 'черный' является синонимом прилагательного *ruz* 'красный' в том случае, если оба имеют значение «плохой, жестокий».

По нашему мнению, до христианизации красный цвет мог рассматриваться как один из священных цветов наравне с белым. Но если белый воспринимался христианами как синоним чистоты и святости, то красный стал атрибутом inferнальных существ, в том числе Дьявола.

Библиография

Список сокращений

- CDIL Dictionary of the Irish Language, Dublin, 1990.
- GBV Favereau, Francis, Geriadur brezhoneg — galleg, galleg — brezhoneg / Dictionnaire du breton contemporain bilingue, Montroules, 1993.
- LEIA Vendryes, J., Lexique étymologique de l'irlandais ancien, Paris 1960.
- Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
- Бурсье Э.* Основы романского языкознания. М., 1952.
- Васильев В.* Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. М.: Наука, 1972.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979.
- Казанский Н. Н.* Об одном случае регенерации эпической формулы // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Десницкой. СПб: Наука, 2002.
- Калыгин В. П.* Кельтский концепт «мир» в сравнительно-исторической перспективе. № 2 // Известия академии «Наука» // Серия литературы и языка, 1996. Т. 55.
- Калыгин В. П.* Палатализация в кельтских и славянских языках: некоторые сходства и различия // Язык и культура кельтов, материалы VII colloquium. СПб, 1999.
- Калыгин В. П., Королев А. А.* Введение в кельтскую филологию. М.: Наука, 1989.
- Королев А. А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М.: Наука, 1984.

- Лайсафт П., Михайлова Т. А. Банши, фольклор и мифология Ирландии. М.: ОГИ, 2007.
- Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Михайлова Т. А., Николаева Н. А. Номинация смерти в гойдельских языках: к проблеме реконструкции кельтской эсхатологии // Вопросы языкознания. 1998, № 1.
- Михайлова Т. А. «Рыжая девушка» или о цвете волос как знаке принадлежности к иному миру в ирландском фольклоре» // Миф в культуре: человек — не-человек, материалы конференции. М.: МГУ, 2000.
- Михайлова Т. А. «Сказка о двух горбунах» («понедельник-вторник...») в свете доиндоевропейской календарной традиции // Язык и культура кельтов, материалы IV коллоквиума. СПб, 1995.
- Михайлова Т. А. Суибне — гельт, зверь или демон, безумец или изгой. М.: Аграф, 2001.
- Мурадова А. Р. Предания кельтов Бретани. М.: Менеджер, 2000.
- Подосинов А. В. Ex oriente lux! М., 1999.
- Предания и мифы Средневековой Ирландии / Пер. С. В. Шкунаева. М., 1991.
- Протт В. Я. Морфология сказки. СПб, 1928.
- Рис А., Рис. Б. Наследие кельтов, древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М.: Энигма, 1999.
- Топоров В. А. Прусский язык. М., 1990.
- Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994.
- Фалилеев А. The Dying Celt: Some Philological Consideration, Aberystwyth — St. Petersburg (рукопись).
- Филип Ян. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
- Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды русского севера. СПб, 1996.
- Шкунаев С. В. Предания и мифы Средневековой Ирландии. М.: МГУ, 1991.
- An Uhel F. Kontadennoù ar Bobl, s.l., 1984—1988. Т. 1—5.
- Ar Moal E. Pipi Gonto, Kemper, 1925.
- Bertoù E. En Bro-Dreger a-dreuz ar parkoù, Lesneven, 1985.

- Boleli T., Campanile E. Sur la préhistoire des noms gaulois en -rix,
// Etudes Celtiques, 1971, vol. 13
- Brekilien Y. Contes et légendes du pays breton, Spezed, 1994
- Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal
Indo-European Languages, Chicago, 1988
- Carry J. Boundary Association in Early Irish Society // Studia
Celtica 7, 1972
- Cassard J.-C., Le breton dans le procès de canonisation d'Yves
Hélori (Tréguier — 1330) // Mélanges offerts à la mémoire de
Léon Fleuriot / Bretagne et pays Celtiques, St-Brieuc, 1992
- Chadwick N. K., Early Brittany, Cardiff, 1969
- Croix A. Culture et religion en Bretagne aux 16 et 17 siècles,
Rennes, 1995
- Croix A. Guiffan J. Histoire des bretons, Paris, 1977
- Cuillandre J. La Droite et la Gauche dans l'orientation bretonne
// Annales de Bretagne, 1927, t 37
- Davies W., Graham-Campbell J., Handley M., Kershaw P., Koch J. T.,
Le Duc Gw., Lockyear C. Les inscriptions de la Bretagne du Haut
Moyen-Age, Celtic Studies publications, Oakville, Connecticut
/ Aberystwyth, 2000
- Delamarre X., Dictionnaire de la langue Gauloise, Paris, 2001
- Denez Gw., Anna: ur vuhez e Douarnenez, Lesneven, 1966
- Denez P. Brezhoneg... buan hag aes, Paris, 1995
- Dictionary of the Irish Language, compact edition, Royal Irish
Academy, Dublin, 1990
- Die Grossen Altkeltischen Sprachdenkmaler / Akten des
Kolloquiums Innsbruck, 29 April-3 Mai 1993
- Duine F. Vie antique et inédite de S. Turiau, évêque-abbé de
Bretagne // Bulletin et mémoires de la Société archéologique
d'Ille-et-Vilaine, 41/2, 1912
- Délumeau J. Documents de l'histoire de la Bretagne, Paris, 1970
- Ethnologie française, Paris, 1972, 1. 3-4,
- Falc'hun F. Celtique continental et Celtique insulaire en breton //
Annales de Bretagne, tome LXX, n. 4, Rennes, 1963
- Falc'hun F. L'histoire de la langue bretonne d'après la géographie
linguistique, Paris, 1963

- Flatres P. Abandon de langue et transmission de tradition, à propos de quelques rencontres avec le paganisme celtique // La Bretagne linguistique, Brest, 1990
- Fleuriot L. Dictionnaire des gloses en vieux breton, Paris, 1964
- Fleuriot L. Le vieux-Breton, Paris, 1989
- Fleuriot L. Les origines de la Bretagne, Paris, 1980
- Gaidoz H. Annwn // Zeitschrift für celtische Philologie, 1897, 1.
- Giraudon, D. Le ciel dans les traditions populaires en Bretagne // Etudes sur la Bretagne et les pays Celtiques, vol. 4, Brest, 1995
- Gourvil F. Langue et littérature bretonnes, Paris, 1976
- Gow Y. Marc'heger ar Gergoad, Lesneven, 1994
- Gros J. Le trésor du breton parlé, s. I., 1989
- Guionvarc'h K. J., Le Roux F. La civilisation celtique, Rennes, 1990
- Hemon R. Christmas hymns in the Vannes dialects of Breton, Dublin, 1956
- Hélias P. J. L'esprit du rivage, Paris, 1981
- Inizan L. Toull al lakez, Kemper, 1930
- Jackson K. H. A historical phonology of Breton, Dublin, 1986
- Jackson K. Languages and History in Early Britain, Edinburgh, 1953
- Jackson K. Languages and History in Early Britain, Edinburgh, 1953
- Kergoat L. Proverbes bretons, Spezet, 1996
- Kergoat L. Rannyezh ar gevred, Istor ha rannyezhoù, Rennes, 1993
- Lambert P. - Y. La langue gauloise, Paris, 1994
- Lambert P. Y. Grands textes magiques: Chamalières, Larzac // Die Grossen Altkeltischen Sprachdenkmaler, Akten des Kolloquiums Innsbruck, 29 April-3 Mai 1993
- Laurent D. Aux sources du Barzaz-Breiz // Ar Men, 1989
- Laurent D. Aux sources du Barzaz-Breiz. Mémoires d'un peuple. Douarnenez, 1989
- Laurent D. La cime sacrée de Locronan // L'interceltique, printemps 1998
- Lavaud R., Nelli-Bruge R. Les troubadours, Paris, 1960
- Lavaud R., Nelli-Bruge, R. Les troubadours. Traduction de René et René Nelli-Bruge, 1960
- Le Braz A. La légende de la mort, s.l., 1994

- Le Dibreder M. Kontadennoù diwarbenn ar Maro e Breiz-Huel // Breiz Atao, № 9—10, 1920
- Le Duc, Gw., La vie da Geneviève da Brabant: La langue comme écran et révélateur, рукопись
- Le Duc, Gw., La Vie de Geneviève de Brabant, Etude critique du plus ancien texte (vers 1640), Dublin, 1983
- Le Duc, Gw., Leoteren et le sinueux parcours des légendes // Mondes de l'Ouest et villes du monde, Rennes, 1996
- Le Men, Gw., Histoire du théâtre populaire breton XV – XIX // Skol - Dastum, 1983
- Le Menn, Gw., Un «Veni creator» latin-breton dédié à Anne de Bretagne en 1505 // Etudes Celtiques, Vol. XVI, 1979
- Le Menn, Gw., Histoire du théâtre populaire breton XV - XIX, Skol, Dastum, 1983
- Le Mirouer de la Mort, Paris, 1914
- Lewis H., Piette, J. R. F. Handbuch des Mittelbretonischen, Deutsche Bearbeitung von Wolfgang Meid, Innsbruck 1990
- Lewis H., Piette J. Handbuch des Mittelbretonischen, Innsbruck, 1990
- Luzel F. M. Chants et chansons de la Basse-Bretagne, Paris, 1971, Gwerzioù, т. 1, 2
- Luzel F. M. Chants et chansons de la Basse-Bretagne, Paris, 1971, Sonioù, т.1, 2
- Léon Fleuriot. Les origines de la Bretagne, Paris, 1980
- Martin H., Martin L. Croix rurales et sacralisation d'espace; le cas de la Bretagne au Moyen Age, // Archives de Sciences Sociales des Religions, XLIII/1, 1977
- Milin G. Gwechall-goz e oa, Kemper, 1924
- Minois G. Nouvelle Histoire de la Bretagne, Paris, 1996
- Mérdrignac B. L'espace et le sacré dans les leçons de bréviaires de l'ouest Armoricaïn consacrés aux saints bretons (XV- XVI e siècles) // Annales de Bretagne, t. 90, 1983, N1
- Philippe J. War roudoù Merlin e Breizh, Lesneven, 1986
- Piriou Y-B. Notes de lecture: La Vie de Sainte Nonne // Etudes celtiques, XXIII, 1986
- Piriou Y-B. Un texte Arthurien en moyen breton en moyen breton «Le dialogue entre Arthur roi des bretons et Guyinglaff»// Actes du 14e Congrès International Arthurien, Rennes, 1984

- Piriou Y-B. Contribution à une histoire de la littérature bretonne perdue, Thèse d'Etat, Rennes, 1982
- Planiol M. «Annales de Bretagne» T.9, 1890, c 255
- Pérennes H. Chansons populaires de la Basse-Bretagne/ Annales de Bretagne, 45, Rennes, 1938
- Raude A.-J. La palatalisation des consonnes velaires en breton et en britto-romain // La Bretagne Linguistique , 5, Brest, 1989
- Stéphan L., Seité V. Lexique breton-français et français-breton, Paris, 1980
- Tanguy B. Recherche autour de la limite des noms gallo-romains en -ac en Haute-Bretagne, Brest, 1973
- Ternes E. Grammaire structurale du breton de l'île de Groix, Heidelberg, 1970
- The Book of Taliesin, Ed. J. Evans, 1910
- Toute l'histoire de Bretagne, des origines à la fin du XX siècles, Skol Vreizh, 1996
- Troude A., Milin G. Labous ar wirionez ha marvailhoù all, Kemper, 1963
- Vendryes J. L'enfer glacé // Revue Celtique, 1929
- Villemarqué T. H. Barzaz Breiz, Paris, 2001
- Willams I. The Poems of Taliesin, Dublin, 1975

Оглавление

Предисловие ко второму изданию	3
Бретань, бретонцы и их язык	6
Сказочник Гонто	10
Предисловие	10
Собака мертвой головы	11
Кабачок с хорошим сидром	31
Женитьба Анку	45
Парень-Дьявол	54
Мальчик с кожаной плеткой	69
Волшебная дубинка	86
Девушка-рыцарь	106
Часть 1. Старушка из леса и человек в черном плаще	106
Часть 2. Девушка-рыцарь при дворе бретонского короля	118
Часть 3. Мариолу-Мариолон, индийская царица	130
Человек в чугунном котле	150
Сын короля Ирландии	155
Волшебная книжечка	179
Примечания и приложения	196
Литература на бретонском языке. Краткий исторический очерк	227
Бретонская народная литература и первые попытки ее письменной фиксации	243

Об авторах текстов, вошедших в этот сборник	248
Франсуа-Мари Люзель (1821—1895)	248
Амабль Труде (1803—1885)	
и Габриэль Милин (1822—1895)	249
Эрвон Ар Мооль (1874—1957).	250
Йон ар Го (1897—1966)	250
Приложение	251
Символика красного цвета	
в бретонской народной литературе.	251
Библиография	264

Автор-составитель
Мурадова Анна Романовна

Волшебная книжечка
Кельтское наследие
Бретонские легенды

Редактор
Корректор
Компьютерная верстка *А. П. Сильванович*
Оформление обложки *П. Родькин*

Подписано в печать 12.10.10. Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 14,28.
Уч.-изд. л. 14,68. Гарнитура «Лазурский». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 2000. Заказ О-1579.

По вопросам приобретения книг обращайтесь:
Отдел продаж издательства «ФОРУМ»:
101990 Москва—Центр, Колпачный пер., д. 9а,
тел./факс (495) 625-32-07, 625-52-43;
e-mail: forum-ir@mail.ru
Отдел продаж «ИНФРА-М»:
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в,
тел. (495) 380-05-40 доб. 252; факс (495) 363-92-12;
e-mail: ati@infra-m.ru
Отдел «Книга — почтой»:
e-mail: podpiska@infra-m.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.